

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Астраханский государственный университет
имени В.Н. Татищева»

На правах рукописи

ДОРОФЕЕВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА
В СФЕРЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.
(НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

**Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук**

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор
Тимофеева Елена Георгиевна

Астрахань, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1. Организационно-правовые основы и эволюция государственно-церковной политики по отношению к женскому образованию в России в конце XIX – начале XX в.....	31
1.1. Основные направления развития духовно-учебных заведений в контексте государственной политики в сфере женского образования	31
1.2. Правовое обеспечение и развитие образования женщин в епархиальных женских училищах и церковно-приходских школах.....	50
2. Реализация основных направлений государственно-церковной политики в практике женских духовно-учебных заведений Нижнего Поволжья в конце XIX – начале XX в.....	78
2.1. Структура управления процессами образования и воспитания в женских духовно-учебных заведениях Нижнего Поволжья в конце XIX – начале XX в.	78
2.2. Организация материального и финансового обеспечения деятельности духовно-учебных заведений для женщин в Нижнем Поволжье	93
2.3. Реализация кадровой политики в системе женских духовно-учебных заведений.....	129
3. Организация процессов образования и воспитания в системе женских духовно-учебных заведений Нижнего Поволжья на рубеже XIX–XX вв.....	155
3.1. Содержание образования и воспитания в духовно-учебных заведениях для женщин на территории Нижнего Поволжья	155
3.2. Норма и девиация в системе женского образования в период политических трансформаций начала XX в.	184
Заключение	205
Список источников и литературы	210
Приложение	237

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определена возросшим за последние годы научным интересом к проблемам истории Русской православной церкви, взаимоотношений государства и церкви, в том числе в сфере женского образования. Тема актуализируется также в связи с открытыми для исторической науки вопросами о причинах социально-политических трансформаций в российском обществе в конце XIX – начале XX в., охваченного протестными настроениями, в том числе в системе образовательных учреждений. Дополнительные ответы требуют вопросы, связанные с кризисом духовного образования в России, его проявлениями в системе духовно-учебных заведений для женщин.

Рассмотрение проблем женского образования с точки зрения региональной специфики усиливает актуальность исследования. Это подтверждается диссертационными работами по общим вопросам духовного образования, проблемам религиозно-нравственного воспитания женщин и политики государства, Святейшего Синода в области просвещения. Вместе с тем, проблема реализации духовного компонента в системе женского образования в России в исследуемый период среди учёных является менее востребованной, чем история мужского духовного образования. Это обуславливает необходимость обращения историков к изучению деятельности женских духовно-учебных заведений, введению в историческую науку новых источников, материалов региональных архивов. Государственно-церковная политика в области образования женщин в Нижнем Поволжье исследуется впервые, что позволило автору конкретизировать общие процессы, характеризующие систему женских духовно-учебных заведений, выявить проблемы реализации духовного компонента в системе женского образования и охарактеризовать способы их преодоления.

Таким образом, актуальность исследования проблемы эволюции государственно-церковной политики в отношении духовного компонента в системе образования женщин на территории Нижнего Поволжья в конце XIX – начале XX в. является обоснованной и объясняет выбор темы диссертации.

Объект исследования – государственно-церковная политика по отношению к женскому образованию в России в конце XIX – начале XX в.

Предметом исследования является реализация государственно-церковной политики в системе женских духовно-учебных заведений Нижнего Поволжья в конце XIX – начале XX в.

Хронологические рамки исследования охватывают период конца XIX – начала XX в. Определение нижних хронологических границ связано с начавшимися в России в 1880-х гг. реформами женских духовно-учебных заведений. Система обучения женщин в духовно-учебных заведениях, сохраняя консервативное ядро, расширяла пространство гендерного и сословного разнообразия, эволюционировала в направлении преодоления кризисных явлений в период социально-политических трансформаций российского общества. Верхней границей исследования определены революционные события февраля 1917 г., повлёкшие масштабные изменения государственных институтов, в том числе института образования. Вопросы изменения государственно-церковной политики в отношении религии и церкви, системы духовного образования, последовавшие за этими событиями, на наш взгляд, требуют специального изучения и являются самостоятельной научной проблемой.

Территориальные границы исследования охватывают пространство Нижнего Поволжья в дореволюционных границах двух губерний: Астраханской и Саратовской. Это позволило автору выявить как общие тенденции, характеризовавшие государственно-церковную политику в сфере образования женщин в России в исследуемый период, так и проследить особенности её реализации в духовно-учебных заведениях одного из крупных регионов Российской империи – Нижнего Поволжья.

Степень научной разработанности темы. В отечественной историографии накопился значительный пласт исторических работ и исследований, посвящённых различным вопросам истории образования женщин, в том числе реализации духовного компонента женского образования в духовно-учебных заведениях. Дореволюционные, советские и современные авторы рассматривали историю женского образования в различных направлениях и проблемных аспектах. Однако на сегодняшний день комплексного исследования эволюции государственно-церковной политики по отношению к женским духовно-учебным заведениям в России в конце XIX – начале XX в. в территориальных границах Нижнего Поволжья не осуществлено. Вместе с тем, ряд работ отечественных авторов составили фундаментальную базу настоящей диссертации и позволили выявить неисследованные проблемы истории образования женщин.

История женских духовно-учебных заведений в работах дореволюционных авторов рассматривалась чаще как часть системы женского образования. В частности, Н.Г. Чернышевский, С.С. Шашков, Н.Е. Зинченко, В. Овцын, М.Н. Катков описывали систему женского образования, её состояние и возможные перспективы. В условиях разворачивавшегося феминистического движения в России Н.Г. Чернышевский, С.С. Шашков отмечали правовую неспособность женщины, отсутствие равных с мужчиной прав на образование¹. В исследованиях В.В. Игнатовича, Н.П. Малиновского, М.Л. Михайлова, А. Осинина, В.П. Острогорского сравниваются подходы к образовательному процессу в светских и духовных женских учебных заведениях. В работах раскрывается не только характер духовного образования, но и разница в принципах его осуществления². Рассматривая систему женского образования,

¹ Чернышевский Н.Г. Избранные педагогические высказывания. М., 1940; Шашков С.С. Очерк истории русской женщины. СПб., 1872; Зинченко Н.Е. Женское образование в России. СПб., 1901; Овцын В. Развитие женского образования. СПб., 1887; Катков М.Н. О женском образовании. М., 1897.

² Игнатович В. Женское образование и женские школы в теории и на практике. СПб., 1865; Малиновский Н.П. Очерки по истории женского среднего образования в России // Русская школа. 1914. № 9–10. С. 23–28; Михайлов М.Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Современник. 1860. № 4. С. 8–11; Осинин А. Исторические заметки о по-

Е.О. Лихачёва уделила особое внимание процессу унификации женских духовно-учебных заведений. Заслуга автора заключается в изучении уставов различных епархиальных женских училищ, обосновании необходимости принятия единого Устава. Несмотря на объём привлечённых исторических источников по истории женского образования, Е.О. Лихачёва не осуществила комплексного сравнения деятельности женских светских и духовно-учебных заведений¹. Однако труд Е.О. Лихачёвой является первым в отечественной историографии комплексным исследованием всей системы женского образования, наполненным не только фактологическим материалом и его описанием, но и целенаправленным анализом, оценками событий, связанных с проблемой становления женского образования в России.

В дореволюционный период к истории женских духовно-учебных заведений как самостоятельной теме отечественные авторы обратились впервые в середине XIX в., характеризуя процесс возникновения и становления отдельных епархиальных женских училищ². Несмотря на то, что все работы носили информационный характер, их содержание выстроено на основе богатой фактологической базы, написаны на основе утраченных на сегодняшний день материалов, поэтому ценность первых работ неоспорима.

Начиная с 1880-х гг. в дореволюционных исследованиях рассматриваются отдельные аспекты реализации духовного компонента в сфере образования женщин. Это связано, во-первых, с накопленным практическим опытом

ложении и образовании женщины // Женское образование. 1883. Кн. 6–8; Острогорский В.П. Двадцатилетие женских гимназий в России // Вестник Европы. 1889. № 4. С. 45–51.

¹ Лихачёва Е.О. Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). СПб., 1890.

² Калязин Г. Об училищах для девиц в уездных городах. М., 1859; Крыжановский Е. Училище для девиц духовного звания при Лебединском женском монастыре // Руководство для сельских пастырей. 1860. № 1. С. 16–27; Ярославское училище девиц духовного звания. Ярославль, 1861; Об училищах для девиц духовного звания // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1866. Кн. 1. С. 172; Остроухов П. Краткая записка об учреждении в Тамбове училища девиц духовного звания // Открытие в городе Тамбове училища девиц духовного звания. Тамбов, 1864; Леонтьев И.Ф. Об образовании женщин. Второй выпуск Астраханского епархиального женского училища. СПб., 1872.

осуществления образовательной деятельности в женских епархиальных училищах и церковно-приходских школах, во-вторых, с необходимостью реформирования системы духовного образования, обновления и унификации содержания образовательных программ. Поэтому одной из ведущих тем историографии этого периода становится правовое регулирование женского образования. Так, в работах Д. Семёнова и А. Кузнецова рассмотрен процесс правового становления епархиальных женских училищ¹. Преимуществом исследования А. Кузнецова является хронологизация ратифицированных законоположений, касавшихся женских духовно-учебных заведений, однако за описанием нормативно-правовых актов были упущены условия их применения и последствия их принятия.

Особое внимание в исследованиях дореволюционных авторов на рубеже XIX–XX вв. было обращено к реформам духовно-учебных заведений, в том числе к реформам епархиальных женских училищ, церковно-приходских школ. Ф.Н. Белявский представил многостороннюю оценку реформ 1869–1899 гг., он является одним из немногих исследователей, который в равной степени проанализировал как позитивные, так и негативные итоги реформ духовной школы². Подобные работы были написаны Б.В. Титлиновым, Д.И. Тихомировым, А.А. Беляевым. Рассмотренные ими процессы и проблемы хода реформ, состояния мужских семинарий и училищ позволяют нам выявить причины кризиса духовного образования, затронувшего все типы и виды учебных заведений. В то же время идеи реформ мужских духовно-учебных заведений задавали тенденции преобразований женской духовной школы³.

¹ Семёнов Д. Епархиальные женские училища за 50 лет их существования // Русская школа. 1893. № 10–12. С. 35–45; Кузнецов А. Епархиальные женские училища // Церковные ведомости (далее – ЦВ). Прибавления. 1909. № 3–8. С. 10–11.

² Белявский Ф.Н. О реформе Духовных школ: в 2 ч. СПб., 1907. Ч. 1: Краткий очерк прошлого средней духовной школы.

³ Титлинов Б.В. Духовная школа в России XIX века. Вильна, 1909; Тихомиров Д.И. О реформе духовной школы. СПб., 1905; Беляев А.А. К вопросу о реформе духовной школы. М., 1905.

Исследовать состояние системы духовного образования в целом и епархиальных женских училищ и церковных школ, в частности, даёт возможность сборник «Духовная школа», где статьи С. Любимова, Н. Горностаева и А. Смирнова-Кутачевского содержат оценки реального положения духовного образования, раскрывают ряд проблем и нерешённых задач, причины вовлечения молодёжи в революционное движение 1905–1907 гг.¹ В частности, А. Смирнов-Кутачевский подвергает критическому анализу внутренний строй епархиальных женских училищ. Он является первым автором, который рассмотрел вопрос типологизации данных учебных заведений. Применяя материалы ревизий епархиальных женских училищ, А. Смирнов-Кутачевский обличал проблемы воспитательного и образовательного характера. Среди прочих работа автора является контрастной, её отличает отход от существовавшей государственной концепции и апологетического изложения истории женских духовно-учебных заведений. Однако автор, подвергая критике образовательный процесс в епархиальных женских училищах и акцентируя внимание на нерешённых проблемах, упустил из вида позитивные результаты и роль духовенства в развитии женского образования.

Проблемы образования женщин из среды духовенства в качестве самостоятельной темы раскрыты в статьях А. Дубровского, В. Маслова, А. Преображенского, Д.И. Ромашкова, А.М. Иванцова-Платонова, которые характери-

¹ Любимов С. Воспитание в духовной школе // Духовное образование. М. 1906. С. 65–136; Горностаев Н. Как мы изучали Библию // Духовное образование. М. 1906. С. 212–228; Смирнов-Кутачевский А. Епархиальные женские училища // Духовное образование. М., 1906. С. 287–315.

зуют организацию образовательного процесса и повседневную жизнь епархиальных женских училищ¹. Труды М. Краснова² дают возможность современным исследователям изучить историю епархиальных женских училищ сквозь призму образовательной политики государства и Святейшего Синода. Автора отличает стиль изложения, отсутствие идеализации действительности. Особое внимание М. Краснов сконцентрировал на материально-финансовом обеспечении учебных заведений, констатируя, что нестабильность финансирования оказывала прямое влияние на состояние образовательного процесса и качество жизни воспитанниц.

Стоит отметить, что в обобщающих трудах по истории Русской православной церкви митрополита Макария (Булгакова), П.И. Знаменского, Е.Е. Голубицкого затронуты проблемы женского духовного образования, достаточно подробно проанализирована эволюция церковно-государственных отношений, в том числе в сфере духовного просвещения российского народа³.

Что касается истории начальной школы, то особую группу дореволюционных трудов составляют сборники и руководства для учителей. А. Анастасьев является автором уникального комплексного труда, в которой вошли главные законоположения и распоряжения о начальных народных училищах. Подобные работы были написаны Н.А. Белокопытовым, А.И. Лебедевым,

¹ Маслов В. По вопросу об училищах для девиц духовного звания // Дух христианина. 1864. № 11. С. 46; Преображенский А. Положение епархиальных женских училищ // Народное образование. 1899. № 5. С. 2; Ромашков Д.И. О духовном образовании // Чтение в Обществе любителей духовного просвещения. 1893. Кн. 10. С. 89–91; Иванцов-Платонов А.М. Об образовании девиц духовного происхождения вообще и применительно к потребностям духовенства Московской епархии в частности // Православное обозрение. 1871. № 2. С. 7–8.

² Краснов М. Епархиальные женские училища // Епархиальные женские училища. Образование. 1883. № 12; Дубровский А. Специальные учебные заведения мужские и женские в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти губерниях Привислянских по переписи 20-го марта 1880 г. СПб., 1890; Преображенский И. Всероссийская православная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. СПб., 1897.

³ Булгаков М.П. История русской церкви. СПб., 1883; Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. Казань, 1876; Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1906.

П.Н. Полевым, Д.Ф. Машкевичем, Д.И. Тихомировым, М.Н. Рудневым¹. В совокупности они представляют возможность проанализировать развитие нормативно-правовой базы обеспечения духовного компонента в сфере образования. Однако эти работы по своему содержанию являются источниками и не имеют историографического характера. История женского начального образования отражена в исследованиях И.Н. Корсунского, А. Италинского, Н.Ф. Быстрова, А.М. Ванчакова, И.И. Восторгова, В.И. Шемякина, К.В. Ельницкого, В.А. Лаврова. Авторы с разных сторон изучали вопросы преобразования церковных школ, их роль и значение в обществе и образовательной системе Российской империи, нерешённые проблемы педагогической деятельности и образовательной практики². Фундаментальными работами по истории церковно-приходских школ являются работы Ф.Ф. Ольденбурга, К.П. Победоносцева, С.А. Рачинского, которые объединяла общая идея направления раз-

¹ Анастасьев А. Народная школа. Руководство для учителей и учительниц начальных народных училищ, настольная справочная книга: в 2 т. М., 1910; Белокопытов Н.А. Руководство для народных училищ, церковно-приходских школ, городских приходских и других начальных училищ разного наименования. Харьков, 1889; Лебедев А.И. Руководственные правила для уездных отделений Епархиального училищного совета и наблюдателей за церковно-приходскими школами и школами грамотности. Псков, 1890; Полевой П.Н. Краткое учебное руководство по русской истории с картинками и картами в тексте, составленное к программе, утвержденной Святейшим Синодом для церковно-приходских школ. СПб., 1892; Машкевич Д.Ф. Методические руководственные указания по преподаванию и постановке учебных предметов в церковно-приходских школах русских и инородческих. Оренбург, 1916; Тихомиров Д.И. Сборник правил и программ для церковно-приходских школ, с относящимися к ним определениями Св. Синода. Могилев на Днепре, 1887; Руднев М.Н. Собрание узаконений и руководственных разъяснений, касающихся управления и заведения церковными школами, школьного хозяйства и школьной отчетности. Тула, 1904.

² Корсунский И.Н. Государственное значение церковно-приходской школы. М., 1888; Италинский А.Д. Из жизни церковно-приходской школы. М., 1906; Быстров Н.Ф. Учителя и учительницы церковно-приходских школ. Пенза, 1903; Ванчаков А.М. Заметки о начальной церковной школе. СПб., 1908; Восторгов И.И. Государственная дума и церковная школа. СПб., 1910; Шемякин В.И. Церковная школа и духовная бюрократия. СПб., 1908; Ельницкий К.В. Значение педагогического образования для женщин, как воспитательниц и учительниц детей. Киев, 1886; Лавров В.А. Речь о просветительном значении церковных школ. Чернигов, 1909.

вития государственной образовательной политики в пользу церковно-приходских школ¹. Так, С.А. Рачинский считался основным идеологом развития церковно-приходской школы, проработавший её специфику, цели, задачи и методику осуществления образовательного процесса. К.П. Победоносцев обосновал свою точку зрения на развитие народного образования, во главу угла поставив нравственное воспитание, которое достигалось за счёт духовного образования и воспитания. Его позиция задавала общий тон государственно-церковной политики в отношении образования, влияла не только на увеличение количества церковных школ, но и на эволюцию содержания образования в епархиальных женских училищах.

Среди региональных исследований по истории народного образования в Астраханской губернии стоит отметить труды Ф.И. Пленкина и Ф.Ф. Шперка, наполненные статистическими данными, проиллюстрированными качественными диаграммами. Исследования Н. Казанского позволяют оценить развитие не только светского начального образования, но и духовного, где автор кратко освещает проблемы народного образования в Астраханской губернии до 1898 г. История церковных школ отражена в исследовании И.И. Саввинского².

¹ Рачинский С.А. Сельская школа. СПб., 1910; Ольденбург Ф.Ф. Народные школы европейской России в 1892–1893 гг. СПб., 1896; Победоносцев К.П. Ученье и учитель: педагогические заметки. СПб., 1996.

² Благодоров М. Церковные школы в Астраханской Епархии в XIX веке и состояние учебного дела вообще в XVII и XVIII веках. Астрахань, 1906; Летницкий А. Астраханские епархиальные педагогические курсы для учителей и учительниц церковно-приходских школ Астраханской епархии в 1902 г. // Астраханские епархиальные ведомости (далее – АЕВ). 1902. № 15. С. 630–631; Летницкий А. Астраханские епархиальные педагогические курсы для учителей и учительниц церковно-приходских школ Астраханской епархии в 1907 г. // АЕВ. 1908. № 17. С. 672–674; Архангельский Ф. Педагогические курсы для учителей и учительниц церковно-приходских школ в Казани // АЕВ. 1897. № 17. С. 657; Пленкин Ф.И. Состояние начального образования в Астраханской губернии за 1912 год. Астрахань, 1913; Пленкин Ф.И. Начальное народное образование во внутренней Киргизской Орде (1910–1912 гг.). С 35-ю диаграммами // Состояние начального образования в Астраханской губернии за 1912 год. Астрахань, 1914; Шперк Ф.Ф. Краткий исторический очерк народного образования в г. Астрахани // Астраханский листок. 1893. № 20, 23, 26, 31, 36, 86; Казанский Н. Народное образование в Астраханской губернии // Русская мысль. 1898. № 6, 8, 10, 11; Саввинский И.И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет её существования (с 1602 по 1902 год). Астрахань, 1903.

Фундаментальными исследованиями истории церковно-приходских школ на региональном уровне являются труды М. Благодравова, А. Летницкого, Ф. Архангельского. Так, М. Благодравов проанализировал процессы развития церковно-приходских школ, акцентируя внимание на специфических особенностях становления системы начального образования, государственно-церковной политики в отношении данного типа школ. А. Летницкий и Ф. Архангельский – авторы статей о различных аспектах состояния церковно-приходских школ, в том числе материальном положении учительских кадров и содержании образовательных курсов для учителей. М. Благодравов, А. Летницкий и Ф. Архангельский являлись практиками, напрямую участвовали в реализации церковного школьного образования, поэтому их оценки отражают реальное положение духовного образования на территории Нижнего Поволжья в рассматриваемый период. Заслуга авторов заключается в привлечении богатой базы источников регионального уровня, материалов ревизий, обобщающих личных наблюдений. Проблемы народного образования рассматривались саратовскими исследователями: В. Меркуловым, С.С. Краснодубовским, Н. Ракитниковым, В.С. Голобевым, Д.И. Тихомировым, – а также земскими деятелями Саратовской губернии¹. К. Туровским была проанализирована миссионерская деятельность духовенства Царицынского уезда Саратовской губернии посредством распространения грамотности среди калмыцкого населения². Главным преимуществом работ регионального уровня является богатая

¹ Меркулов В. Краткий исторический очерк Саратовской начальной народной школы. Саратов, 1880; Краснодубовский С.С. Сельские начальные народные училища Саратовского уезда в 1866–1893 гг. Саратов, 1893; Положение народного образования в Саратовской губернии за время существования в ней земских учреждений. Саратов, 1898; Ракитников Н. Очерк истории народного образования в Балашовском уезде // Саратовская земская неделя. 1901. С. 56–73; Голобев В. Народное образование в Саратовской губернии. Саратов, 1902; Тихомиров Д.И. Общие сведения о сельских школах Саратовской губернии и неотложных нуждах этих школ: Доклад Саратовской губернской земской управе руководителя педагогических курсов в г. Саратове. Саратов, 1899; Народное образование в Саратовской губернии. Саратов, 1902; К истории организации первых шагов земства в Саратовской губернии. Саратов, 1913.

² Туровский К. Очерки по истории и географии Царицынского уезда. Царицын, 1911.

фактографическая база, но эти работы носят описательный характер, лишены критического анализа.

Таким образом, дореволюционная отечественная историография представлена значительным объёмом материалов правового, исторического, методического и педагогического характера. В преобладающем большинстве такие работы носят фактологический и описательный характер. Для исследований данного периода характерен консервативный подход к рассмотрению проблем, связанных с социальным положением женщин, результатами образовательной деятельности в женских духовно-учебных заведениях.

В послереволюционный период происходит снижение интереса отечественных исследователей к изучению вопросов реализации духовного компонента в системе женского образования, истории церковно-приходских школ. Такие изменения связаны с иными идеологическими приоритетами и задачами государственной политики в сфере образования. Также произошла смена научных подходов к анализу изучаемых явлений. Доминирующим в советской историографии стал классовый подход, на основе которого рассматривались проблемы дореволюционной системы образования, обосновывалась несостоятельность государственной образовательной политики, женское образование изучалось через призму феминистического и революционного движений. Заслуга советских авторов, несомненно, кроется в актуализации вопросов дискриминационной политики государства в области образования женщин, что прослеживается, например, в работах Н.А. Константинова¹. В диссертации К.И. Львова осуществлён экскурс в историю дореволюционного образования

¹ Константинов Н.А. Очерки истории средней школы (гимназии, реальные училища) в конце XIX до Февральской революции 1917 г. М., 1947.

девочек в контексте реформ образования и деятельности высших женских курсов¹. Дискуссионными являются работы Г.А. Тишкина², исследовавшего женское образование в дореволюционной России с позиций активного участия женщин в борьбе за равноправие и освободительного движения. Церковный историк, последний обер-прокурор Святейшего Синода А.В. Карташев в 1956 г. опубликовал фундаментальный труд по истории русской церкви, однако вопросы образования женщин были мало освещены в нём³.

В советский период появились малочисленные фундаментальные исследования зарубежных авторов. Так, историк-русист Г. Фриз изучил историю русского православного духовенства, особое внимание уделив внутреннему кризису сословия, не оставив без исследования роль церкви в образовательной политике. Труды Г. Фриза отличаются нестандартной точкой зрения на исторические процессы, протекавшие внутри сословия. Несмотря на то, что в работах автора духовному компоненту в образовании женщин отводится незначительное место, его исследования ценны богатой источниковой базой, представленной всероссийскими и региональными архивами. Работы Г. Фриза позволяют проследить историю духовенства в конце XIX – начале XX в. во взаимосвязи с социально-политическими условиями, учитывая ментальные особенности сословия. В 1990-е гг. вышли в свет исследования Л. Манчестер, которая, изучив вопросы интеграции духовенства в другие социальные слои, акцентировала внимание на ментальных особенностях представителей духовного сословия. Выводы автора позволяют нам прийти к пониманию специ-

¹ Львов К.И. Женское образование в СССР в прошлом и настоящем (в связи с проблемой совместного и раздельного обучения девочек народов СССР): дис. ... д-ра пед. наук. М., 1946.

² Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50–60 гг. XIX в. Львов, 1984.

³ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1956.

фики организации образования для дочерей духовенства, внутренней консервативной позиции сословия по отношению к проводимым реформам духовной школы¹.

Современная отечественная историография, начиная с 1990-х гг., связана с переосмыслением исторических проблем, отказом от стереотипных политизированных подходов к изучению истории, в том числе церковной. Богатая источниковая база стала стимулом к написанию различных работ по церковной истории², к многоаспектному изучению проблем духовного образования, актуализировала интерес исследователей к истории женских духовно-учебных заведений. К числу диссертаций, рассматривающих историю епархиальных женских училищ с педагогической точки зрения, относятся исследования Е.А. Андреевой, Е.И. Перфильевой, Р.Ф. Усачёвой³. Фундаментальными историческими исследованиями являются диссертации О.Д. Поповой, В.Н. Паршиной, К.В. Козлова, И.М. Фединой, Н.Е. Герасимовой и В.Л. Колесниковой, которые рассмотрели историю становления и развития епархиальных женских училищ с использованием широкой источниковой базы региональных архивов⁴. Особенно стоит отметить диссертационные исследования

¹ Фриз Г. Губительное благочестие. Российская церковь и падение империи: сб. ст. СПб., 2019; Manchester Laurie. Secular Aesthetics: The Mentality of Orthodox Clergymen's Sons in Late Imperial Russia. Ph. D. Diss. New York, 1995.

² Смолич И.К. История русской церкви. 1700–1917 гг. М., 1997; Римский С.В. Русская православная церковь в XIX веке. Ростов н/Д, 1997; Римский С.В. Российская Церковь в эпоху велики реформ. М., 1999; Цыпин В.А. История Русской православной церкви. Синодальный период. Новейший период. М., 2004.

³ Андреева Е.А. Возникновение и развитие епархиальных женских училищ в России (середина XIX – начало XX века): дис. ... канд. пед. наук. М., 2000; Перфильева Е.В. Становление и развитие женского среднего образования в России XIX в. (40–60-е гг.): дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 1992; Усачева Р.Ф. Формирование системы женского среднего образования в России (60-е гг. XVIII – начало XX в.): дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д, 1997.

⁴ Попова О.Д. Женское духовное образование и его роль в изменении положения женщины в России (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009; Попова О.Д. Источники по истории женских учебных заведений духовного ведомства (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 1998; Паршина В.Н. Становление системы женского образования в России во второй половине XIX – начало XX века (на материалах Пензенской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2017; Федина И.М. Становление и эволюция светского и православного женского образования в Кубано-Черноморье (досоветский период): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2008; Козлов К.В. Политика Русской православной церкви в области образования и её

О.Д. Поповой. Автор систематизировала пласт исторических источников по истории женского образования, осуществила комплексное исследование по проблеме, посвящённой влиянию системы духовно-учебных заведений на роль женщины духовного сословия в обществе. О.Д. Попова в своих работах впервые вводит в научный оборот дефиницию «женское духовное образование», характеризуя её как систему женских учебных заведений, занимающихся вопросами религиозно-нравственного воспитания, образования и находящихся в ведомстве Русской православной церкви¹. Духовный компонент в системе образования женщин фрагментарно отражён в монографиях В.В. Пономарёвой, Л.Б. Хорошиловой, Е.В. Беляковой, Н.А. Беляковой, Е.Б. Емченко². На региональном уровне история женских духовно-учебных заведений, особенности организации образовательного процесса отдельных учебных заведений рассмотрены в научных статьях С.А. Алёшиной, С.П. Васильевой, У.П. Ефремовой, О.А. Монаковой, Н.И. Никитиной, В.В. Якименко, В. Лисюнина³. Общей характерной чертой данных работ является структуризация и характеристика истории епархиальных женских училищ и церковно-приходских школ провинциальных городов.

реализация в деятельности епархий Центрального Черноземья. 1884–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2004; Герасимова Н.Е. Среднее духовное образование в Ярославской и Костромской губерниях во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001; Колесникова В.Л. Женщина духовного сословия второй половины XIX – начала XX столетия: исторический портрет (на примере Курской и Тамбовской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2007.

¹ Попова О.Д. В стенах конвикта... (Очерки повседневной жизни женских епархиальных женских училищ). Рязань, 2006; Попова О.Д. Епархиалки и российское общество рубежа XIX–XX веков. Социальный статус, стремления и возможности. СПб., 2019.

² Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: Воспитание, образование, судьба: XVIII – начало XX в. М., 2006; Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М, 2011.

³ Алёшина С.А. Женские епархиальные училища в деле подготовки педагогических кадров для народных школ // Педагогический журнал Башкортостана. Уфа, 2012. № 1 (38). С. 140–144; Колесникова В.Л. Женщина духовного сословия в системе народного образования России XIX – начала XX в. (на примере Тамбовской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История, информатика. 2007. № 1 (32). С. 67–71; Васильева С.П. Епархиальные училища в России конца XIX – начала XX в. Особенности образовательного процесса // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2008. Вып. 9 (65). С. 87–90; Ефремова У.П., Попов М.В. Епархиальное женское училище и подготовка учительских кадров в Екатеринбурге (1880–

В территориальных рамках Нижнего Поволжья вопросы истории женских духовно-учебных заведений рассмотрены фрагментарно, отсутствуют комплексные исторические исследования по данной тематике. Так, авторским педагогическим коллективом в составе А.М. Трещева, Г.В. Алферовой, Е.А. Тарабановской описана история становления образовательной системы в Астраханской губернии в XVIII–XX вв. Проблема администрирования образованием рассматривается в монографии Е.А. Тарабановской. Развитию национального и народного образования в Астраханской губернии в конце XIX – начале XX в. посвящены кандидатские диссертации Р.Р. Нуриева и А.Б. Ольневой¹. Проблема реализации духовного компонента в образовании женщин в Саратовской губернии точно интегрирована в общие научные исследования. Так, начальное женское образование в Царицынском уезде рассмотрено Н.А. Арчбасовой. Становление и развитие системы народного образования Саратовской губернии освещено в диссертациях О.В. Гусевой и Е.Б. Софинской. М.В. Зайцевым проанализирована деятельность Саратовской государственной думы в сферах жизни общества, в частности, в образовании. Для

1920-е гг.) // Педагогическое образование в России. 2012. № 6. С. 13–19; Монякова О.А. Светское и духовное среднее образование в провинции в 1861–1917 гг. // Учёные записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 63–70; Никитина Н.И. Женское епархиальное училище: от религиозного воспитания к педагогическому образованию // Вестник Новгородского государственного университета. 2011. № 64. С. 48–51; Якименко В.В. Из истории возникновения первых московских епархиальных женских училищ // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 6. С. 116–126; Лисюнин В. Женское образование в Тамбовской епархии (XIX – начало XX в.) // Монастырская культура. Тамбов, 2003.

¹ Трещев А.М., Алферова Г.В., Тарабановская Е.А. История развития образования в Астраханской губернии: XVIII – начало XX в. Астрахань, 2001; Тарабановская Е.А. Становление системы государственного управления образованием в России: XIX – начало XX в. (на примере национального образования в Астраханской губернии). Астрахань, 2009; Нуриев Р.Р. Национальные школы Нижнего Поволжья в последней трети XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006; Ольнева А.Б. Народное образование в Астраханском крае XIX в. – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1988.

настоящего исследования научный интерес представляют статьи Н.А. Арчебасовой, Т.А. Савиной, посвящённые некоторым аспектам развития образования в Саратовской губернии в конце XIX – начале XX в.¹.

Таким образом, предшественниками, исследовавшими проблему, проделана колоссальная работа по изучению различных вопросов истории женского духовного образования, в том числе в территориальных границах Нижнего Поволжья. Проанализированные труды свидетельствуют об отсутствии в историографии единого подхода к пониманию терминологической основы духовной составляющей женского образования. Вместе с тем, накопленная научная база позволяет оперировать термином «духовный компонент в системе женского образования» в качестве устоявшейся дефиниции, проследить эволюцию государственно-церковной политики в сфере его реализации на примере Нижнего Поволжья в конце XIX – начале XX в. на основе сравнения деятельности женских духовно-учебных и светских образовательных учреждений.

Цель диссертационной работы – установить тенденции эволюции государственно-церковной политики в сфере женского образования в Нижнем Поволжье в конце XIX – начале XX в., выявить степень эффективности принимаемых мер по реализации духовного компонента в системе женского образования и воспитания.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

¹ Арчебасова Н.А. Начальное народное образование в Царицынском уезде Саратовской губернии в 1861–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2000; Гусева О.В. Становление системы народного образования в Саратовской губернии во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004; Зайцев М.В. Саратовская городская дума (1871–1917). Саратов, 2017; Арчебасова Н.А. Попечители учебных заведений – должность или призвание? // Власть. 2009. № 9. С. 130–133; Савина Т.А. Повышение квалификации земских учителей Саратовской губернии (конец XIX – начало XX в.) // Новый век: история глазами молодых: сб. науч. тр. Саратов, 2013. Вып. 11. С. 250–256; Софинская Е.Б. Фонд Саратовского епархиального совета как источник изучения истории становления и развития системы церковно-приходских школ в Саратовской губернии в конце XIX – начале XX веков // Памятные даты отечественной и местной истории и документальное наследие: материалы науч. конф. Саратов. обл. отд-ния РОИА. Саратов, 2009. С. 120–135.

1. Определить в контексте государственной образовательной политики России в конце XIX – начале XX в. основные направления организации и развития учебных заведений для женщин.

2. Охарактеризовать правовые основы деятельности женских духовно-учебных заведений Российской империи в конце XIX– начале XX в.

3. Выявить степень эффективности реализации государственных приоритетов в структуре управления процессами образования и воспитания на примере женских духовно-учебных заведений Нижнего Поволжья на рубеже XIX–XX вв.

4. Охарактеризовать систему организации материального и финансового обеспечения деятельности духовно-учебных заведений для женщин в Нижнем Поволжье.

5. Определить состояние кадровой политики по отношению к женским духовно-учебным заведениям Нижнего Поволжья в конце XIX – начале XX в.

6. Раскрыть эволюцию государственной политики в сфере реализации духовного компонента в женском образовании на примере функционирования учебных заведений Нижнего Поволжья.

7. Выявить особенности и важнейшие результаты воспитательного воздействия духовного образования на учениц в период политических трансформаций начала XX в. в контексте требуемых норм и проявленных девиаций участницами учебно-воспитательного процесса.

Теоретико-методологическая база исследования. Основу диссертации составляют научные принципы историзма, объективности и системности, позволившие провести комплексное исследование различных аспектов государственно-церковной политики в области женского образования в России в конце XIX – начале XX в. на примере анализа деятельности учебно-духовных заведений Нижнего Поволжья. В сочетании с методами научного исследования (историко-генетическим, историко-сравнительным, статистическим, структурно-функциональным и др.) были изучены исторические явления в ди-

намике, выявлены причинно-следственные связи в истории женского образования, характеризующие многообразие форм и методов работы, противоречивость образовательно-воспитательного процесса.

Так, на основе сравнительно-исторического метода показаны типичные черты в развитии духовного компонента в системе женского образования России на рубеже XIX–XX вв., выявлены особенности и важнейшие результаты воспитательной работы в духовно-учебных заведениях Нижнего Поволжья, действовавших в соответствии с основными принципами государственно-церковной политики. Структурно-функциональный метод помог изучить аппарат управления духовным образованием в функциональном взаимодействии с институтами государственной структуры управления образованием. Системный метод применялся для выявления проблемных аспектов, связанных с оформлением правовой базы системы женского образования в исследуемый период, со складыванием и функционированием управленческой структуры, с содержанием духовного компонента женского образования, результатами воспитательной работы. Для анализа и оценки количественных показателей материального обеспечения и результатов образовательной деятельности епархиальных женских училищ, женских гимназий, народных школ и церковно-приходских школ Нижнего Поволжья был применён метод статистического анализа, что дало возможность проследить динамику изменений в реализации политики государства и Святейшего Синода в области образования женщин. Особое внимание обращено к методам культурно-исторической психологии и к методу факторного анализа, что позволило воссоздать образы воспитанниц духовно-образовательных заведений, выявить формы девиации среди контингента обучавшихся в них учениц с опорой на большой массив архивных документов. Это позволило выявить скрытые факторы, объясняющие связи между исследуемыми явлениями (общей социокультурной ситуацией того времени и индивидуально-личностными особенностями развития молодых людей).

Источниковая база исследования. Исследование осуществлено на основе комплекса исторических источников, состоящего из опубликованных и

неопубликованных материалов, который условно можно разделить по видовой принадлежности документов на делопроизводственную документацию, материалы периодической печати, источники нормативно-правового характера, статистические материалы и источники личного происхождения.

Делопроизводственная документация представлена материалами правительственных, синодальных, епархиальных комиссий и съездов, протоколами заседаний общественных объединений, журналами заседаний Советов епархиальных училищ Астраханской и Саратовской епархий, отчетами о деятельности и ведомостями об успеваемости учениц женских духовно-учебных заведений, проектами преобразований учебных заведений, иной делопроизводственной документацией, оседавшей в фондах губернских канцелярий.

Среди этих материалов особый исследовательский интерес представляют документы Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственных архивов Астраханской (ГААО), Волгоградской (ГАВО), Саратовской областей (ГАСО) и Государственного архива Республики Татарстан (ГАРТ), в том числе, ранее не вводившиеся в научный оборот. Фонды Святейшего Синода обладают высоким уровнем репрезентативности материалов, разнообразны по видовому характеру. Фактический материал делопроизводственной документации, хранящейся в фондах РГИА, предоставил возможность исследовать основные направления государственно-церковной политики в сфере образования женщин, выявить особенности реализации духовного компонента женского образования в системе духовно-учебных заведений России, а также его специфику в территориальном пространстве Нижнего Поволжья¹. Исследованные проекты преобразований епархиальных женских училищ, церковно-приходских школ, отчеты о деятельности женских духовно-учебных заведений, материалы заседаний Учебного Комитета и Училищного Совета при Синоде позволили реконструировать задачи государственно-церковной политики в отношении женского образования, выявить

¹ РГИА. Ф. 802. Учебный Комитет при Синоде; Ф. 833. Училищный Совет при Синоде.

условия ее реализации. Следует отметить, что отчетам епархиальных женских училищ Нижнего Поволжья свойственна идеализация результатов деятельности, в то время как журналы заседаний советов училищ обнажают существовавшие проблемы образовательной и воспитательной практики в системе духовно-учебных заведений для женщин. Отчеты епархиальных наблюдателей о церковно-приходских школах Нижневолжских губерний, на наш взгляд, являются более объективными в оценках состояния образовательных учреждений, поскольку содержат подробные данные количественного и качественного характера, раскрывают положительные результаты деятельности и существовавшие проблемы жизни церковных школ. Документы, сосредоточенные в фондах Министерства народного просвещения дополнили исторический контекст на основе сравнения приоритетов образовательного процесса в женских светских и духовно-учебных заведениях. Особенно интересными являются материалы Первого всероссийского съезда по женскому образованию¹ и материалы Всероссийских съездов законоучителей светских средних учебных заведений, которые демонстрируют не только существовавшие проблемы реализации духовного компонента в системе российского образования женщин, но и разные подходы к их осмыслению и решению среди представителей светского профессионального сообщества и духовенства. В то же время, комплекс архивных источников РГИА отражает противоречивость государственно-церковной политики по вопросам организации и реформирования системы женского образования в целом, женских духовно-учебных заведений, в частности.

Фонды региональных архивов значительно укрупняют нарратив деталями истории провинциальных учебных заведений. Важное значение представляет информация архивных фондов ГААО и ГАСО², отражающих результаты деятельности женских духовно-учебных заведений Нижнего Поволжья.

¹ РГИА. Ф. 751. Первый Всероссийский съезд по женскому образованию.

² ГААО. Ф. 639. Астраханское епархиальное женское училище; Ф. 743. Астраханский епархиальный училищный совет г. Астрахань; ГАСО. Ф. 710. Саратовское Иоанникиевское епархиальное женское училище Саратовского епархиального училищного совета; Ф. 136. Саратовский епархиальный училищный совет.

Вместе с тем, можно заметить, что информация в материалах региональных церковных фондов прерывиста и фрагментарна, это затрудняет исследование и не позволяет реконструировать события в полной мере. Например, в документах история женских церковно-приходских школ включена в общий контекст данных о церковных школах. Определение порядка комплектования фондов затруднено проблемой постановки вопроса об обязательности архивирования. Как, это прослеживается, например, в фонде 2-го саратовского епархиального училища в г. Вольск, состоящего всего из нескольких единиц хранения¹.

Значительно расширили возможности исследования материалы, опубликованные на страницах церковных *периодических изданий*, где официальные сообщения, нормативно-правовые акты, отчеты учебных заведений позволяют восполнить низкую репрезентативность некоторых фондов региональных архивов. Кроме официальных материалов, интерес представляют статьи авторов, касающиеся проблем, хода и результатов реформ духовной школы. Региональные издания отражают субъективные мнения, спектр оценок и взглядов на происшедшие события. Все это позволяет комплексно рассмотреть различные аспекты реализации духовного компонента в системе женского образования в Нижнем Поволжье в конце XIX – начале XX вв. Наиболее содержательными печатными периодическими изданиями данного периода являются «Церковные ведомости», «Астраханские епархиальные ведомости» и «Саратовские епархиальные ведомости».

Статистические данные отражены в материалах всероссийской переписи населения, статистических обзорах губерний Нижнего Поволжья, они иллюстрируют общую динамику развития женских духовно-учебных заведений в общероссийском масштабе и на территории Нижнего Поволжья².

¹ ГАСО. Ф. 838. Второе Вольское епархиальное женское училище; ГААО. Ф. 954. Церковно-приходские школы Черноярского уезда Астраханской епархии; Ф. 955. Церковно-приходские школы Енотаевского уезда.

² Первая всероссийская перепись населения Российской империи 1897 г.: Астраханская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. Тетр. II; Первая всероссийская перепись

Привлеченные к исследованию опубликованные источники *нормативно-правового характера* способствовали определению конъюнктуры правовой направленности развития государственно-церковной политики в отношении женского образования. В данном случае, наибольший интерес представляют Уставы и Программы предметов учебных заведений подведомственных Святейшему Синоду, Министерству народного просвещения, раскрывавшие специфику организации образовательного процесса и внутренней жизни в стенах женских духовно-учебных и светских учебных заведений. Анализ данных источников осуществлен с учетом контекста исторических событий и особенностей развития Нижнего Поволжья в конце XIX – начале XX вв. Опираясь на нормативную базу удалось исследовать этапы развития не только конкретных учебных заведений, но и всей системы женских духовно-учебных заведений.

Группу *источников личного характера* составляют дневники, воспоминания, записки и письма участников образовательного процесса системы женских духовных учебных заведений, которые позволяют оценить исторические события с позиции «маленького человека»¹. Среди данных материалов наибольший интерес представляют предсмертные записки обучающихся духовно-учебных заведений, в том числе и женских. Содержание записок обнажает не только проблемы в области духовного воспитания и образования молодежи, но и внутриличностный кризис, особенно остро проявившийся в период социально-политической трансформации России в начале XX в.

В целом состояние источниковой базы исследования можно признать удовлетворительным. Информация отмеченных источников, обработанная и

населения Российской империи 1897 г.: Саратовская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. Тетр. XXXXIII; Обзор Астраханской губернии ... [по годам]: приложение ко всеподданнейшему Отчёту. Астрахань, 1871–1915; Обзор Саратовской губернии ... [по годам]: приложение ко всеподданнейшему Отчёту. Саратов, 1871–1915.

¹ Попова О.Д. Епархиалки: воспоминания воспитанниц женских епархиальных училищ. М., 2011; Италинский А. Из жизни церковно-приходской школы. М., 1906; Мироносицкий П.П. Дневник учителя церковно-приходской школы. СПб., 1896; РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 942. Л.14–16; Оп. 11. Д. 6 (1915 г.). Л. 2, 10, 33–34, 40–42; Оп. 11. Д. 6 (1911 г.). Л. 1, 7–30; Ф. 525. Оп. 10. Д. 291. Л. 1–14; Ф. 759. Оп. 46. Д. 1186. Л. 1, 3–5, 34–36; Ф.

интерпретированная с помощью методов исторического исследования, позволяет решить поставленные задачи и оценить результаты реализации государственно-церковной политики в системе женских духовно-учебных заведений Нижнего Поволжья в конце XIX – начале XX вв.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

– проблемы государственно-церковной образовательной политики в России в конце XIX – начале XX в. исследованы в контексте развития системы женских духовно-учебных заведений, в направлении эволюции их содержания, форм, границ гендерного и сословного разнообразия, преодолений кризисных явлений в жизни российского общества;

– впервые исследованы правотворческие инициативы представителей духовенства Нижнего Поволжья, способствовавшие правовому оформлению системы начального и среднего женского образования в Российской империи в конце XIX – начале XX в., её унификации и расширению видового разнообразия;

– научной новизной отличаются выводы автора, связанные с оценкой степени эффективности предпринимаемых государством мер в деле управления процессами образования и воспитания на примере женских духовно-учебных заведений Нижнего Поволжья на рубеже XIX–XX вв.;

– автор определяет основные факторы и проблемы в материальном и финансовом обеспечении женских духовно-учебных заведений Нижнего Поволжья, отмечает, что количество церковно-приходских школ напрямую зависело от уровня государственного финансирования. Выявлены источники и формы финансирования епархиальных женских училищ, обеспечивавших их самостоятельность и независимость;

– впервые на региональном уровне исследуется проблема комплектования кадрами женских духовно-учебных заведений Нижнего Поволжья в конце XIX – начале XX в. Кадровая политика реализовывалась по направлениям самообеспечения системы кадрами, повышения уровня образования и

профессиональных компетенций педагогов, увеличения контингента специально подготовленных учителей, улучшения материального положения учителей и педагогов;

– новизной отличаются выводы автора об эволюции государственно-церковной политики в сфере женского образования в России в конце XIX – начале XX в., реализуемой на территории Нижнего Поволжья. Поставленные исследовательские задачи, привлечённые архивные источники, в том числе регионального уровня, многие из которых впервые введены в научный оборот, позволили автору не только охарактеризовать общероссийские тенденции развития духовного компонента в образовании женщин, но и выявить региональную специфику организации процессов образования и воспитания женщин в духовно-учебных заведениях, оценить результативность проводимой работы;

– новизной отличается авторский подход к осмыслению проблемы кризиса в системе российского духовного образования в исследуемый период на примере проявления нормы и девиации в поведении воспитанниц средних женских духовно-учебных заведений. Факторный анализ позволил установить зависимость поведенческих практик от общественно-политической ситуации в стране, содержания, кадрового состава, форм образовательно-воспитательной деятельности в условиях конкретного учебного заведения, классифицировать причины, возраст, социальный статус и другие параметры девиаций в среде обучавшихся женщин. Автор указывает на связь между поведенческими девиациями и кризисными явлениями в системе российского образования в целом и женского духовного образования, в частности. Особенно остро проблема кризиса идентичности личности в России проявилась в период политической нестабильности начала XX в.

Положения, выносимые на защиту:

1. Государственно-церковная политика в отношении женского образования в России в период конца XIX – начала XX в. выстраивалась в контексте общих тенденций развития системы образования, эволюционировала в направлении преодоления кризисных явлений в жизни российского общества,

расширяя границы гендерного и сословного разнообразия при сохранении консервативного ядра. Оптимизация и адаптация системы женских духовно-учебных заведений к социальной реальности проходили в идеологическом и организационно-правовом направлениях, что позволило выстроить системообразующие факторы развития всех ступеней образования, реализовавшиеся в системе духовно-учебных заведений.

2. Правовые основы системы женского духовного образования в Российской империи в конце XIX – начале XX в., формировавшиеся в соответствии с требованиями государственной образовательной политики, вырабатывались при активном участии в организационно-правовой деятельности местного духовенства. Правотворческая инициатива с мест, в том числе представителей духовенства Нижнего Поволжья, дала толчок к унификации общих положений функционирования женских духовно-учебных заведений в России, что привело в 1895–1905 гг. к расширению их видового разнообразия.

3. Структура управления системой женских духовно-учебных заведений начального и среднего уровней выстраивалась на основе вертикальных и горизонтальных связей, где главным субъектом управления выступал Святейший Синод. На работу специализированных органов огромную роль оказывали епархиальные архиереи и епархиальные советы духовенства: именно на них лежала прямая ответственность за реализацию образовательной политики на местах. Факторами влияния выступали советы епархиальных женских училищ, епархиальные наблюдатели церковно-приходских школ и школ грамоты. В период острого кризиса духовной школы особую роль сыграл Съезд законоучителей средних учебных заведений, изучавший проблемы женской школы и пути их преодоления. Данный институт выступил посредником между социумом, духовенством, государством и церковью.

4. Материальное и финансовое обеспечение женских духовно-учебных заведений в Нижнем Поволжье в исследуемый период осуществлялось за счёт поступлений из государственной казны и местных епархиальных сборов.

Епархиальные женские училища Астраханской и Саратовской губерний обладали средствами для покрытия собственных расходов, бюджет в разные годы был сбалансированным. Функционирование церковно-приходских школ в России зависело от государственных субсидий, поэтому в начале 1900-х гг., по мере уменьшения доли государственного финансирования, замечено сокращение численности школ данного типа. Эти процессы происходили в большей степени в Саратовской епархии, в меньшей – в Астраханской епархии, что обуславливалось социальными, географическими и экономическими особенностями Астраханской губернии.

5. Кадровая политика по отношению к системе женских духовно-учебных заведений в Нижнем Поволжье на рубеже XIX–XX вв. реализовывалась по нескольким направлениям: самообеспечение системы кадрами, повышение уровня образования и профессиональных компетенций педагогов, увеличение контингента специально подготовленных учителей, улучшение материального положения учителей и преподавателей. В исследуемый период наблюдается феминизация кадров, что свидетельствует о том, что система женских духовно-учебных заведений в определённой мере обеспечивала «социальный лифт» для женщин.

6. В результате корректировки государственно-церковной политики по отношению к системе российского образования в конце XIX – начале XX в. с учётом запросов социума и реальной практики образования и воспитания женщин, система женских духовно-учебных заведений на территории государства, в том числе на территории Нижнего Поволжья, эволюционировала от религиозно-воспитательного к профессионально ориентированному содержанию образования, сохраняя традиционные основы и характер духовной школы.

7. На результаты образования женщин в Российском государстве, в том числе в системе женских духовно-учебных заведений, оказывали влияние совокупность факторов (социально-политическая обстановка в обществе, психологический климат в конкретном духовно-учебном заведении, личность

педагогов и учителей, особенности организации учебного процесса, система культурно-исторических ценностей микросоциума, условия и возможности для профессиональной и личной реализации воспитанниц и др.). В периоды кризисного развития общества в полной мере проявлялись негативные тенденции отклонения от норм в форме девиации в поведении воспитанниц духовно-учебных заведений.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Содержательные аспекты и материалы диссертации могут стать фундаментальной базой для проведения научных исследований по региональной истории женского образования в России, написания научных работ. Работа полезна для анализа проблем состояния духовного образования, связанных с историей отечественного образования. Основные концептуальные результаты исследования могут быть включены в разработку общих и специальных лекций по историческим и педагогическим образовательным программам в высших и средних специальных учебных заведениях. Исторический опыт реализации духовного компонента в системе женского образования позволит выстраивать эффективнее современную систему духовно-нравственного воспитания в системе среднего образования России.

Соответствие диссертационного исследования научной специальности. Диссертационное исследование выполнено в рамках специальности 5.6.1. – Отечественная история. Направления исследований: 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и её регионов; 12. История развития культуры, науки и образования России, её регионов и народов; 13. История взаимоотношений государства и религиозных конфессий. История религий и церкви в России; 15. Исторический опыт российских реформ.

Апробация результатов исследования. Результаты этапов исследования, включённые в содержание диссертации, апробированы на трёх международных и двух всероссийских научных конференциях, среди которых:

IV Международная научно-практическая конференция «Астраханские Дмитриевские чтения. Православная традиция в духовном образовании и воспитании астраханцев: история и современность» (26.11.2019 г.); XVI Всероссийская научная конференция «Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки» (22.05.2020 г.); IV Международная научно-практическая конференция «Содержательные и процессуальные аспекты современного образования» (25.02.2022 г.); Всероссийская научная конференция «Дмитриевские чтения. Общество почётной давности: к 140-летию Императорского православного палестинского общества» (21.09.2022 г.); VII Международная конференция «Астраханские Петровские чтения. Каспийский регион в имперском пространстве. К 350-летию со дня рождения Петра I Великого» (6–7 октября 2022 г.). По результатам исследования опубликовано девять статей общим объёмом 6 п.л., в том числе четыре статьи – в ведущих периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, одна статья – в журнале, индексируемом платформой Web of Science, четыре статьи – в сборниках конференций, индексируемых РИНЦ.

Диссертационное исследование обсуждено и рекомендовано к защите на заседании кафедры истории России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева».

Структура диссертации соответствует цели, задачам исследования и состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

1. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЖЕНСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

1.1. Основные направления развития духовно-учебных заведений в контексте государственной политики в сфере женского образования

Государственно-церковная политика в сфере женского образования в России в конце XIX – начале XX в. является неотъемлемой частью государственной образовательной политики, проводимой с начала XIX в. Эта политика была нацелена на выстраивание взаимодействия органов государственной власти с Русской православной церковью и другими институтами для формирования оптимальной системы женского образования, обеспечивавшей реализацию приоритетных целей и задач развития образования. Приоритетами государственно-церковной образовательной политики стало формирование «духовной безопасности», обеспечение политической и социальной стабильности, достижение которых было возможно при упрочнении существовавшего общественного порядка в мировоззрении граждан посредством образования и просвещения. Одновременно с этим социально-экономическое и культурное развитие страны ставило перед правительством новые производственные запросы, требовавшие профессионально ориентированного женского образования, которое обрамлялось рамками сословности. Вместе с тем, развитие системы женских духовно-образовательных учреждений происходило в период оформленной (в 1850–1870-е гг.) религиозно-православной концепции образования, которая выстраивалась на ключевых догмах российской идеологии: са-

модернизацию, православие, народность. Миссия школы, как отмечает А.М. Аллагулов, была сконцентрирована на сохранении традиций, религиозных устоев, нравственных норм¹.

Государственно-церковная политика в сфере женского образования реализовывалась по взаимосвязанным направлениям, среди них: построение системы женского образования на единых началах; формирование аппарата управления для контроля и координации деятельности женских учебных заведений; законодательное оформление и дальнейшее совершенствование правовой базы деятельности женских духовно-учебных заведений; разработка и модернизация концептуальных основ содержания духовного компонента женского образования; подготовка квалифицированных педагогических кадров для системы женского образования; материальное обеспечение деятельности женских духовно-учебных заведений.

Становление системы женского образования – заслуга прогрессивных взглядов Екатерины II, положившей начало просвещению женщин. Образование, построенное на культурно-исторических идеалах русской женщины, самобытности её характера, объединившее в себе идеи западноевропейского просветительства и реалии самодержавной России, составили нравственно-педагогическую основу женского образования в Российской империи. «Новая порода» людей выращивалась на незыблемом культурно-идеологическом паттерне российского общества – религиозности, оплотом которого было православие. Согласно православной традиции, предназначение женщины – быть матерью и женой, но кроме прямых семейных обязанностей, на ней также лежит ведение хозяйства, сбережение средств семьи, удовлетворение её нужд². Такой образ православной женщины становился целью женского образования

¹ Аллагулов А.М. Влияние педагогической науки на становление образовательной политики в России во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Оренбург, 2013.

² Баженов И.В. Положение женщины в христианстве. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Bazhenov/polozhenie-zhenshiny-v-hristianstve/ (дата обращения: 20.05.2021).

в России, поэтому центральным дидактическим звеном педагогической системы образовательных учреждений для женщин являлось духовное воспитание, находившее отражение в уставах, программах и других нормативных актах женских учебных заведений.

Правовое становление женских духовных учебных учреждений начинается с ратификации Устава Царскосельского училища девиц духовного звания. Данный устав стал системообразующим законодательным актом развития среднего женского образования для духовенства и создал прецедент к образованию учебных заведений для женского пола нового типа. Женские духовные училища фактически существовали до принятия 15 августа 1843 г. Устава Царскосельского училища девиц духовного звания: например, Екатеринбургское училище существовало с 1837 г., Спасо-Евфросиниевское училище в г. Полоцке было открыто в 1841 г.¹ Но такие училища создавались при монастырях с благотворительной целью – дать сиротам духовного звания приют. Подобные приюты создавались и после утверждённого Устава Царскосельского училища девиц духовного звания и содержались на средства монастырей и, в редких случаях, на пособия местных попечительств о призрении бедных духовного звания.

В период с 1843 по 1868 г. на территории Российской империи была создана разветвлённая сеть духовных учебных заведений для женщин, которые находились либо под покровительством императрицы Марии (Царскосельское, Ярославское, Казанское, Иркутское, Киевское, Подольское, Волынское, Литовское, Полоцкое, Минское и Могилевское), либо содержались на средства епархий (Смоленское, Рязанское, Харьковское, Каргопольское, Уфимское, Архангельское, Курское, Московское Филаретовское, Тобольское, Астраханское, Тульское). В училищах ведомства императрицы Марии действовал Устав Царскосельского училища девиц духовного звания, кроме Полоцкого, Подольского, Минского и Волынского училищ (для них был разработан Устав

¹ Кузнецов А. Епархиальные женские училища (по поводу исполнившегося сорокалетия устава этих училищ) // ЦВ. Прибавления. 1909. № 3. С. 120.

училищ в западных епархиях). Что касается остальных училищ, то для них не было единого устава, в каждой епархии разрабатывали свой проект устава училища, который обязательно отправляли на утверждение в Святейший Синод (далее – Св. Синод, Синод)¹.

В Астраханской епархии этот вопрос был поставлен 13 июня 1857 г., когда Астраханская духовная консистория издала Указ о создании особого комитета по разработке проекта поддержания и работы учебного женского заведения для дочерей из беднейших семей служилых и духовного сословий. В указе обозначалась важность образования женщин духовного сословия, поскольку образование и грамотность распространялись повсеместно среди простого народа и практически становились всеобщими, поэтому девушкам духовного сословия оставаться необразованными считалось неприемлемым. В «особый комитет» вошли три человека – председатель архимандрит Никон, соборный протоиерей И. Лебедев и член-делопроизводитель священник П. Смирнов, которые в период с 1857 по 1864 г. решали важнейшие задачи по обеспечению учебного заведения финансами и учебными помещениями². Во второй половине 1865 г. появился проект училищного устава, однако астраханский архиепископ Афанасий (А.В. Дроздов) счёл его неудовлетворительным, поскольку положения устава о задачах училища были просты, управление училищем функционально необоснованным, требования к учителям и воспитательницам слишком невзыскательными, а программа обучения и воспитания была очень скудной и по своему содержанию не сильно отличалась от начальной школы грамотности, в которой над общеобразовательными предметами доминировало обучение домашнему хозяйству и рукоделию³.

¹ Кузнецов А. Епархиальные женские училища...

² Тимофеева Е.Г., Дорофеева А.А. Организация духовного образования и воспитания в женском епархиальном училище г. Астрахани // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2020. № 1. С. 10.

³ Там же. С. 1.

Такой подход к формированию учебной программы объяснялся тем, что в представлении священнослужителей того времени, девушке духовного сословия достаточно было стать хорошей матерью и умелой хозяйкой, разделив заботы мужа по воспитанию детей, управлению домом; полученные азы грамматики становились подспорьем в помощи мужу в его пастырском труде. Взгляды архиепископа Афанасия на процесс обучения создали своеобразную проблему в организации образовательного процесса. Особой комиссии было поручено составить проект устава училища заново и довести его положения согласно требованиям среднего образования. Проблемными аспектами работы над новым проектом устава стали статьи о цензах для учителей и воспитательниц, а также вопрос выбора предметов для образовательной программы и количество часов на их изучение. В поле спорных предметов вошли теория словесности и знакомство с русской литературой, всеобщая и русская история, вместо четырёх арифметических действий над простыми числами – полный курс арифметики, наглядная геометрия и физика без математических доказательств. Всё это вводилось за счёт отмены обучения кройки и шитью белья (мужского и женского), костюмов духовенства, церковных облачений всех видов, выпечки пирогов и просфор¹. 2 сентября 1865 г. архиепископ Афанасий направил Консistorии предложение по окончанию составления училищного устава прекратить работу «особого комитета». Устав училища, как и другие предложения, должны были быть реализованы в течение месяца. Устав, разработанный изначально «особым комитетом», после его роспуска был передан на доработку «второму комитету», но остался без изменений, его принятие епархиальным начальством датируется 2 августа 1866 г. Устав был принят практически в неисправленном виде, поскольку все организационные вопросы для открытия училища по материальной части были решены, и открытие было затянато только по причине отсутствия училищного устава². В дальнейшем, в

¹ Тимофеева Е.Г., Дорофеева А.А. Организация духовного образования и воспитания... С. 11.

² Там же.

ходе первого учебного года Устав Астраханского училища девиц духовного звания был завершён и отправлен в Святейший Синод, которым был подписан и отправлен в Астраханскую духовную консисторию. По данному Уставу Астраханское епархиальное училище было трёхклассным с двухгодичным курсом обучения. В 1867 г. в Святейший Синод на утверждение был отправлен и проект Устава Саратовского училища девиц духовного звания. Училище было открыто в 1869 г. «Консисторским уставом» Саратовская епархия воспользоваться не смогла, поскольку в момент открытия уже действовал общий устав. По своей сути, уставы отдельных училищ разделяли епархиальные училища на две категории согласно целям их предназначения: одни были благотворительными учреждениями, другие – образовательными, – поэтому и была существенная разница во внутреннем устройстве деятельности учреждения.

Начавшаяся эпоха реформ 1860-х гг. затронула и женские духовно-учебные заведения, в первую очередь учреждения, находившиеся на содержании епархий. Осознавая отсутствие единого законодательного акта, регламентирующего деятельность училищ, обер-прокурор Святейшего Синода граф Д.А. Толстой признал необходимость разработки общего устава для женских епархиальных училищ. 9 июля 1867 г. он поручил Учебному комитету начать разработку проекта общего устава епархиальных женских училищ, который должен был быть по своему характеру идентичен принципам обновленных уставов мужских духовных семинарий и училищ, а епархиальным съездам духовенства предоставлялись полномочия по избранию членов советов женских училищ¹. Проект устава был создан к началу 1868 г. на основе проектов уставов Саратовского, Полтавского и Пензенского училищ девиц духовного звания, а также была составлена общая учебная программа преподавания предметов в этих заведениях и штат епархиальных училищ. При рассмотрении проекта устава программы и штата женских училища на заседании Святейшего Синода 21 августа 1868 г., определением от 21 августа – 2 сентября 1868 г. за

¹ Кузнецов А. Епархиальные женские училища... С. 121.

№ 1868 г., было принято решение внести поправки в несколько параграфов и исключить параграфы 111 и 112, что лишало учителей епархиальных женских училищ прав государственного служащего, равно как и прав преподавателей духовных семинарий. Статус начальницы и воспитательниц епархиального училища был значительно низким, они не имели права на получение Мариинского знака отличия¹. Итоговый вариант проекта устава епархиальных женских училищ был подписан Александром II 20 сентября 1868 г., программа и штат были утверждены Указом от 13 октября 1868 г. Устав состоял из 16 глав, 111 параграфов, которые регламентировали различные стороны организации процесса образования и воспитания в стенах епархиальных училищ². Важнейшим предназначением устава было определение социальной роли будущих выпускниц епархиальных женских училищ, которые могли приобрести звание «домашней учительницы». Это фактически открывало им дорогу к педагогической деятельности в народных и церковных школах, позволяло занимать должности воспитательниц в женских гимназиях, пансионах, училищах. Однако их конкурентоспособность на данном рынке труда была значительно ниже, чем у выпускниц светских учебных заведений.

С момента принятия общего устава начинается второй этап в развитии женских духовно-учебных заведений, связанный с их преобразованием по требованиям единого устава. Прямое действие положений устава осуществлялось только в четырёх епархиях – Вятской, Нижегородской, Полтавской и Харьковской. Остальные епархии столкнулись с проблемами преобразования училищ в шестиклассные. Проблемы носили разный характер, зачастую они были исключительно финансовыми, как, например, в Уфимском епархиальном училище. Но, действие устава во всей полноте распространялось и на трёхклассные епархиальные женские училища, которые со временем были преобразованы в шестиклассные с годичным курсом обучения. По Определению Святейшего Синода от 16 марта 1872 г. за № 333, существующие епархиальные

¹ Кузнецов А. Епархиальные женские училища... С. 121.

² Там же. С. 81–92.

женские училища, не нашедшие средств к преобразованию по уставу, программе и штату, могли оставаться на прежних основаниях, а вот вновь открывающиеся должны были полностью соответствовать уставу, в ином случае они носили статус частных учреждений и лишались прав епархиальных женских училищ. Одновременно с этим Определением Святейший Синод утвердил составленную Учебным комитетом таблицу распределения уроков для трёхклассного епархиального училища¹. В частности, в мае 1869 г. в Астраханском епархиальном женском училище были проведены изменения и поправки в строе училищного управления и программах преподавания. Училище оставалось трёхклассным с двухгодичным курсом за неимением денежных средств. Помимо финансовых трудностей, Астраханская епархия испытывала нехватку педагогических кадров для введения в образовательную программу таких предметов, как педагогика, всеобщая и русская история, физика и геометрия. Имеющийся на то время состав учителей признавался несостоятельным даже для выполнения прежнего «консисторского Устава», соответственно, поиск и замена преподавателей требовали времени. При формировании состава училищного совета было нарушено несколько положений устава, а именно: члены первого совета были назначены декларативным путём до созыва епархиального съезда; благочинный был переименован в инспектора классов, воспитательница – в начальницу училища, эконома из членов управления училищем стал исполнительным чиновником по кухне, гардеробной, прачечной и т.д.²

На III съезде духовенства Астраханской епархии председатель училищного совета, назначенный по резолюции Преосвященного, протоиерей Н. Васильковских получил большинство голосов при избрании и остался в должности на три года. В период с 1871 по 1873 г. Астраханское епархиальное училище преобразовывалось согласно требованиям устава. На V съезде духовенства (1871 г.) было увеличено жалованье преподавателям (до 35 р. за годовой

¹ Кузнецов А. Епархиальные женские училища ... С. 124.

² Покровский Г. История Астраханского епархиального женского училища // АЕВ. 1891. № 20. С. 411–412.

урок), эконому-священнику (до 250 р. в год), был приглашён врач, посещавший учреждение ежедневно (жалованье составило 100 р. в год), в учебную программу были введены предметы училищного курса, а также преподавание музыки за дополнительную плату с воспитанниц. VI съезд духовенства предоставил исключительное право дочерям преподавателей училища, обучавшимся в Астраханском епархиальном женском училище, посещать уроки музыки бесплатно. Повышение жалования остальным служащим в Астраханском епархиальном женском училище состоялось в 1873 г., когда VII съезд духовенства постановил увеличить жалования начальнице, инспектору классов, воспитательницам, учителям пения. После съезда духовенства преосвященный поставил вопрос об образовательном цензе начальницы училища и проведении выборов на замещение этой должности новой кандидатурой. На эту должность была избрана Глафира Новикова, обладавшая педагогическим опытом и навыками управления пансионом для подготовки девушек в гимназии¹.

Начиная с принятия общего устава (для 20-ти существовавших училищ в 1868 г.) и до 1880 г. значительно возростала численность епархиальных женских училищ, были преобразованы старые и открывались новые. Спустя десятилетие (1878 г.) их насчитывалось 39. В период «Великих реформ» Александра I было сформировано «правовое ядро» в виде Общего устава епархиальных женских училищ, до 1882 г. остававшегося фактически неизменным. Он дополнялся отдельными Определениями Святейшего Синода, касавшимися вопросов администрирования, отчётности, организации учебно-воспитательной работы, правового положения преподавателей, финансовой деятельности и материального обеспечения. Регулировали деятельность епархиальных женских училищ и различные постановления и распоряжения епархиального начальства². В 1868–1879 гг. был создан нормативно-правовой плацдарм

¹ Покровский Г. История Астраханского епархиального женского училища. С. 412–419.

² О дозволении приобретать на места 5% банковые билеты на суммы, поступающая по завещаниям в пользу духовных учреждений и назначаемые для внесения в кредитные учреждения на вечные времена // СЕВ. 1867. № 17. Отд. офиц. С. 872–873; От 19-го июля – 9-го

для функционирования епархиальных женских училищ. Однако он не исключил возникновения коллизионных ситуаций, где проблемой стороной являлся вопрос соподчиненности нормативно-правовых актов общему уставу. Попытка консолидации и систематизации нормативно-правовых актов с уставом наблюдается в коллаборативном экземпляре Устава епархиальных женских училищ (1880 г. издания), отпечатанного в Пензе, в который интегрировали актуальные на тот момент указы и определения Святейшего Синода, инструкции должностных лиц, а также постановления епархиальных съездов Пензенской епархии¹. Итак, «Великие реформы» заложили надежды и перспективы развития женского среднего духовного образования. Ситуация, на первый взгляд, не изменялась и в период «контрреформ» Александра III.

Что касается начального женского образования, то до середины XIX в. девочек на обучение отдавали крайне редко, поэтому справедливо выражение представителя русской педагогики С.М. Митропольского, что женского начального образования в России в дореформенный период «совершенно не существовало». При этом стоит отметить, что в начале XIX в. сформировался его фундамент, спроектированный Уставом 2 декабря 1828 г.² Устав закреплял сословный характер образования и выстраивал конъектуру школьной системы

сентября 1878 г., за № 1144, по вопросу о том, следует ли взимать сбор на пособие духовенству с священников, получающих пенсию или жалование за службу при учебных заведениях и пользующихся сверх того содержанием за службу в приходах // СЕВ. 1878. № 38. С. 434–436; От 23-го августа – 12 сентября 1878 г., за № 1343, о снабжении камертонами певческих хоров, существующих в духовных учреждениях с «положением о музыкальных диапазонах или камертонах» // СЕВ. 1878. № 38. С. 431–434; Постановление уполномоченных от духовенства по делам училищ Саратовской епархии // СЕВ. 1868. № 12. С. 185–188; Постановления общего епархиального съезда, состоявшегося 23, 24 и 25-го января 1869 г. // СЕВ. 1868. № 2. С. 61–62; Распоряжение по духовно-учебному ведомству // СЕВ. 1868. № 11. С. 139–141; Распоряжения епархиального начальства // СЕВ. 1871. № 10. С. 180; Распоряжения епархиального начальства // СЕВ. 1867. № 13. С. 614; Распоряжения Епархиального Начальства // СЕВ. 1867. № 5. С. 128–130; Распоряжения Епархиального начальства // СЕВ. 1867. № 25. С. 1287–1290; Распоряжения епархиального начальства // СЕВ. 1869. № 3. С. 35–48; Распоряжения епархиального начальства // СЕВ. 1874. № 13. С. 229–237; Распоряжения епархиального начальства // СЕВ. 1874. № 21. С. 380.

¹ Устав епархиальных женских училищ, дополненный 1. Указами и Определениями св. Синода, относящимися к епархиальным женским училищам... Пенза, 1880.

² Анастасьев А. Народная школа. Руководство для учителей и учительниц начальных народных училищ: настольная справочная книга. М., 1910. С. 1–5.

по типам образовательных учреждений. Губернские гимназии, прогимназии, пансионы принимали на обучение родовитых дворян и детей чиновников. В уездных и реальных училищах обучали детей купцов, ремесленников, горожан и других сословий. Приходские училища были предназначены для крестьян, ремесленников и рабочих¹. В данной системе важные позиции занимали и церковно-приходские школы, создававшиеся при монастырях и церквях, но их официальное создание датируется 1836 г., с момента ратификации Высочайшего повеления. Духовенство призывали к открытию приходских школ в целях обучения детей Закону Божьему и первоначальной грамоте². Идея всеместного открытия церковно-приходских школ была обоснована развертыванием раскольнического движения; лучшим способом борьбы с ним признавали распространение начального образования в духе православной веры. Такая позиция прослеживается в ратифицированном 12 мая 1837 г. Указе Синода за № 5539³.

Для исполнения этого указа 28 февраля 1838 г. Астраханская духовная консистория поручила благочинным епархии проводить поощрительные мероприятия среди духовенства для осуществления дела народного образования. Учитывая специфику национального состава Астраханской губернии, Святейший Синод издал несколько указов, касавшихся организации начального образования для калмыцких детей (Указ от 21 июля 1837 г. о принятии в заводимые школы калмыцких детей; Указ от 15 ноября 1838 г. об открытии училищ в приходах, при которых кочуют крещёные калмыки, не дожидаясь устройства училищ в этих приходах гражданским начальством)⁴. 7 августа 1842 г. Сино-

¹ Волик Е.А. Народные школы второй половины XIX – начала XX столетия в России: особенности организации учебно-воспитательного процесса // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 5. С. 35.

² Степанов И.И. Социальное служение русской православной церкви в конце XIX – начале XX века (на примере Рязанской губернии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История, международные отношения. 2012. № 1. С. 32.

³ Благодравов М. Указ. соч. С. 19.

⁴ Благодравов М. Указ. соч. С. 22–23.

дом был издан Указ, который определял устав 1828 г. общим для всех открываемых сельских приходских училищ независимо от их ведомственного ведения. Кроме того, данный указ возлагал организацию процесса обучения на епархиальных архиереев, а осуществление – на местных священников, дьяконов и причётников, выпускников духовных семинарий (не получивших место в приходе). Этим указом регламентировалось открытие училищ в приходах, которые населены исключительно государственными крестьянами¹. Это свидетельствует о том, что распространение начального образования сталкивалось не только с проблемами финансирования, материальных условий, кадровым обеспечением, но и избирательностью государственной образовательной политики. Открывающиеся образовательные возможности для непривилегированных категорий населения по-прежнему ограничивались сословными барьерами.

Для оценки правотворческой инициативы важно обратить внимание на указы духовных консисторий. Например, Указ Астраханской духовной консистории от 8 апреля 1844 г. впервые на территории Астраханской губернии затронул вопрос доступа женщин к начальному образованию (не считая обучения девочек-сирот при монастырях). Священникам-учителям было объявлено принимать к обучению не только мальчиков, но и дочерей государственных крестьян. Уместно отметить, что духовенство Астраханской епархии в вопросах организации и осуществления процесса народного образования оказалось более компетентным. Это подтверждают журналы Астраханской духовной консистории, где содержатся дела, в которых отражено всестороннее руководство епархиального начальства во внутренней организации училищ Министерства государственных имуществ². Такая коллаборация просуществовала до 1870-х гг., когда училища Астраханской палаты государственных имуществ перешли в ведение Министерства народного просвещения.

¹ Благодоров М. Указ. соч. С. 32.

² Там же. С. 41.

До 1860-х гг. начальные училища разных ведомств на территории Нижнего Поволжья состояли в ведении тех ведомств (Министерства народного просвещения, казачьего управления и т. д.), которые их открывали и финансировали. Исключительной особенностью стали, как уже отмечалось выше, астраханские училища Министерства государственных имуществ, учебно-воспитательную деятельность которых всецело регулировало местное духовное ведомство¹. Дальнейшая трансформация народного образования была стимулирована «Положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» (19 февраля 1861 г.), которое наделяло крестьян правом на образование (ст. 29, п. 4.) и общественное участие в деле реализации и распространения народного образования (ст. 51; ст. 58, п. 8; ст. 78, 84). 14 июля 1864 г. было обнародовано «Положение о начальных народных училищах», которое определило новый порядок управления училищами всех ведомств, учреждений, обществ и частных лиц. Целью данного положения было объединение всех народных училищ под одним управляющим органом. Для этого в губерниях учреждались губернские училищные советы, а в губернских уездах – уездные училищные советы². В то же время положение (1864 г.) предоставляло каждому ведомству автономию по решению вопросов открытия / закрытия, финансирования и отчётности. Функциональными полномочиями училищных советов было только общее наблюдение и содействие в благоустройстве училищ, назначение и увольнение учителей, составление ежегодных отчётов попечителю учебного округа. Благоклонность со стороны государства содействовала развитию начальных школ, поскольку их основной задачей было распространение в народе религиозно-нравственных представлений³. Положение (1864 г.) о народных училищах юридически и фактически ослабило позиции церковно-приходских и воскресных школ, которые должны были теперь под-

¹ Благодоров М. Указ. соч. С. 32.

² Положение о начальных народных училищах 14 июля 1864 г. URL: <http://музейреформ.рф/node/13686> (дата обращения: 15.12.2022).

³ Благодоров М. Указ. соч. С. 44.

чиняться уездным и училищным советам, состоящим из представителей различных министерств, в том числе земств, которые становились попечителями народного образования (ст. 18). Справедливо будет отметить, что «Положением о начальных народных училищах» (1864 г.) епархиальные архиереи признавались первенствующими членами губернских училищных советов (ст. 19)¹. Обнародованное в 1864 г. «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» ликвидировало автономию духовенства в вопросах организации общего народного образования². Лидирующие позиции перешли к Министерству народного просвещения и земствам, поскольку они обладали стабильным финансированием: первые – из казны, вторые – из местного налогового обложения.

Какое влияние на церковно-приходские школы оказало «Положение о земствах»? Церковно-приходские школы испытывали нехватку финансовых средств. Многие церковно-приходские школы были на грани бедности, имея в своём материальном обеспечении один учебник на всю школу. В некоторых школах не обучали письму из-за нехватки средств на приобретение бумаги. Духовенство рассчитывало, что поступающие налоги на народное образование будут распределены между всеми типами народных училищ. В 1866 г. обер-прокурор Синода Д.А. Толстой обратился к земствам об оказании материальной помощи. Как видно, с течением времени его надежды на финансовую помощь не оправдались, среди откликнувшихся были только земства Пензенской и Калужской губерний³. Земства отстаивали своё преимущество. В Московской губернии земские правления настаивали на отстранении духовенства от народного образования, даже от законоучительства. Училищные

¹ Положение о начальных народных училищах 14 июля 1864 г. (дата обращения: 15.12.2022).

² Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. URL: <http://музейреформ.рф/node/13687> (дата обращения: 15.12.2022).

³ Преображенский И. Всероссийская церковь по статистическим данным с 1840–1841 и 1890–1891 гг. СПб., 1897. С. 104–105.

советы, местные администрации, земства, светская пресса оказывали недоверие не только к результатам учительской деятельности духовенства, но и к существованию церковно-приходских школ. В условиях финансового недостатка, кадровой нехватки, давления профессиональной корпорации и прессы в 1866 г. в большинстве епархий началось сокращение церковно-приходских школ, особенно в земских губерниях. Однако сокращение церковно-приходских школ наблюдалось и в неземских губерниях: в Тобольской епархии из 173-х школ (1864 г.) в 1867 г. осталось 27; в Кавказкой (позднее Ставропольской) было 122 школы (1870 г.), а к 1871 г. осталось 38; в Оренбургской в 1870 г. церковно-приходских школ насчитывалось 147, к 1871 г. их осталось 29. Исключением стали некоторые сибирские епархии, где шёл медленный рост церковно-приходских школ. В 1866 г. в Сибири церковных школ насчитывалось не более 70, к 1883 г. их число возросло до 400. В западных и Астраханской епархиях уменьшения церковно-приходских школ не последовало¹. Такое положение церковно-приходских школ, к примеру, в Астраханской епархии, объясняется её полиэтничным и поликонфессиональным характером, высоким миграционным потоком и приграничным положением губернии².

В это время (1865 г.) на территории только Астраханской епархии сельских начальных училищ разных ведомств насчитывалось 41, в которых обучалось 250 девочек (из 1 528 чел.), с общим количеством законоучителей в 10 человек. В училищах обучались как дети православного исповедания, так и дети молокан (32 мальчика и 20 девочек)³, что свидетельствует об эффективной совместной деятельности профессионального сообщества независимо от ведомства. К тому же объясняется миссионерскими задачами, усилением и укреплением позиций Церкви в поликонфессиональном регионе, где начальное образование несло не только знания, но и православную веру. Хотя, например, по циркулярному определению Министерства народного просвещения от

¹ Преображенский И. Указ. соч. С. 104–105.

² Дорофеева А.А. Особенности духовного образования и воспитания... С. 34.

³ Благодравов М. Указ. соч. С. 46.

16 января 1868 г. детям раскольников было дозволено поступать в учебные заведения без обязательного посещения уроков по Закону Божьему¹.

Особое место в правовом сегменте занимают программы предметов. 31 мая 1869 г. Министерством народного просвещения были утверждены программы преподавания предметов в сельских двухклассных училищах². Составленная Министерством народного просвещения программа преподавания Закона Божия в сельских двухклассных училищах была одобрена Святейшим Синодом 24 сентября 1869 г.³

Пореформенное время справедливо можно охарактеризовать как апогей правотворчества начального образования, расширения типового и видового разнообразия начальных школ. Ратификация различных по характеру регуляции нормативно-правовых актов создавала фундамент развития школьного образования в XIX в., но не исключала проблем, следовавших за их принятием. Охарактеризуем важнейшие законоположения в хронологическом порядке. 26 марта 1870 г. были изданы «Правила о мерах к образованию инородцев», по которым инородцы-христиане, помимо религиозно-нравственного воспитания, должны были обучиться русскому языку. Особое внимание было обращено на образование девочек, поскольку «...племенные наречия и племенные особенности инородцев преимущественно сохраняются и поддерживаются матерями». Эти правила регулировали и татарские национальные школы, где обучались мусульмане. Они освобождались от изучения Закона Божьего, взамен обучаясь «законам магометанской веры»⁴. Такой подход к образованию характеризует гибкий характер государственной политики.

Позиции Министерства народного просвещения в отношении народного образования усилились после учреждения в 1869 г. инспекции народных училищ, для которой 29 октября 1871 г. была утверждена «Инструкция инспекторам народных училищ». Инструкция чётко регламентировала их деятельность,

¹ Анастасьев А. Указ. соч. С. 32.

² Там же. С. 74–77.

³ Там же. С. 72–73.

⁴ Там же. С. 127–130.

обозначала круг компетенций, которые заключались в надзоре за учебными заведениями в отношении личного состава, учебно-воспитательной деятельности, благоустройстве и материальном обеспечении училищ и учителей. Кроме надзирательной функции, на инспекторов возлагались обязанности по открытию / закрытию училищ, распространению народного образования¹. В инструкции Министерством народного просвещения была затронута и проблема эффективности образования. Это касалось поддержания грамотности выпускников народных школ в последующие годы, поскольку по негативной тенденции полученные навыки чтения и письма утрачивались в ходе обыденной жизни. Одним из способов преодоления такой проблемы было обеспечение выпускников книгами религиозно-нравственного содержания: данные пособия приобретали за счёт средств училищ из рекомендованного списка литературы. Такой подарок, как было отмечено в «Инструкции инспекторам народных училищ», способствовал сохранению знаний и навыков по Закону Божьему, полученных выпускницами в школе². Под надзором инспекторов оказались и церковно-приходские школы, законоучителя и учителя церковно-приходских школ. Следили за преподаванием каждого предмета, в том числе и Закона Божьего. Таким образом, в заведовании чиновников от Министерства народного просвещения оказались и личность законоучителя, и преподавание Закона Божьего. В среде духовенства такое положение дел воспринималось как нота недоверия, признание духовенства некомпетентным в вопросе народного просвещения. В профессиональной среде создавалась латентная конфронтация. Стала очевидной необходимость пересмотра положения от 14 июля 1864 г.

25 мая 1874 г. было обнародовано новое «Положение о начальных народных школах», которое дифференцировало многообразие начальных народных училищ согласно подведомственности. К духовному ведомству

¹ Анастасьев А. Указ. соч. С. 10–29.

² Там же. С. 15.

были отнесены церковно-приходские школы, открываемые православным духовенством; к Министерству народного просвещения – приходские училища в городах, посадах и сёлах, частные училища; к иным ведомствам относились сельские училища (училища в селениях бывших государственных и удельных крестьян, училища при частных горных заводах); правительственные, общественные и частные воскресные школы открывались для образования ремесленного и рабочего сословий (для обоих полов). Положение определяло содержание учебного курса, учебно-методическое обеспечение. Был обозначен всесословный и поликонфессиональный характер начального образования. Положением давались и рекомендации по комплектованию контингента учеников. Приветствовалось раздельное обучение, создание отдельных мужских и женских училищ, хотя и допускалось смешанное обучение (при условии, что ученицы не будут старше 12-ти лет). Гендерная дифференциация реализовывалась обязательно при открытии воскресных школ. Контроль преподавания Закона Божьего, а также над религиозным воспитанием и обучением в начальных народных училищах перешли в прерогативу епархиальных архиереев (ст. 17)¹. Архиереи по своему усмотрению могли открывать и закрывать подведомственные им народные училища (ст. 9). Лица духовного звания получали возможность занимать должность не только законоучителя, но и учителя иных предметов. Это право распространялась на все типы народных училищ (ст. 16, 18)². В циркулярном указе Синода от 10 октября 1874 г. было отмечено, что обновленное положение усиливало влияние духовенства не только на церковные школы, но и на все начальные народные училища, одновременно с этим предоставляя духовенству почётное место в деле народного образования³.

В 1870-е гг. церковно-приходские школы нуждались в более радикальных мероприятиях. Это осознавали как высшее духовное начальство, так и

¹ Козлов К.В. Политика Русской Православной церкви в области образования и её реализация в деятельности епархий Центрального Черноземья. 1884–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004. С. 14.

² Положение о начальных народных училищах 1874 г. URL: <http://музейреформ.рф/node/13669> (дата обращения: 15.12.2022).

³ Преображенский И. Указ. соч. С. 101.

местные архиереи. Ключевой фигурой в эти годы в Астраханской епархии стал епископ Хрисанф, который отличился своей духовно-просветительской деятельностью. За три года пребывания на посту он с личным финансовым участием открыл епархиальную библиотеку (1875 г.), основал «Астраханские епархиальные ведомости» (1875 г.), открыл дом для призрения вдов и сирот духовенства (1877 г.); им впервые была озвучена идея о создании самостоятельных епархиальных училищных советов. Имея за спиной колоссальный педагогический опыт, епископ Хрисанф сосредотачивал своё внимание на образовательной деятельности. Так, он учредил особую школьную комиссию (1876 г.), миссией которой было улучшение учебно-воспитательного дела в церковно-приходских школах. В итоге работы комиссии были составлены: программа занятий по всем предметам; объяснительная записка относительно объёма, порядка и приёмов преподавания по каждому предмету в школах с указанием учебников и учебных пособий для учащихся; примерное расписание учебных занятий в церковно-приходской школе с разделением учащихся на две группы; Дисциплинарные правила для учеников церковно-приходской школы¹. Епископ Хрисанф проявлял неподдельный интерес к проблемам и успехам церковно-школьного образования, во время ревизий и обзоров Астраханской епархии посвящал беседы с населением пользе образования, особенно обосновывал необходимость просвещения девочек. В данном отношении епископом предпринимались попытки по устранению существовавших среди населения предрассудков об обучении девочек². В частности, в некоторых местностях Нижнего Поволжья существовало убеждение, что девушка с образованием должна всегда оставаться незамужней, «черничкою». Поэтому родители старались как можно быстрее выдавать своих дочерей замуж, а образование расценивали как одно из преимуществ невесты³.

¹ Распоряжения епархиального начальства об устройстве церковно-приходских школ Астраханской епархии // АЕВ. 1876. № 29. С. 1–9; № 31. С. 4–11; № 32. С. 3–6; № 33. С. 1–7; № 34. С. 2–8; № 35. С. 2–6; № 36. С. 3–8; № 37. С. 2–7; № 38. С. 5–9.

² Благонравов М. Архиереи Астраханской епархии за 300 лет её существования, с 1602 до 1902 г. Астрахань, 1902. С. 139–147.

³ ГАСО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 148. Л. 136.

Таким образом, к 1880 г. в Российской империи сформировалась достаточно разветвлённая система женских образовательных учреждений, особой самостоятельной ветвью стали женские духовно-учебные заведения среднего образования (епархиальные женские училища и училища девиц духовного звания при ВуИМ), а также начального образования (церковно-приходские школы).

Развитие женских духовно-учебных учреждений и духовного компонента женского образования происходили в период совершенствования системы российского образования, изменения социальных потребностей, активной правотворчества государства и церкви. Церковь как оплот самодержавия осуществляла деятельность по сохранению преимуществ перед другими ведомствами в деле народного просвещения, поэтому улучшала свои конкурентные позиции путём преобразования учебных заведений, совершенствования содержания образования.

1.2. Правовое обеспечение и развитие образования женщин в епархиальных женских училищах и церковно-приходских школах

О.Д. Попова в своём исследовании отмечает следующее: контрреформы затормозили процесс развития епархиальных женских училищ, и это стало отражением консервативной политики Александра III и обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева. Основным вектором развития образования стало развитие системы церковно-приходских школ, испытывавших нехватку педагогических кадров. Несмотря на то, что принятия нового устава епархиальных женских училищ не последовало вслед за новыми уставами духовных академий, семинарий и мужских училищ, следует отметить важные поправки, внесённые в действовавший Устав епархиальных женских училищ (1868 г.).

Определением Святейшего Синода от 28 июля – 11 августа 1882 г. за № 1493 были внесены первые изменения в устав (§ 7, 17 и 27), касающиеся прав начальницы училища. По сравнению с первым уставом отменялось

назначение на должность начальницы епархиального женского училища епархиальным архиереем. По новому порядку данная должность замещалась путём избрания в училищном совете, после кандидатура утверждалась епархиальным архиереем. В число избирателей входили представители всех сословий, принадлежащих к православной вере и имеющих педагогический опыт. Кроме этого, начальница становилась полноправным членом совета епархиального женского училища, наряду с председателем, представителями духовенства и инспектором¹. Такие нововведения, хоть и были незначительными, но расширяли права начальницы в воспитательном процессе и повышали её педагогический статус, хотя в общем отношении и сохраняли вертикальность власти и косвенную зависимость от епархиального архиерея. Или Определением Святейшего синода (1887 г.) за № 1379 изменялся параграф 78, касавшийся возраста поступающих в первый класс. Устав епархиальных женских училищ также дополняли важные определения Синода и высочайшие повеления, которые регламентировали вопросы организации образовательного процесса училищ в разных областях деятельности, такие как: вопросы этики взаимодействия представителей духовенства с педагогическим персоналом училища, частные вопросы методики преподавания, вопросы правового положения преподавательского состава. Финансовое направление государственно-церковной политики затрагивало проблемы льготного содержания и обучения детей служащих духовно-учебных заведений².

Кроме определений Святейшего Синода, жизнь епархиальных училищ обновляли правила, инструкции, положения, регламентирующие учебно-воспитательную часть. В частности, различные правила регулировали работу

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 35. Л. 2, 3; Определение СС 28 июля – августа 1882 г. за № 1493, об изменении §§ 7, 17 и 27 устава епархиальных женских училищ // АЕВ. 1882. № 18. С. 285.

² Определение Св. Синода от 1–26 февраля 1889 г. за № 221, о порядке исполнения требований 64 уст. духовных семинарий относительно занятия преподавателями духовно-учебных заведений других должностей // ЦВ. 1889. № 11. С. 95–96; Определение Св. Синода от 7–25 апреля 1888 г. за № 810, об освобождении детей служащих в духовно-учебных заведениях лиц от платы за содержание и обучение в сих заведениях // ЦВ. 1888. № 19. С. 138–139; Высочайшее повеление // ЦВ. 1890. № 17. С. 167.

епархиальных училищных советов, производство годовых экзаменов, деятельность образцовых школ, реализацию программ предметов, замещение законоучительских должностей, надзор за преподаванием Закона Божия, приём родителей и родственников, увольнение воспитанниц из училища. Особого внимания заслуживают положения, утверждаемые как Святейшим Синодом, так и епархиальными съездами духовенства. Например, они касались вопросов стипендиального обеспечения, правового статуса преподавателей и служащих духовно-учебных заведений или работы специальных учреждений при Святейшем Синоде¹. Одновременно с этим шёл активный рост церковно-приходских и народных школ, которым требовались педагогические кадры, как уже отмечалось выше. Консенсусом стала интеграция образовательных направлений государственно-церковной политики. Женские образовательные учреждения, в том числе и духовные, меняли характер образовательных целей и задач. Они становились не только общеобразовательными, но и профессионально ориентированными. Святейшим Синодом осуществлялась деятельность по обновлению содержания программ епархиальных женских училищах. Такая необходимость возникла из-за разрозненности учебных программ и отсутствия стандартизированного объёма и содержания учебных предметов, преподаваемых в епархиальных женских училищах. Поэтому Учебным комитетом совместно с местными советами епархиальных женских училищ была начата

¹ Правила об уездных отделениях Епархиальных училищных советов // ЦВ. 1888. № 27. С. 169–171; Правила для производства годовых экзаменов в Астраханском епархиальном женском училище // АЕВ. 1880. № 40. С. 627–630; О правилах для образцовых школ // АЕВ. 1886. № 16. С. 535–538, 562; Программа для поступающих в I класс // АЕВ. 1896. № 9. С. 380–392; Программа чтений по гигиене // АЕВ. 1896. № 9. С. 395–396; От 5-го – 19-го февраля 1886 г., за № 293, о дополнении существенных правил относительно замещения законоучительских должностей и наблюдения за преподаванием закона Божия // СЕВ. 1886. № 6. С. 175–178; Правила приёма родителей и родственников и увольнения их училища воспитанниц // СЕВ. 1874. № 3. С. 52–53; Положение, утверждённое Святейшим Синодом 28 ноября – 10 декабря 1886 г. за № 2599, о стипендии имени Высокопреосвященного Иоанникия, Митрополита Московского и Коломенского, при Саратовском Епархиальном женском училище // СЕВ. 1887. № 3. С. 73–74; Положение о правах и преимуществах лиц, служащих при духовно-учебных заведениях и лиц, получивших учёные богословские степени и звания // СЕВ. 1876. № 47–48. С. 593–601; Положение об учебном Комитете при Святейшем Синоде // СЕВ. 1867. № 16. С. 812–817.

работа над проектами единых учебных программ по предметам, изучавшимся в училищах. 6–28 сентября 1895 г. вступили в силу новые учебные программы. Прорехи предшествующих программ были восполнены, новациями программ стали введение грамматики церковно-славянского языка, замена педагогики на дидактику¹.

Тем не менее, Святейший Синод и епархиальные архиереи, обеспокоенные социальным определением дочерей духовенства, а также кадровым комплектованием церковных школ, осознавали, что введённых педагогических дисциплин в общий шестиклассный курс обучения недостаточно для решения глобальных задач. В связи с этим в епархиальных женских училищах подразумевалось создание профессиональных классов, которые вошли в историю как 7-е педагогические классы. Начало профорентированным классам положил А. Васильев, председатель совета Кавказской духовной семинарии. Его проект положения 7-го педагогического класса нашёл поддержку не только у местного епархиального начальства, но и в Святейшем Синоде. По заключению учебного комитета при Синоде от 16 августа 1879 г., было утверждено ходатайство об открытии класса в Кавказском епархиальном женском училище, который был открыт в 1880–1881 учебном году². Подобный прецедент породил размышления о необходимости открытия таких классов и в других епархиях, в том числе на территории Нижнего Поволжья³. Инициатива А. Васильева стала перспективным вариантом решения насущной задачи образовательной политики государства и церкви – обеспечения педагогическими кадрами церковных и земских школ. Особого внимания заслуживают проекты положений о 7-м педагогическом классе, составленные отдельными епархиями, в которых епархиальные женские училища апробировали специализированные

¹ Алешина С.А. Женские епархиальные училища в деле подготовки педагогических кадров для народных школ // Педагогический журнал Башкортостана. Уфа, 2012. № 1 (38). С. 142.

² О дополнительном специально-педагогическом классе при Кавказском епархиальном женском училище // Кавказские епархиальные ведомости. 1880. № 1. С. 24–28.

³ О педагогическом классе при епархиальном женском училище // СЕВ. 1880. № 8. С. 64–67.

классы для подготовки учительниц для народных и церковных школ. Так, например, Положение о 7-м педагогическом классе Астраханского епархиального женского училища¹ было утверждено указом Синода от 9 сентября 1895 г. за № 4320. Положение о 7-м педагогическом классе Саратовского Иоанникийевского епархиального женского училища было напечатано в феврале 1885 г. в местных епархиальных ведомостях, но его открытие было осуществлено только в 1903 г.²

Позитивный опыт Астраханской, Пензенской и других немногочисленных епархий, а также необходимость совершенствования учебно-воспитательного дела в епархиальных женских училищах побудили Святейший Синод к осуществлению законодательного закрепления существования 7-х педагогических классов и приведению его учебно-воспитательной части к единообразию, что было осуществлено только в 1907 г. (ратифицировано единое положение о 7-м педагогическом классе)³. Кроме вышеозначенных видов нормативно-правовых актов, проанализировать эволюцию содержания образования в пореформенный период позволяют программы предметов, характер государственной и церковной политики – указы императора, Синода и духовных консисторий. Межведомственные отношения прослеживаются в циркулях обер-прокурора, Хозяйственного комитета Святейшего Синода, Министерства народного просвещения⁴. Анализируя данный нормативно-правовой массив, можно констатировать, что консервация основного правового документа

¹ Положение о VII педагогическом классе // АЕВ. 1896. № 9. С. 393–396.

² Речь, сказанная на акт открытия VII педагогического класса при Саратовском епархиальном женском училище // СЕВ. 1904. № 8. С. 498–499.

³ Положение о VII-ом педагогическом классе при епархиальных женских училищах // ЦВ. 1907. № 41. С. 362.

⁴ Программа для поступающих в I класс // АЕВ. 1896. № 9. С. 380–392; Программа чтений по гигиене // АЕВ. 1896. № 9. С. 395–396; Программа для желающих поступить в Саратовское епархиальное женское училище // СЕВ. 1880. № 23. С. 112–114; Программы учебных предметов в VII педагогическом классе Саратовского Епархиального Иоанникийевского женского училища, применявшаяся в 1903–1904 учебном году и предложенная на 1904–1905 учебный год // СЕВ. 1905. № 8. С. 238–248; № 22. С. 429–434; № 23. С. 438–443; Учебная программа и условия для поступления в Саратовское епархиальное женское училище // СЕВ. 1883. № 25. С. 166–168; Учебная программа и условия для поступления в Саратовское

(устава 1868 г.) не исключала латентной эволюции самого образования в епархиальных женских училищах.

Прогрессивные идеи воспитанников, педагогов, местных епархиальных начальств зачастую не встречали поддержки в правительствующем консервативном Синоде. В конце XIX – начале XX в. в среде воспитанниц и педагогическом сообществе духовенства широко обсуждалась проблемы развития духовной школы, которая по созданным нормативным условиям и реалиям общественно-политической жизни вступила в кризисное состояние. Очевидной становилась задача реформирования всей системы духовного образования. Широкое обсуждение проблем церковной школы и духовной жизни в целом становилось предметом дискуссий на страницах печати. Обсуждалась отсталость епархиальных женских училищ от реалий жизни. Противоречивым стал инцидент, связанный с изменением Устава женских училищ духовного ведомства, находящихся под Высочайшим покровительством¹, по отношению к которым епархиальные женские училища на протяжении всего существования были в неравных условиях. С одной стороны, принятие нового устава женских училищ духовного ведомства сулило надежды на скорое принятие нового устава епархиальных женских училищ, с другой – по-прежнему не исключало их градации. Такую же реакцию вызвало и принятие в 1903 г. нового штата женских училищ духовного ведомства². В педагогическом сообществе духовенства создавалось двойное ощущение. С одной стороны, правительство фактически стало предпринимать действия к совершенствованию женского образования, с другой – епархиальные женские училища оказались «за бортом» привилегированного реформирования³.

епархиальное женское училище // СЕВ. 1893. № 5. С. 115–131; Учебная программа и условия поступления в Саратовское епархиальное женское училище // СЕВ. 1898. № 6. С. 101–113.

¹ Высочайшее повеление // ЦВ. 1901. № 39. С. 339.

² Высочайшее повеление // ЦВ. 1904. № 4. С. 21.

³ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 57В. Л. 180.

Обеспокоенное духовенство и педагогическое сообщество раскололось на два лагеря: одни отстаивали точку зрения правительства и идею постепенной апробации реформ, другие фокусировались на проблемах духовной школы¹, связанной с религиозным индифферентизмом и консервацией существующих принципов обучения. Однако катализатором реформы стала вовсе не очевидность, а усиливающиеся волнения и назревающая первая русская революция, которая затронула все стороны общественной жизни, в том числе и образовательные притязания детей духовенства. Особым этапом в развитии среднего женского образования стал период первой русской революции. Происходили брожения, беспорядки, воспитанницы уклонялись от выполнения установленных правил поведения, выдвигали петиции. В авангарде «беспорядков» были епархиальные училища Курска, Твери, Тифлиса, Пензы, Самары, ослабление дисциплины наблюдалось в Орловском, Псковском, Екатеринославском, Пермском, Вятском, Рязанском епархиальных женских училищах. На страницах местных епархиальных ведомостей и в целом печати новости о волнениях в епархиальных училищах практически не встречались. По имеющимся архивным материалам фонда Учебного комитета, можно предположить, что обстановка в остальных епархиальных женских училищах была спокойной². Во избежание беспорядков среди воспитанниц и воспитанников астраханских духовно-учебных заведений велись разъяснительные беседы о предстоящей реформе духовного образования, осуществлялись призывы к благоразумию и терпеливому послушанию. Местные епархиальные ведомости публиковали последние сведения о государственных преобразованиях, о ходе реформ духовного ведомства, духовно-учебных заведений, проекты положений, выпускали завуалированные статьи проправительственного содержания³.

¹ Попова О.Д. Епархиалки и российское общество рубежа XIX–XX веков. Социальный статус, стремления и возможности. СПб., 2019. С. 220–221.

² Попова О.Д. Указ. соч. С. 224–228.

³ По поводу последних событий // АЕВ. 1905. № 23. С. 1013–1015; Первые шаги Государственной думы // АЕВ. № 10. С. 577–580; По поводу Высочайшего Манифеста 17 Октября

Стоит отметить, что подобная тактика не оказалась бесполезной, поскольку ученики и ученицы духовно-учебных заведений Астраханской епархии не были вовлечены в революционные события. В общероссийском масштабе, беспорядки в епархиальных женских училищах, в отличие от мужских духовных семинарий и училищ, хотя и носили безобидный характер, но стали стимулом к попыткам реформирования. 28 декабря 1905 г. Священный Синод издал Указ, согласно которому епархиям предлагалось принять участие в составлении нового Устава епархиальных женских училищ путём предоставления желательных изменений, выделенных членами советов епархиальных женских училищ. В архивном фонде 802 Учебного комитета при Святейшем Синоде (РГИА) сохранены проекты и предложения всех епархий Российской империи, в разном формате, но единогласно отмечающих необходимость уравнивания образовательной программы епархиальных женских училищ с образовательными программами светских женских гимназий Министерства народного просвещения (далее – женские гимназии МНП), Мариинских гимназий. Интересны и идеи по модернизации Устава епархиальных женских училищ, предложенные Советом епархиального училища Астраханской епархии.

Совет Астраханского епархиального женского училища составил проект нового устава на основе существовавших уставов духовных семинарий, женских гимназий МНП и женских училищ духовного ведомства. В объяснительной записке констатировали главные изменения, способные коренным образом изменить принципы развития епархиальных женских училищ, исходя из долговременного несоответствия условиям жизни, существовавшего в то

1905 г. и «Союза 17 Октября» // АЕВ. № 3. С. 159–164; Перед новыми выборами в Государственную думу // АЕВ. 1907. № 1. С. 11–15; Открытие пастырских собраний духовенства в г. Астрахань // АЕВ. 1905. № 24. С. 1061–1076; Восстановление патриаршества в России // АЕВ. 1906. № 13. С. 681–684; Об участии священнослужителей в общественных учреждениях // АЕВ. 1906. № 12. С. 616–621; Последние сведения о реформе духовно-учебных заведений // АЕВ. 1906. № 16. С. 821–825; Введение в духовно-учебных заведениях временных правил // АЕВ. 1906. № 20. С. 1008–1009; По поводу петиции астраханских о. о. диаконов и псаломщиков // АЕВ. 1906. № 9. С. 484–488; Поучение о водворении мира и спокойствия // АЕВ. 1905. № 25. С. 1039–1042; Можно ли христианину быть социалистом // АЕВ. 1906. № 15. С. 758–765; О праве и долге // АЕВ. 1906. № 11. С. 560–561.

время положения епархиальных женских училищ в административном, учебно-воспитательном и хозяйственном отношениях. Совет Астраханского епархиального женского училища предлагал поставить епархиальные женские училища в непосредственную зависимость от Святейшего Синода. Сами училища, весь административный и педагогический персонал, назначаемый Святейшим Синодом, должны были перейти на материальное обеспечение за счёт средств ведомства. Хозяйственную часть по содержанию интерната при училище предлагали оставить в прерогативе местного духовенства. Таким способом подразумевалась ликвидация зависимости администрации и педагогического персонала от местного духовенства, которое зачастую было некомпетентным в учебно-воспитательном деле и несправедливо к вышеуказанным лицам. Интернат же оставался бы в ведении местного духовенства, потому что оно обладало большей заинтересованностью в содержании своих детей и ближе знакомо с местными условиями жизни, лучше могло организовать хозяйственное дело, для чего и предполагалось учреждение при училище особого хозяйственного комитета¹. Существовавший при училище совет, заведовавший всеми частями училищной жизни, должен был быть разделён на педагогический совет и хозяйственный комитет. Такое разделение обосновывалось тем, что учебно-воспитательная и хозяйственная части училищной жизни имели между собой слишком мало общего, и эффективность деятельности училища можно было повысить благодаря работе двух самостоятельных управлений². Авторы проекта преобразований устава предлагали дифференцировать управленческие должности. Для руководства педагогическим советом вводилась бы должность начальника училища, хозяйственный комитет предлагали возглавить председателю, избираемого из местного духовенства. Из двух лиц, отвечавших за учебную и воспитательную части, предлагали сформировать одну должность – заведующего учебной частью. Такое предложение было сделано по примеру духовных академий, духовных семинарий,

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 57В. Л. 182.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 57В. Л. 182 об.

женских гимназий Министерства народного просвещения и Мариинских гимназий¹. Важным аспектом проектируемого обновления было расширение программы учебных предметов применительно к программам женских гимназий Министерства народного просвещения. Это должно было способствовать уравниванию воспитанниц в правах с ученицами других женских средних учебных заведений, а также повышению образовательного уровня учениц училища. Проект преобразований подразумевал и решение острой проблемы, связанной с текучестью кадров. Составители проекта предлагали сформировать кадровые штаты и предоставить состоящим при училище должностным лицам служебные и пенсионные права². По проекту Саратовского Иоанникиевского епархиального училища предполагалось не осуществлять коренной реформы, а лишь преобразовать частично учебную и административную части. Особенное внимание было сосредоточено на реформировании принципов преподавания Закона Божьего. Признавалось необходимым увеличить количество уроков в 7-м классе (+3) с включением в содержание предмета практического курса церковно-славянского языка. При этом данный предмет должен был быть в особом положении, для чего необходимым признавалась отмена выставления баллов за его изучение. Авторы проекта считали, что отмена баллов могла поставить законоучителя в более простые, искренние и близкие отношения с учащимися, уничтожить в учащихся мысль о баллах, как о цели изучения Закона Божьего, и в целом благоприятно отразится на их познании и успехах. При этом законоучитель был бы лишён неприятного ощущения от сознания, что всякая беседа с детьми о Боге, о Его правде должна заканчиваться выставлением отметок³. Саратовский проект преобразований предусматривал и формирование штатных должностей, которые должны были содержаться на сред-

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 57В. Л. 182.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 57В. Л. 182.

³ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 57В. Л. 182 об.

ства Святейшего Синода. При этом предлагалось строго разграничивать должности инспектора классов и законоучителя¹. Несомненно, важным были вопросы комплектования контингента учителей. Так, назначение и увольнение штатных должностных лиц, за исключением врача и эконома, должны были осуществляться советом училища с утверждением в Святейшем Синоде. Прочие должностные лица, в том числе учительницы образцовой школы, должны были утверждаться местной епархиальной властью². По проекту преобразований решился бы вопрос правового положения педагогов и служащих епархиальных женских училищ, которым должны были быть предоставлены права государственных служащих с казённым содержанием и пенсионным обеспечением³. В данном случае авторами отмечалось, что эти привилегии не приведут к ослаблению епархиальной власти, а наоборот, сделают работу епархиальных женских училищ успешнее, поскольку такие права повысят конкуренцию лучших педагогических кадров и решат проблему «текучки» кадров.

Как уже отмечалось выше, большинство проектов и предложений по преобразованию епархиальных женских училищ, исходивших от местных советов, были идентичными. В особенности сходство наблюдается в вопросах подчинения центральной духовной власти, пенсионного обеспечения и совершенствования учебной программы. Идеи преобразований епархиальных женских училищ соответствовали и общим идеологическим направлениям реформы духовной школы, где в первом случае предполагалось частное реформирование духовной школы – изменения в составе учебных предметов⁴, во втором коренные изменения касались произведения полной идентификации епархиальных женских училищ со светскими женскими учебными заведениями в интересах сближения и объединения духовенства со светским обществом⁵. Или вообще ставили вопрос об упразднении сословного характера

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 57В. Л. 185.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 57В. Л. 186.

³ Там же. Л. 186 об.

⁴ Тихомиров Д.И. О реформе духовной школы. СПб., 1905. С. 14.

⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 57В. Л. 180.

епархиальных женских училищ¹. Составленные епархиями проекты устава епархиальных женских училищ не нашли одобрения в Святейшем Синоде. На основании предложений с мест Учебный комитет Святейшего Синода составил проект соответствующих изменений в учебной, воспитательной и хозяйственных частях жизни училищ. Но его положения были подвержены критике в Святейшем Синоде. Согласно Определению Святейшего Синода от 22 марта 1907 г. под №7531, в выше начальствующих кругах признавалось, что епархиальные женские училища успешно справлялись с поставленными задачами в деле образования дочерей духовенства и подготовке педагогических кадров для народных школ. Признавая необходимость совершенствования учебного курса (общеобразовательного и социально-педагогического), отрицалась идея идентификации епархиальных училищ с женскими гимназиями. Это было обосновано, поскольку и женские гимназии Министерства народного просвещения требовали осуществления реформ, так же, как и Мариинские гимназии. Также отрицалась и идея реформирования епархиальных женских училищ с целью непрерывности и преемственности профессионального образования. Поступление воспитанниц в высшие учебные заведения признавалось второстепенной задачей².

Отметим, что циркуляром Главноуправляющего ВУИМ от 30-го сентября 1908 г. за № 59 на местах созывались педагогические советы по обсуждению вопросов реформы учебных планов и программ женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии. Астраханский педагогический совет состоялся 20 и 22 ноября 1908 г., по мнению участников, учителей и законоучителей, программу предмета «Закон Божий» необходимо было модернизировать в нескольких направлениях. В основу преподавания Закона Божьего в младших классах выстроить вокруг развития религиозных чувств и привития навыков благочестия по учению православной церкви. В старших классах предмет должен был укреплять в сознании учениц веру и способствовать

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 57В. Л. 174.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 57. Ч. 1. Л. 65.

любви к православной церкви. Для достижения поставленных целей педагогическим советом было предложено ввести в 7-ом классе изучение всех общеупотребляемых молитв с объяснением законоучителя, а также краткий курс Нового Завета. При этом признавалось необходимым распределить изучение тропарей между тремя младшими классами, само изучение приурочить к православным праздникам. Инициаторы предлагали и расширение программы Православного Катехизиса и Церковной истории за счёт введения тем по сравнительному богословию. В старших классах предполагали усилить объяснительное чтение Евангелия, как в целях личного уяснения, так и для сопоставления православного вероучения с течениями христианства и иными конфессиями¹. Поэтому реформирование Устава епархиальных женских училищ, порученное Учебному комитету, должно было осуществляться в сложившейся традиции образования дочерей духовенства, не принимая нововведения и учебные программы светской женской школы. Было принято решение о выработке общих положений и учебных программ для 7-х педагогических классов на основе компиляции положений и программ, уже действовавших в некоторых епархиальных женских училищах². В административной части изменения касались: увеличения количества избираемых из духовенства членов в совет училища (до трёх чел.); все преподаватели и учительницы допускались к участию в заседаниях советов училищ с правом голоса при обсуждении вопросов по учебно-воспитательной части; воспитательницы получали право на постоянное участие в заседаниях совета училища и решающий голос в вопросах их непосредственной компетенции и совещательный голос в иных вопросах; старшая воспитательница наделялась решающим голосом по делам всех классов и допускалась к участию в заседаниях совета училища при обсуждении вопросов административного и хозяйственного характера; при необходимости в заседаниях совета училища мог принимать участие врач с правом голоса в рамках его компетенций; при комплектовании должности училищного врача

¹ ГААО. Ф. 650. Оп. 1. Д. 2. Л. 88–89.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 57. Ч. 1. Л. 65 об.

признавалось желательным отдавать предпочтение врачам-женщинам; епархиальным преосвященным во время епархиальных съездов разрешалось организовывать совещания уполномоченных съездом депутатов с советом училища для решения вопросов материального обеспечения училища; Хозяйственное управление при Святейшем Синоде выработало штат для епархиальных женских училищ; выведен на дискуссию вопрос о предоставлении служащим в епархиальных женских училищ служебных и пенсионных прав¹. Эти требования, так или иначе, нашли своё отражение в определениях Святейшего Синода, регулирующих вопросы правового положения преподавателей и служащих². Широко обсуждаемая тема преобразований нашла своё решение в опубликованном Определении Святейшего Синода от 23 августа – 5 сентября 1907 г. за № 5077³. По итогам реформы не было принято нового устава. Остался прежним и образовательный курс. В большей степени была преобразована учебная программа. Были введены новые предметы, изменено распределение учебных часов, увеличена учебная нагрузка. Было утверждено положение о 7-м педагогическом классе, который по-прежнему был необязательным. Данные преобразования рекомендовалось вводить постепенно⁴.

Оценивая результат реформы, можно констатировать, что она не решила поставленных временем задач. Модель женского образования для детей духовенства была по-прежнему консервативной. Реформа не уравнила в возможностях и правах воспитанниц епархиальных женских училищ с выпускницами

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 57. Ч. 1. Л. 66.

² Определение Святейшего Синода от 17 ноября – 12 января 1905 г. О допущении всех преподавателей к участию в заседаниях совета с правом голоса при обсуждении учебно-воспитательных вопросов, но без права участвовать в управлении училищем; Определение Святейшего Синода от 12–23 января за № 77. О допущении на должности учительниц только тех лиц, которые окончили высшие и средние учебные заведения и получили звание наставницы или учительницы; Определение Святейшего Синода от 3–9 июня 1905 г. за № 2795. О допущении начальниц на заседания советов с правом совещательного голоса; Определение Святейшего Синода от 22 декабря – 8 января 1906 г. О льготах начальниц.

³ Определение Святейшего Синода от 23 августа – 5 сентября 1907 г. // ЦВ. 1907. № 36. С. 324

⁴ Определение Святейшего Синода от 27 октября – 7 ноября за № 6900. О постепенном введении новых учебных программ // ЦВ. 1907. № 46. С. 404.

светской школы. Женская духовная школа сохраняла свою сословность и фактическую замкнутость. Оправдала ли реформа ожидания? Российская общественность и само духовенство были разочарованы неоправданным масштабом работы, налицо была имитация реформы в условиях революционного времени. На страницах газет развернулась реакция. Причиной такой неудачи был неповоротливый бюрократический аппарат в лице Святейшего Синода, который не умел принимать смелых решений¹. К тому же консерватизм как основа государственного правления становился только сильнее, не позволяя проводить какие-либо преобразования, эволюционировать нормам жизни, «размывать» сословность².

Поиски улучшения жизни епархиальных училищ продолжались и в последующие годы. В 1910 г. были обнародованы малочисленные, но значимые определения Святейшего Синода. В частности, по Определению от 23 сентября – 6 октября 1910 г. за № 531, разрешалось освобождать от платы за обучение детей преподавателей пения духовно-учебных заведений, а также регентов городских и сельских церквей³, что закладывало традиции корпоративной материальной поддержки. Определение от 13–16 сентября за № 6951 «О правилах для образцовых школ при духовно-учебных заведениях» привело существование образцовых школ к единообразию и стандартизации. В 1911 г. ратифицированные определения о порядке проведения вступительных испытаний⁴ и порядке преподавания дидактики⁵ устраняли возникновение проблемных ситуаций в учебно-воспитательном процессе. Важным в отношении финансового обеспечения стало и Определение Святейшего Синода о повышении окладов учительницам образцовых школ при епархиальных женских училищах, до этого момента притеснённых в праве на достойное содержание.

¹ Попова О.Д. Указ. соч. С. 276.

² Там же. С. 277.

³ Андреева Е.А. Возникновение и развитие епархиальных женских училищ в России, середина XIX – начало XX века: дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. С. 182.

⁴ Определение СС от 22 января – 8 февраля за № 531 о разрешении советам проводить приемные экзамены не только по окончании летних каникул, но и перед ними.

⁵ Определение СС от 13–16 сентября 1911 г. за № 6951 о порядке преподавания дидактики.

Новый виток реформирования епархиальных женских училищ пришёлся на 1912–1917 гг., происходил он в новых правовых условиях, в рамках действия нового законодательного органа – Государственной думы и созданной при ней специальной Комиссии по делам православной церкви. На заседаниях Государственной думы обсуждались законопроекты по различным проблемам церковной жизни. Справедливо можно отметить, что проблема духовного образования занимала важное место, вызывая множество споров и дискуссий. Не вдаваясь в перипетии официальных и кулуарных обсуждений, отметим важнейшие аспекты попыток преобразований.

Первым шагом стало заседание 16 января 1912 г. Учебного комитета по вопросу снижения напряжённости в системе женского духовных учебных заведениях. В повестке проблемных задач были вопросы разграничения обязанностей членом совета училища, определение образовательных цензов, расширение курса обучения до семи обязательных классов, пересмотр и обновление Устава епархиальных женских училищ (вопросы иерархии подчинения и правового статуса выпускниц). В начале 1912 г. Государственной думой был проигнорирован законопроект о предоставлении некоторых прав преподавателям епархиальных женских училищ. Важнейший вопрос с самого начала истории епархиальных училищ оставался нерешённым. Весной 1913 г. в Государственную думу был направлен законопроект «О представлении женским епархиальным училищам и училищам духовного ведомства некоторых прав и об ассигновании из Государственного казначейства ежегодного пособия на содержание 7-го и 8-го педагогических классов женских училищ духовного ведомства»¹. По мнению О.Д. Поповой, этот перспективный документ подразумевал ликвидацию ярко выраженной социальной иерархии в системе женского среднего образования путём уравнивания прав на образование девушек всех социальных категорий². Но по-прежнему в системе женских духовно-учебных заведений сохраняли привилегированные позиции училища девиц духовного

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1911). Д. 80. Л. 2–18.

² Попова О.Д. Указ. соч. С. 287.

звания. В 1914 г. Учебный комитет при Святейшем Синоде приступил к пересмотру Устава епархиальных женских училищ, была создана особая комиссия под председательством члена государственного Совета протоиерея Т.И. Буткевича¹.

Как и прежде, Учебный комитет обратился к «мнениям с мест» для осуществления необходимых преобразований. Так, в 1914 г. Совет Саратовского Иоанникиевского епархиального женского училища направил в Святейший Синод проект преобразования епархиальных женских училищ. Проектируемые изменения касались упорядочивания и администрирования учебно-воспитательной деятельности, а именно, предполагалось создание преподавательских кафедр с первичной апробацией их деятельности в стенах Саратовского епархиального женского училища, где действовали бы восемь кафедр². Отдельные кафедры подразумевалось учреждать при условии присвоения преподавателям таких же окладов (со всеми пятилетними прибавками, пенсионными правами и другими привилегиями), какими в уже пользовались преподающие в мужских духовных училищах³.

В реалии устав 1868 г. оставался фундаментом, предлагалось лишь расширить учебный курс, сделать обязательным 7-е педагогические классы и открывать при училищах 8-е дополнительные классы (с целью обеспечения воспитанниц правом на высшее образование), открыть полный доступ к духовным женским образовательным учреждениям всем сословиям. По проекту решался вопрос пенсионного обеспечения, все служащие по учебно-воспитательной части в епархиальных женских училищах получали право пенсионного содержания по правилам службы в духовно-учебных заведениях ведомства православного исповедания⁴. По проекту планировалось существенно изменить правовой статус выпускниц. При окончании шести классов девушек выпускали бы со званием «учительница начальных училищ»; по окончанию

¹ Попова О.Д. Указ. соч. С. 288.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 87В. Л. 183.

³ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 57В. Л. 183.

⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1917). Д. 80. Л. 100.

восьмого класса ученицы, имевшие средний балл 4 и выше по общеобразовательным предметам, получали звание «домашняя наставница», прочие – «домашняя учительница»¹. Закон должен был вступить в силу 1 января 1917 г. Но эти благородные идеи так и не нашли своего воплощения, затерявшись в бюрократической суеде дореволюционной России, уже поглощаемой всеобщим политическим кризисом и началом Первой мировой войны, церковные вопросы в Государственной думе оставались на задворках.

Что касается начального женского образования, то церковно-приходские школы нуждались в правом закреплении своего положения, которое было осуществлено в 1880-е гг. Летом 1884 г. ратифицированы «Правила о церковно-приходских школах» и «Правила для образцовых начальных школ при духовных семинариях» (эти правила распространялись и на епархиальные женские училища). Ратифицированы определения², циркулярные распоряжения³ и указы Синода⁴ по устройству церковно-приходских школ, также программы учебных предметов для церковно-приходских школ⁵. Эти нормативно-правовые акты систематизировали различные области образовательной

¹ Попова О.Д. Епархиалки и российское общество рубежа XX–XXI веков... С. 288.

² Определение СС от 25-го апреля – 11 июня 1886 г. за № 885 о разрешении производить при богослужении по всем церквям епархии постоянный кружечный сбор пожертвований в пользу церковно-приходских школ; Определение СС от 24 августа – 3 сентября 1887 г. за № 138 об ассигновании кредитов на трёхлетие с 1887 г. по сметам земских повинностей в пособие церковно-приходским школам; Определение СС. от 5-го – 19-го февраля 1886 г., за № 293, о дополнении существенных правил относительно замещения законоучительских должностей и наблюдения за преподаванием закона Божия // СЕВ. 1886. № 6. Отд. офиц. С. 175–178.

³ Циркулярное по Епархиальным Училищным Советам распоряжение Училищного совета при Святейшем Синоде от 12 июня 1887 г. за № 245 о порядке расходования сумм, ассигнуемых Святейшим Синодом на пособия церковно-приходским школам, и Отчётности в них.

⁴ Указ СС от 23 декабря 1886 г. за № 23 о предоставлении Епархиальным преосвященным права утверждать в звании попечителей церковно-приходских школ таких лиц, которые оказывают тем школам существенную материальную поддержку и содействие их благоустройству; Указ СС от 2 июня 1887 г. за № 10 об установлении порядка епархиальных годовых Отчётов о состоянии церковно-приходских школ.

⁵ Тихомиров Д.И. Сборник правил и программ для церковно-приходских школ, с относящимися к ним определениями Святейшего Синода. Могилёв-на-Днепре, 1887. С. 42–92.

деятельности церковно-приходских школ. Упорядочивали учебно-воспитательную часть, вопросы управления, материального и льготного обеспечения. Принятие нормативного комплекса стимулировало рост церковно-приходских школ, повышало их статус среди других образовательных учреждений. Динамика развития церковноприходских школ, а также гендерная статистика отражена в таблице 1 «Статистические данные о церковно-приходских школах в 1870–1889 гг.» (см. приложение)¹. По данным таблицы 1 (см. Приложение) видно, что после принятия нормативно-правового комплекса количество церковно-приходских школ возрастало с каждым годом, среди обучающихся увеличивалось и количество учеников женского пола, что благотворно влияло на распространение грамотности среди населения и развитие начального женского образования. Созданные образовательные условия позволили выпускницам церковно-приходских школ продолжать обучение в средних женских учебных заведениях, в том числе в епархиальных женских училищах.

Сформированные правовые основы в 1860–1880-е гг. постепенно развивали начальное народное образование и идеи всеобщего обучения. В конце XIX в. всеобщее обучение стало первостепенной задачей просвещения в Российской империи. В 1890-е гг. был обнародован ряд законоположений, регламентировавших быстро развивающееся начальное образование. В частности, 31 мая 1899 г. было утверждено мнение Государственного совета о низших ремесленных училищах, 12 июня 1890 г. ратифицировано обновленное «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», 11 июня 1892 г. – городские положения. 20 марта 1896 г. вступили в силу «Правила для специальных испытаний на звание учителя и учительницы начальных училищ», которые предоставляли возможность социального и профессионального роста выпускниц средних учебных заведений, в том числе епархиальных женских училищ. В феврале 1897 г. были обновлены программы предметов для народных

¹ Преображенский И. Указ. соч. С. 101.

училищ МНП¹. В отношении церковно-приходских школ были приняты «Правила о школах грамоты» (от 4 мая 1891 г.), «Положение об управлении школами церковно-приходскими и грамоты» (26 февраля 1899 г.), «Инструкция епархиальному наблюдателю церковно-приходских и школ грамоты»². Помимо этих первостепенных нормативно-правовых актов, Святейший Синод в период с 1890–1903 гг. ратифицировал в общей сумме более 200 определений, циркуляров, указав, правил, разъяснительных постановлений. Они регулировали вопросы, касающиеся личного состава епархиальных училищных советов и уездных отделений; вопросы порядка рассмотрения и утверждения религиозно-нравственной и учебной литературы для церковно-приходских школ; вопросы финансового обеспечения и взаимодействие по этому поводу с Государственным казначейством. Отдельные группы законодательных актов касались церковно-приходских школ и школ грамоты, церковно-учительских школ и второклассных школ, образцовых школ при епархиальных женских училищах. Особое место занимали акты, регламентирующие преподавание сельского хозяйства в церковных школах. В числе фундаментальных были правила, регулирующие производство испытаний на звание учителя или учительниц церковно-приходских школ; льгот на проезд по железным дорогам для учащихся церковно-приходских школ; правила, регламентирующие порядок отчётности о деятельности и состоянии церковно-приходских школ; правила и уставы попечительств, братств и других благотворительных учреждений. Отдельная группа НПА касалась награждения и поощрения духовенства, трудящегося на поприще церковных школ³.

Такой объём правовой базы свидетельствует о том, что православная церковь становилась ведущим субъектом образовательной политики, на что, несо-

¹ Дорофеева А.А. Особенности духовного образования и воспитания... С. 33.

² Инструкция епархиальному наблюдателю церковно-приходских и школ грамоты // Подольские епархиальные ведомости. 1897. № 4. С. 34–46.

³ Федотов О. Сборник узаконений и распоряжений о церковных школах Ведомства православного исповедания. СПб., 1907. С. 1–18.

менно, оказала огромное влияние личность обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, пребывавшего в должности 26 лет. Консервативно настроенный лидер Святейшего Синода был убеждён, что лишь православная вера способна давать целостную истину. Поэтому в период его деятельности происходит расцвет церковных школ, вся система духовного образования становилась механизмом обеспечения церковно-приходских школ¹. Именно с этого периода можно утверждать, что церковно-приходские школы давали начальные основы религиозного образования, а освоение грамоты было лишь инструментом на этом пути.

В 1890–1900 гг. МНП вырабатывало проект «Основных положений по вопросу о введении всеобщего обучения», по которым признавалась необходимость открытия училищ соизмеримо числу детского населения. Решение вопроса об обязательности начального образования оставалось прерогативой местных органов управления. Министерство народного просвещения, по проектируемым положениям, возлагало на себя финансовую ответственность за реализацию всеобщего обучения в открываемых школах². Для составления общей сметы финансирования местным органам было предложено составить финансовые планы, за основу формирования которых были взяты данные первой переписи населения Российской империи. В этот период на территории Нижнего Поволжья, согласно переписи, показатели начального образования были следующими. В Саратовской губернии средний процент грамотного населения был лучше общероссийских показателей (22,9% по губерниям европейской России, 21,1% – по стране). По Казанскому учебному округу Саратовская губерния занимала первое место и 17 место – по Российской империи. 36,2% составляло грамотное население Царицынского уезда, что было лучшим показателем по Саратовской губернии³. На момент переписи населения, в 1898–

¹ Преображенский И. Указ. соч. СПб., 1897. С. 83.

² Записка по вопросу о всеобщем начальном обучении, с приложением сведений о начальном образовании в России за 1903 год... СПб., 1906. С. 126–128.

³ I Всероссийская перепись населения Российской империи. Саратовская губерния. СПб., 1913. Т. 38. С. 1, 22.

1899 учебном году, в церковно-приходских школах Царицынского уезда обучались 472 девочки, окончили курс начального училища – 21, курс школ грамоты – 19 девушек¹. В Астраханской губернии степень грамотности населения была удовлетворительной. Число грамотных (старше 10-ти лет) представлено в таблице 2 (см. приложение). По данным таблицы заметно, что в большей степени грамотность была развита в городах и хуже всего – в степях. Среди женщин грамотных в городах было в три раза больше, чем мужчин. В степях женская грамотность уступала в четыре раза. Грамотность была сильнее развита у «великорусских» народов, из которых 36,47% приходилось на женщин. Слабее всего у калмыков: грамотные женщины составляли 0,22%. Степень развития грамотности детей и подростков была представлена следующими показателями. В возрасте 4–9 лет грамотой владели 5,16% мальчиков и 2,98% девочек. В возрасте 10–19 лет: мальчиков – 31,71%, девочек – 15,55%². Эти данные иллюстрируют тот факт, что среди женщин грамотность была слабее, чем у мужчин, хотя наблюдалась позитивная динамика с возрастом. В церковных школах в 1897 г. период обучались 1 889 девочек³ при 169 церковно-приходских школах, тогда как в 1881–1882 учебном году церковно-приходских школ было 46, в которых обучались 144 девочки⁴. В начальных училищах Министерства народного просвещения в 1881–1882 учебном году было 444 ученицы, в 1897 г. – 2 741 девочка⁵. Данные переписи населения только Нижнего Поволжья демонстрируют актуальность для того времени введения всеобщего обучения. Это, в свою очередь, требовало дальнейшего законодательного совершенствования начального образования.

¹ Журналы XXXIII Царицынского очередного уездного земского собрания 1898 г. Царицын, 1899. С. 291–292.

² I Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 2: Астраханская губерния. С. 6–9.

³ Статистический обзор Астраханской губернии за 1897 г. Астрахань, 1899. С. 125.

⁴ Статистический обзор Астраханской губернии за 1897 г. Астрахань, 1897. С. 124–125.

⁵ Там же. С. 125.

В 1902 г. было утверждено новое «Положение о церковных школах ведомства Православного исповедания и штаты второклассных, церковно-учительских школ». Штаты мужских учительских школ применялись и к женским. Важно отметить, что учителя учительских школ обладали правами и преимуществами служащих в Министерстве народного просвещения, но были лишены их прав на пенсионное обеспечение. В 1890–1903 гг. была сформирована полная концепция церковно-школьного дела с учётом центрального регулирования всего его управления. Пик роста церковно-приходских школ пришёлся на начало 1903 г., тогда в Российской империи действовала 44 421 церковно-приходская школа, что составляло половину от всех начальных образовательных учреждений. При этом общая картина нормативно-правового развития в 1890–1905 гг. демонстрирует снижение темпов правотворчества при возрастающих образовательных потребностях, общей трансформации социально-политических условий и углубляющегося кризисного состояния духовного образования. В спектре проблем духовного образования оказались вопросы правового положения законоучителей, учителей и иных служащих церковно-приходских школ. Данные обстоятельства усугубили русско-японская война и первая русская революция. Всё это стало ярким свидетельством внутривнутриполитического кризиса, неспособности верховной власти подняться над гражданским пониманием самодержавия и его традиционных основ, в том числе и опоры самодержавия – православной веры, догматы которой оставались незыблемыми¹.

С 1904 г. Ведомство православного исповедания стало уступать свои позиции в деле народного образования, количество церковно-приходских школ стало снижаться (на 1905 г. они составляли 46,5%). Православная церковь не смогла преодолеть устоявшиеся паттерны в представлениях об образовательном и воспитательных процессах, сильно зависимых от государства, церковь

¹ Крутицкая Е.В. Церковно-приходские школы России в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 22.

была поглощена внутренним кризисом, начала терять контроль над обществом. Попытки реформирования духовного образования к 1904 г., в связи с военными и внутривластными событиями, были отодвинуты на второй план. Принятый 17 (30) апреля 1905 г. Указ императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» был воспринят либерально настроенной частью педагогического и профессионального сообщества как дарующий право на свободу совести¹ и дал основание для поднятия вопроса о единой системе начального образования под контролем одного ведомства – Министерства народного просвещения. В надежде договориться с общественными институтами П.А. Столыпин создал законопроект школьной реформы², по которому основная обязанность по открытию училищ была возложена на земства и городские самоуправления.

Государственная дума второго созыва (сессия 20 февраля – 3 июня 1907 г.) определила главные решения обсуждений данного вопроса: главная роль в развитии начального народного образования должна принадлежать земству и городам, а не духовенству. В период работы Государственной думы третьего созыва проблема организации и введения всеобщего образования достигла апогея. Это подтверждают накал прений, формирование коалиций. Трудовики, социал-демократы, кадеты и прогрессисты считали предлагаемые Думе проекты антидемократическими. Большевики были убеждены, что проекты направлены на укрепление православия и самодержавия посредством воспитания и образования детей. Октябристы настаивали на передаче народных училищ в руки Министерства народного просвещения. Правые заняли сторону интересов церкви, поддержанию её авторитета³. Как отмечает А. Трошин, в стенографических отчетах по прениям о «Положении о начальных училищах» количество страниц составило 1 863, из 130 статей шесть касались

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 186. Д. 2168. Л. 42.

² Крутицкая Е.В. Церковно-приходские школы России в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 110.

³ Трошин А. Отношение к церковным народным школам Государственной думы третьего созыва. СПб., 1913. С. 2.

церковно-приходских школ (509 ст.), которые затратили 1/3 всего времени прений. Проект положения (1907 г.) предполагал передачу церковно-приходских школ Министерству народного просвещения (отдел XIV законопроекта). Естественно, развернувшаяся критика этого положения в среде духовенства, которое осознавало коренную структурную «революцию» в церковно-школьном образовании, что в результате её постепенного обезличивания в системе начального образования останется лишь светский тип школы. Защитники церковно-приходских школ, отстаивали позицию незыблемости положения Церкви в государственном строе Российской империи, где церковь находилась под особой защитой монарха, где состоит самостоятельным ведомством и по Основному закону Российской империи (ст. 64) является хранителем веры и правоверия. Такая позиция не могла не встретить сочувствия и понимания у царского правительства. Государственная система, идеологически построенная на религии, и, в частности, самодержавие, не могла поставить под угрозу контроль над политическим направлением школы. Поэтому в 1909 г. Министерством народного просвещения в Государственную думу был внесён новый законопроект, в котором церковно-приходские школы сохраняли свою принадлежность к Святейшему Синоду. Однако изменилась позиция школьной политики по отношению к Церкви. Манипуляторным рычагом стал вопрос финансирования, как отмечал епископ Митрофан, церковную школу пытались взять измором¹. Это выражение ярко описывает сложившуюся ситуацию с Представлением обер-прокурора Синода (№ 6697 от 12 сентября 1908 г.) об ассигновании на жалование учителей церковно-приходских школ 10 135 600 млн р., рассмотрение которого завершилось только 19 июня 1909 г.² По решению Совета министров церковно-приходским школам был выделен только 1 млн руб.³ При этом Министерство народного просвещения

¹ Трошин А. Указ. соч. С. 2.

² РГИА. Ф. 565. Оп. 9. РХХ отделение/1 стол. Д. 31794. Л. 43–44.

³ Там же. Л. 44 об.

неофициально получало приоритет в вопросе финансирования, подобное прошение было удовлетворено 8 мая 1908 г.

В 1907–1916 гг. Святейшим Синодом проводилась политика по улучшению качества образования в церковно-приходских школах. Были утверждены правила для советов церковно-учительских школ по заведыванию денежной и хозяйственной частями школ, порядок производства переводных и выпускных испытаний в церковно-учительских школах, руководственные указания относительно применения программ для второклассных и других церковных школ¹, определения, регулирующие разные вопросы, в том числе касающихся заработной платы и обучения неправославных детей. Важными были правила назначения законоучителей в начальные и инородческие училища Министерства народного просвещения. Завершающим актом, изменявшим церковно-приходское образование, явились новые образовательные программы, принятые Святейшим Синодом в 1916 г. и соответствующие требованиям времени². В период Первой мировой войны вопросы реформирования народного образования перестали быть актуальными. В свою очередь, церковно-приходские

¹ Федотов О. Сборник узаконений и распоряжений о церковных школах Ведомства православного исповедания. СПб., 1907. С. 1–18.

² Положение о стипендиях имени статс-секретаря К.П. Победоносцева учащимся церковных школ // Узаконения и распоряжения (за 1907 г.)... С. 4, 12; Определение Св. Синода от 16–23 октября 1910 г. за № 8687 об утверждении правил для образцовых школ: а) при духовной семинарии, б) при епархиальном женском училище и в) при женском училище духовного ведомства // Узаконения и распоряжения (за 1910 г.)... С. 61–71; Определение Св. Синода от 13 февраля – 10 марта 1910 г. за № 1206 о введении в одноклассных церковно-приходских школах четырёхгодичного курса обучения // Узаконения и распоряжения (за 1910 г.)... С. 71–72; Циркулярный указ Св. Синода от 31 августа 1910 г. за № 27 о привлечении диаконов к учительству и законоучительству в начальных школах // Узаконения и распоряжения (за 1910 г.)... С. 79–85; Циркулярный указ Св. Синода от 23 апреля 1910 г. за № 12 по вопросу об обложении монастырей, пустыней и общин ежегодным взносом на церковно-школьные нужды // Узаконения и распоряжения (за 1910 г.)... С. 85–87; Примерные программы и объяснительная записка по Закону Божию, изданные по распоряжению Министерства Народного Просвещения [Материалы по реформе средней школы] // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1916. № 5. С. 3–4; О дополнительных курсах для взрослого населения. Программа по Закону Божию [Особая программа двухгодичных курсов по Закону Божию, разработанная Харьковским губернским земством при участии школьно-педагогического комитета Харьковского общества грамотности] // Народный учитель. 1912. № 29. С. 6–7.

школы осуществляли патриотическую деятельность, организовывали мероприятия по сбору пожертвований на военные расходы, заботились о беженцах.

В дальнейшем, до 1917 г., церковно-приходские школы существовали без изменений статуса. Постановление Временного правительства «О передаче всех начальных учебных заведений разных ведомств в ведение Министерства народного просвещения» (10 июня 1917 г.) ликвидировало не только автономность церковно-приходских школ, но и спровоцировало регресс духовного образования, падение и без того пошатнувшегося авторитета церкви в народе. Становится очевидным, почему в реалиях Октябрьской революции совершенствование начального обучения рассматривалось в противоположной плоскости развития государства. Фактическая ликвидация церковно-приходских школ была утверждена декретом Совнаркома «О свободе совести, церковных и религиозных обществах»¹. С этого момента духовное образование, как начальное, так, фактически, и среднее, было запрещено во всех государственных образовательных учреждениях.

Изучение вопросов развития государственно-церковных отношений в сфере женского образования напрямую связано с рассмотрением проблем оформления правового пространства образования. В свою очередь, созданию и оформлению образовательного права сопутствовали процесс его упорядочивания и систематизации. Систематизация узаконений в сфере женского образования была в русле правовых тенденций XIX в., когда активно использовали уставы, под которыми, как отмечает историк П.И. Числов, подразумевалась совокупность правил, касающихся какой-либо части административного или какой-либо части отрасли материального права².

Все нормативно-правовые акты в сфере образования можно классифицировать на две группы: учредительные (акты, указы, постановления, утвер-

¹ Крутицкая Е.В. Церковно-приходские школы России в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 123.

² Числов П.И. История русского права московского и петербургского периодов. М., 1902. С. 130–136.

дительные грамоты) и регламентирующие (уставы, правила). В сфере женского образования законодательные акты представляли собой систему, состоящую из определений Святейшего Синода, высочайших повелений, указов, постановлений, распоряжений, уставов, правил, инструкций и положений. Деятельность женских духовно-учебных заведений регулировали законодательные акты, ратифицированные несколькими высшими государственными органами (Министерством народного просвещения, Святейшим Синодом), императором Российской империи, а также местными духовными консисториями и епархиальными архиереями.

Нормативно-правовое оформление женского образования неразрывно связано со становлением и развитием специальных учебных заведений для детей духовенства, а также развитием церковно-приходских школ, совершенствованием предмета «Закон Божий».

Динамика правотворчества женского образования в данном случае выражена тремя этапами. Первый (1800–1860-е гг.) – период складывания системы женских учебных заведений, утверждение первых уставов; поиск специфического направления женского духовного образования, нашедшее своё отражение в многообразии учебных программ, реализуемых на местах. Второй период (1868–1895 гг.) характеризуется законодательным оформлением средних женских учебных заведений нового типа (епархиальные женские училища), ратификацией единого устава, единых учебных планов и программ, попыткам организации практико-ориентированного (создание образцовых школ) образования. Третий период (1895–1907 гг.) ознаменован введением новых стандартизированных учебных программ, апробацией дополнительных педагогических классов. Одновременно с этим связан с общим кризисом духовного образования и первыми попытками его преодоления. Четвёртый период (1907–1917 гг.) отмечен в истории женского образования расширением и углублением содержания учебного курса. Намеченные перспективные проекты преобразований женских духовно-учебных учреждений в этот период так и не были воплощены ввиду социально-политической трансформации.

2. РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ПРАКТИКЕ ЖЕНСКИХ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

2.1. Структура управления процессами образования и воспитания в женских духовно-учебных заведениях Нижнего Поволжья в конце XIX – начале XX в.

Складывание структуры управления происходило постепенно, по мере развития системы женских учебных заведений, церковно-приходских школ и народных училищ. Как нами уже отмечалось в первых параграфах, изначально монополия на образование принадлежала Святейшему Синоду, который прямо и косвенно влиял на организацию деятельности учебных заведений разного типа, определяя духовный компонент образования.

Тенденции монополизации начального школьного образования в особенности очевидны в 1880-х гг. и связаны с общим характером внутренней политики Александра III и деятельностью обер-прокуроров Синода – Д.А. Толстого и К.П. Победоносцева. Конкуренция двух ведомств, Министерства народного просвещения и Святейшего Синода, в области образовательной политики проходила разные стадии, от явной конфронтации до латентных конфликтов. Так, Министерство народного просвещения предпринимало попытки к организации общего контроля над церковными школами в 1887–1889, 1892–1895, 1905–1907 и 1909–1911 гг., но попытки оказались безрезультатными¹. Априори руководящая функция в сфере духовного образования принадлежала Святейшему Синоду, но это не исключало косвенного участия в деле духовного образования и воспитания светских структур. Особенно это

¹ Арчебасова Н.А. Начальное народное образование в Царицынском уезде Саратовской губернии в 1861–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2000. С. 81.

касается Министерства народного просвещения. Так как чёткой вертикальностью власти в вопросе образования обладали Святейший Синод и Министерство народного просвещения, многоаспектно проиллюстрировать этот вопрос можно на примере этих ведомств. Иные министерства и ведомства в вопросах организации деятельности образовательных учреждений, находившихся в их ведении, реализовывали духовный компонент образования согласно выработанным стратегиям Святейшего Синода, по разработанным программам Министерства народного просвещения. В данном параграфе мы предлагаем рассмотреть аппарат управления духовным образованием и воспитанием конца XIX – начала XX в. на примере Нижнего Поволжья (см. схему в Приложении)¹.

Святейший Синод в 1865–1867 гг. официально руководил всеми школами; церковно-приходскими – с 1862 г. В его ведении с 1862 г. состояли училища девиц духовного звания (переименованные в 1874 г. в женские училища духовного ведомства), епархиальные женские училища. При Святейшем Синоде с 1867 г. действовал Учебный комитет – вспомогательное структурное подразделение, в ведение которого входили вопросы организации учебно-воспитательного процесса в средних и высших учебных заведениях. Среди функций учебного комитета было и руководство хозяйственной, административной жизнью епархиальных женских училищ, надзор за их деятельностью. В отношении светских женских учебных заведений Учебный комитет рассматривал книги духовного содержания, рассматривал и отдавал на утверждение Синоду программы предмета «Закон Божий»².

В учебном комитете действовал справочно-статистический комитет, который занимался сбором и разработкой справочно-статистических сведений о

¹ Благодоров М. Указ. соч. С. 67–124; Арчевасова Н. А. Начальное народное образование в Царицынском уезде Саратовской губернии в 1861–1914 гг. ... С. 76–78; Кропоткина И.Е. Казанский учебный округ в конце XIX – начале XX в. М., 2011. С. 77; Устав епархиальных женских училищ, дополненный 1. Указами и определениями св. Синода, относящимися к епархиальным женским училищам... URL: <https://www.prlib.ru/item/459906/> (дата обращения: 28.08.2021).

² Глубоковский Н.Н. По вопросам духовной школы средней и высшей и об учебном комитете при Святейшем Синоде. СПб., 1907. С. 94–148; Православная богословская энциклопедия, или Богословский энциклопедический словарь. Пг, 1911. Т. 12. С. 290–295.

личном составе служащих учебных заведений духовного ведомства; сбором и разработкой справочно-статистических данных об учащих духовно-учебных заведениях (состав, образовательные успехи, поведение, содержание, здоровье, профессиональное определение); составлял предметные и алфавитные указатели учебников, учебных пособий, книг для чтения; также занимался сбором данных по материальному обеспечению и финансовому содержанию учебных заведений духовного ведомства¹.

Однако несмотря на широкий круг полномочий в отношении учебных заведений, большая административная ответственность за состояние среднего женские духовно-учебные учреждения и непосредственный контроль были возложены на епархиальных архиереев. Епархиальный архиерей решал вопросы, связанные с утверждением на должность всех служащих епархиального женского училища, рассматривал и утверждал дела по управлению училищем; имел право давать совету епархиального женского училища рекомендации и распоряжения в отношении реализации образовательного процесса; а также представлял в Синод отчёт о деятельности училища в учебно-воспитательном отношении². Таким образом, епархиальные женские училища находились в прямой зависимости от местной епархиальной власти. В период 1880–1917 гг. в Астраханской епархии сменилось 13 архиереев, в Саратовской – 9 архиереев, которые активно участвовали в деле духовного образования женщин, вне зависимости от подведомственности учреждения. Так, на торжественном акте открытия частной женской гимназии Н.С. Шавердовой в г. Астрахани присутствовали не только родители, преподаватели, государственные чиновники, но и сам архиерей. В речи священника-законоучителя гимназии отмечалось, что руководство гимназии поддерживало тесные и «тёплые» отношения с местным духовенством, совместно трудились в области организации образования и воспитания

¹ Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь. Пг, 1911. Т. 12. С. 296.

² Устав епархиальных женских училищ, дополненный 1. Указами и определениями св. Синода, относящимися к епархиальным женским училищам... URL: <https://www.prlib.ru/item/459906/> (дата обращения: 28.08.2021).

детей в духе православной веры и нравственности¹. Астраханские епископы часто совершали визиты и в Мариинскую женскую гимназию, как, например, 11 декабря 1897 г. её посетил преосвященный Сергей. Во время таких визитов епископы общались с ученицами, совместно совершали молебны. Ученицы подготавливали хоровые песни. Беседы епископы проводили не только с ученицами, но и с главными надзирательницами, обсуждая религиозно-нравственное воспитание в стенах учебного заведения, высказывали пожелания и рекомендации по поводу участия учениц в церковных богослужениях². Не принимая прямых декларативных мер по воздействию на образовательный процесс и религиозное воспитание в светских женских учебных заведениях, епископы косвенно и негласно сохраняли за собой «право контроля» за духовно-нравственным образованием, находясь вне «территории своей юрисдикции». Немаловажное значение в развитии епархиальных женских училищ оказывали епархиальные съезды духовенства, поскольку именно они решали вопросы финансового обеспечения училищ, осуществляли надзор за состоянием и деятельностью училища. Наблюдение за епархиальными женскими училищами осуществлялось посредством избрания в совет училища представителей духовенства³.

Непосредственное управление епархиальным женским училищем осуществлял совет училища, который состоял из двух представителей духовенства, начальницы училища и инспектора классов. Функциональными обязанностями совета училища являлось: составление инструкций для начальницы, инспектора, эконома, делопроизводителя и рассмотрение инструкций, составленных начальницей училища для воспитательниц. Совет осуществлял деятельность по работе с контингентом учениц (поступление, переводы из класса в класс, отчисление, шефство над сиротами), рассматривал документацию об

¹ Лебединский В. Речь при открытии в г. Астрахань женской гимназии Шавердовой // АЕВ. 1903. № 23. С. 1181.

² Посещение Преосвященным Сергием, Епископом Астраханским и Енотаевским женской Мариинской гимназии // АЕВ. 1897. № 1–2. С. 43–44.

³ Устав епархиальных женских училищ, дополненный 1. Указами и определениями св. Синода, относящимися к епархиальным женским училищам... URL: <https://www.prilib.ru/item/459906/> (дата обращения: 28.08.2021).

итогах и результатах учебно-воспитательной деятельности. Осуществлял мероприятия, связанные с реализацией учебно-воспитательной деятельности, методического сопровождения образовательного процесса. Также в ведении совета были вопросы обеспечения училища финансовыми средствами и материальным оснащением. Советы составляли ежегодные отчёты о деятельности училища и предоставляли их епархиальному архиерею¹. Ответственность за воспитательную часть, религиозно-нравственное воспитание была возложена на начальницу училища, надзор за учебным процессом был прерогативой законоучителя-инспектора классов².

Система управления образованием на начальной ступени была сложнее и бюрократично запутаннее. Государство «земским экспериментом» создало ситуацию «ведомственной лихорадки», когда одни административные единицы перекрывались другими. Так, С.А. Рачинский отмечал, что школьная деятельность земств заслуживает похвалы в количественном, но не качественном отношении. Руководство школами земствам было поручено в неудачный период крайнего шатания умов, в период бурного разлива противоцерковных идей, в период всеобщего увлечения популярными отголосками западного материализма и позитивизма, поэтому для земской системы управления школьным делом было свойственно непонимание церковного элемента в образовании³. П.Ф. Каптерев считал, что духовные школы по своему устройству и положению были идеальными, т. е. единственно правильными и истинными с точки зрения целеполагания религиозного компонента. По его мнению, церковные школы должны были служить примером и образцом в умственном и нравственном отношении светским школам. Образование в духовных и светских школах должно было в содержательном отношении стать идентичным, и разделяться только на духовное образование с преимущественно церковным характером и

¹ Устав епархиальных женских училищ, дополненный 1. Указами и определениями св. Синода, относящимися к епархиальным женским училищам... URL: <https://www.prlib.ru/item/459906/> (дата обращения: 28.08.2021).

² Там же.

³ Каптерев П.Ф. История русской педагогики. СПб., 2004. С. 458.

на духовное образование с преимущественно светским и мирским характером¹. Такая унификация содержания образования логическим образом подразумевала монополию Церкви в образовательной сфере. Однако государством был найден компромисс, о чём мы писали ранее. Руководство народным образованием было дифференцировано, но регламентация духовного компонента образования сосредоточилась в руках духовного ведомства.

Таким образом, к концу XIX в. сформировалась чётко вертикализируемая система управления начальным народным образованием. Управление церковно-приходскими школами, согласно «Правилам о церковно-приходских школах» (1884 г.), принадлежало училищному совету, созданному при Синоде специализированному ведомству. В его состав входили председатель, помощника председателя и четыре штатных члена, специализировавшихся на вопросах народного образования².

В круге обязанностей училищного совета было решение вопросов по введению в епархиях «Правил о церковно-приходских школах», пояснение проблемных ситуаций. В большинстве случаев это касалось программ преподавания, обеспечения учебно-методическими материалами, распределения пособий от Синода³. Приоритетным направлением работы училищного совета была правотворческая деятельность, связанная с разработкой программ, правил, инструкций для учебных заведений разного типа. Создание данного ведомства было тактическим решением стратегии государственной политики в области управления народным образованием, что позволяло формировать и совершенствовать не только церковно-приходские школы, но и духовный компонент образования народных школ.

В 1880–1890 гг. в целях усовершенствования организации деятельности церковно-приходских школ и повышения эффективности религиозно-нравственного образования/воспитания при училищном совете состав училищного

¹ Каптерев П.Ф. История русской педагогики. СПб., 2004. С. 458.

² Красницкая Т.А. Управленческая структура церковно-школьной образовательной системы... С. 88.

³ Там же.

совета был расширен специализированными отделами. Так, например, в 1887 г. при Синодальной канцелярии был учреждён склад книг и учебных руководств, который в 1891 г. стал складом при училищном совете. Книжный склад обеспечивал начальные учебные заведения книгами и пособиями, рассылал книги по епархиям и ведомствам. «Складской» отдел продемонстрировал эффективное решение многих задач духовного образования, в связи с чем был реорганизован в Издательскую комиссию. Данная комиссия осуществляла деятельность по изданию и продаже учебно-методической литературы, учебных пособий и книг для классного и домашнего чтения, адресованных всем типам образовательных учреждений начального образования¹. Обеспечение книгами церковно-приходских школ осуществлялось как за счёт Синода, так и за счёт закупок епархий². Положением 1896 г. был чётко регламентирован личный состав училищного совета, создан статистический комитет³.

Основной задачей статистического отдела было устранение ошибок и «тенденциозности церковно-школьной статистики», устранение проблем, связанных с несоответствием реального положения дел, тем обстоятельствам, которые публиковались на страницах прессы⁴. Очевидно, что данный отдел, обладая полной информацией о состоянии церковно-школьного образования, должен был отстаивать имидж начальной духовной школы.

Управление церковными школами на местах осуществлялось под руководством епархиальных училищных советов (п. 22 «Правил о церковно-приходских школах»). Председатель и члены совета утверждались епархиальным архиереем из представителей духовенства и гражданских лиц (чиновников,

¹ Красницкая Т.А. Управленческая структура церковно-школьной образовательной системы... С. 88–90.

² Записка о церковных школах: общий обзор школьной деятельности Православного духовенства. СПб., 1907. С. 37–38.

³ Красницкая Т.А. Указ. соч. С. 88.

⁴ Записка о церковных школах: общий обзор школьной деятельности Православного духовенства. СПб., 1907. С. 37–38.

преподавателей светских учебных заведений), которые были в курсе особенностей быта и учитывали духовные потребности населения¹. В заседаниях епархиального училищного совета принимал участие директор народных училищ, что позволяло осуществлять межведомственную связь. Епархиальный училищный совет в Астраханской губернии был открыт 31 октября 1884 г., председателем совета был назначен ректор Астраханской духовной семинарии К. Ястребов, первыми членами совета стали М. Ундринцев (инспектор народных училищ), С. Балкашин (член Губернского присутствия по крестьянским делам), протоирей Г. Покровский, Я. Лебединский (инспектор Астраханской духовной семинарии), И. Попов (учитель духовной семинарии), Н. Леонтьев (смотритель Астраханского духовного училища). Однако через пять месяцев епархиальный училищный совет вошёл в состав Астраханского братства «Кирилло-Мефодиевского Общества ревнителей веры, просвещения и нравственности в духе святой Православной церкви» (далее – Кирилло-Мефодиевское общество, КМО). Данное общество объединяло в себе все епархиальные учреждения просвещения и находилось под прямой инспекцией и контролем архиерея². Таким образом, Астраханский епархиальный училищный совет как самостоятельная административная единица был упразднён (7 апреля 1885 г.). Руководство церковными школами епархии перешло в ведение Кирилло-Мефодиевского общества, в рамках которого был учреждён особый Совет по церковно-школьным делам. Данный совет составляли ректор Астраханской духовной семинарии К. Ястребов, смотритель Астраханского духовного училища И. Попов, преподаватель астраханской семинарии В. Добронравов и законоучитель Астраханского епархиального женского училища П. Кривельский. С 1 декабря 1886 г. В состав Совета были назначены наблюдатель I и II округов М. Благонравов, преподаватель семинарии М. Малицкий, учитель духовного училища А. Летницкий, инспектор народных училищ М. Ундринцев. Соподчинённость была выстроена следующим образом. Совет получал от

¹ Красницкая Т.А. Указ. соч. С. 99.

² Благонравов М. Указ. соч. С. 67–71.

председателя Кирилло-Мефодиевского распоряжения по церковно-приходским школам, рассматривал их и выносил свои постановления, которые утверждал епархиальный архиерей. Ратифицированные архиереем постановления поступали в Совет, в другие ведомства или подразделения постановления Совета рассылались по распоряжению председателя братства. Несмотря на формальное отсутствие до 1896 г. епархиального училищного совета как самостоятельной управленческой единицы, его функции выполнялись в рамках подведомственного отделения Кирилло-Мефодиевского общества¹. Такая практика передачи епархиальных училищных советов в ведение православных братств была распространенным явлением, вполне успешно осуществлявших управление церковно-приходскими школами. Как это было и в Московской, Санкт-Петербургской, Смоленской, Владимирской, Тверской, Симбирской епархиях².

Несколько иначе происходило формирование епархиального училищного совета в Саратовской епархии. Преосвященный Павел (Вильчинский), по опыту многих епархий видел целесообразным создание епархиального совета как структурного подразделения Саратовского епархиального православного Братства Св. Креста (далее – Братство Креста, братство). Но вопрос решался не декларативным путём, как в Астрахани, а по обоюдному рассмотрению. Братство Креста выразило епископу опасения по поводу эффективности такой интеграции, объяснив это тем, что по прямым обязанностям Совет братства занимается миссионерской деятельностью в епархии и не имеет должных компетенций в деле церковно-школьного образования. Поэтому Совет братства считал необходимым учреждение самостоятельного особого учреждения. Таким образом, в результате коллегиального решения в Саратовской епархии был учреждён самостоятельный епархиальный училищный совет. Первыми членами совета стали представители педагогического сообщества Саратовской епархии: ректор Саратовской духовной семинарии протоирей Лаврский,

¹ Благодоров М. Указ. соч. С. 67–71.

² Красницкая Т.А. Указ. соч. С. 88.

инспектор Саратовской духовной семинарии Заборовский, смотритель Саратовского духовного училища В. Икольский (член Совета Братства Св. Креста), преподаватель духовной семинарии Малов. В состав вошли представители городского духовенства: протоирей Смельский, протоирей Матвеев, священники Нечаев и Ивановский. Председателем совета был назначен протоирей Смельский, делопроизводителем – Рождественский, секретарь епархиального архиерея. В совет были приглашены и некоторые светские лица¹.

26 февраля 1896 г. было утверждено «Положение об управлении церковно-приходскими школами и школами грамоты», где особой регламентации был подвержен вопрос организации епархиальных училищных советов. Были выдвинуты новые требования, а именно: председатель совета должен был иметь священный сан, обладать высшим богословским образованием. Или, кандидат должен был иметь многолетний опыт в педагогической деятельности. Кандидатура на должность председателя совета избиралась архиереем, но утверждалась Святейшим Синодом. Далее, епархиальный училищный совет состоял девяти членов – представителей духовенства и светских лиц, которые утверждались епархиальным архиереем². В совет включался епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ и школ грамоты, а также один член Министерства народного просвещения, который назначался попечителем учебного округа.

Для решения важных и неотложных вопросов была создана школьная комиссия, состоявшая из председателя епархиального училищного совета и двух членов совета. В обновлённый состав Астраханского епархиального училищного совета вошли: председатель совета К. Ястребов, девять постоянных членов: св. М. Благодоров; восемь лиц светского звания – К. Петров, К. Горчаков (члены Губернского присутствия по крестьянским делам), И. Попов (смотритель духовного училища), Н. Добров, В. Никольский (преподаватели

¹ Распоряжения епархиального начальства // СЕВ. 1884. № 24. С. 431–433.

² Положение об управлении церковно-приходскими школами и школами грамоты. СПб., 1896. С. 15.

духовного училища), А. Летницкий, А. Курочкин (учителя духовного училища) и А. Серафимов (губернский секретарь). В состав школьной инспекции были избраны М. Благонравов и А. Серафимов¹. Таким образом, видно, что губернская система управления церковными школами была выстроена на основе интеграции деятелей различных ведомств, по характеру деятельности имеющих прямое отношение к реализации государственной политики в сфере образования. В рамках работы епархиального училищного совета они выполняли обязанности, связанные с письмооборотом, входили в состав экзаменационных комиссий церковных школ, посещали школы и осуществляли ревизии уездных отделений.

Положением вводилась новая административная единица – епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ. Их функциональными обязанностями было посещение церковно-приходских школ и составление отчётов, для чёткой регламентации их деятельности епархиальным училищным советом была составлена инструкция, утверждённая 23 января 1889 г. Согласно инструкции, наблюдатели должны были способствовать развитию церковно-приходских школ, где воспитывали детей в духе православной религии и преданности церкви, чтобы эти школы могли именоваться «истинными рассадниками христианского просвещения». Для достижения этой цели епархиальные наблюдатели должны были следить за тем, чтобы в начале и окончании учебного года в каждой церковной школе проводились молебны; чтобы законоучителя и учителя внушали детям любовь к церкви и богослужению, до такой степени, чтобы это стало обыденно необходимым навыком. Кроме того, должны были следить за тем, чтобы ученики и ученицы церковных школ присутствовали на воскресных и праздничных богослужениях, а способные ученицы принимали участие в чтении и пении богослужебных текстов. Для улучшения религиозно-нравственного воспитания наблюдатели при обеспечении школ ме-

¹ Благонравов М. Указ. соч. С. 72.

тодической, учебной и художественной литературой руководствовались специальным списком книг, рекомендованных Училищным советом при Синоде и епархиальным училищным советом¹.

По функциональным обязанностям можно утверждать, что епархиальный наблюдатель имел особое положение в системе управления церковными школами. Они, по сути, являлись главным связующим звеном, центром коммуникации и управления. Поэтому нередкими были случаи превышения должностных полномочий, как, например, в Саратовской епархии. Ревизор Святейшего Синода отмечен прецедент, который стал предметом разбирательств на высочайшем уровне духовного управления. Епархиальный наблюдатель, священник В. Знаменский, саботировал соблюдение субординации по отношению к епархиальному архиерею, пользуясь своим должностным положением оказывал давление на духовенство, в адрес учителей церковных школ с его стороны фиксировались факты шантажа и угроз увольнением². Подобные случаи – свидетельство реального положения дел, отражение распределения фактической власти в деятельности церковных школ. Однако их негативное проявление – всё же исключение, чем правило. Каждая епархия определяла свой количественный штат «корпуса» епархиальных наблюдателей, в Астраханской епархии (1884 г.) он составил 15 наблюдателей, в Саратовской – 59 человек (1887 г.). В течение времени состав епархиальных наблюдателей изменялся в связи с перемещениями по благочинным округам, переводами в другие епархии, отставкой по распоряжению епархиального начальства или уходом по собственному желанию³.

Наконец, непосредственное руководство церковными школами возлагалось на благочинных, заведующих школ, которые на месте регулировали возникающие проблемы по обустройству и содержанию школ, в частности, в

¹ Инструкция для наблюдателей за церковно-приходскими школами Астраханской епархии // АЕВ. 1889. № 4. С. 144–152.

² ГАСО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 99. Л. 1–1 об.

³ Благодоров М. Указ. соч. С. 81–85.

функционал их службы входили: поиск средств на содержание школ, обеспечение школ учебно-методической литературой и учебниками, подбор педагогического коллектива и персонала¹.

По мере развития системы церковно-приходских школ усложнялась и укрупнялась структура её управления. С 1888 г. в различных епархиях постепенно открывались уездные епархиальные училищные советы². В Астраханской епархии уездные советы полноценно начали свою работу с 1893 г., когда окончательно была сформирована система советов и найдены средства на её содержание³. В состав совета, по аналогии с епархиальным училищным советом, входили светские (мировые посредники, чиновники по крестьянским делам, инспекторы народных училищ или их заместители, назначаемые попечителем учебного округа) и духовные лица определённого уезда, заинтересованные в развитии народного церковного образования и уже имеющие опыт в этом деле. Количественный состав уездных отделений не был чётко регламентирован, поэтому в состав по епархиям существенно разнился. Среди полномочий уездных отделений входило материальное снабжение школ, подбор педагогических кадров, обеспечение школ книгами и учебниками, оказание помощи в открытии дополнительных классов, организация уроков для взрослых, а также создание воскресных школ⁴.

В итоге, сформированная в конце XIX в. система управления духовным образованием просуществовала до 1917 г. и была по своему характеру «фундаментальной и устойчивой», обеспечивая централизацию управления и надзора за учебными заведениями. Чётко выстроенная вертикальность власти, специализация как принцип организации в центре и на местах обеспечили единство, логичность и порядок в образовательном пространстве церковной деятельности.

¹ Красницкая Т.А. Указ. соч. С. 88.

² Правила об уездных отделениях Епархиальных училищных советов // ЦВ. 1888. № 27. С. 169–171.

³ Благодравов М. Указ. соч. С. 95–96.

⁴ Там же.

Несомненно, что основой организации образовательного процесса на местах было и территориальное деление на учебные округа. Астраханская и Саратовская губернии входили в состав Казанского учебного округа, где основу образовательной системы составляли начальные учебные заведения разных типов и ведомств, женские гимназии и прогимназии, учительские школы. В губерниях Нижнего Поволжья управленческим звеном были дирекции и инспекции народных¹. Инспектора и директора осуществляли управление начальными училищами, помимо этого, собирали статистические данные и ежегодно предоставляли в адрес казанского учебного округа отчёты о состоянии учебно-воспитательного процесса. Во главе средних учебных заведений находились директора и педагогические советы, в набор компетенций которых входило решение вопросов организации образовательного и воспитательного процесса, материального обеспечения, об итогах ежегодной работы также предоставлялись отчёты. В отношении духовного компонента образования учебно-окружной центр давал рекомендации и предписания по ведению образовательной деятельности, уделяя особое внимание преподаванию Закона Божьего². Однако вся регламентация и нововведения в организации обучения предмету «Закон Божий» не вступали в силу без одобрения Синода. Особенно Святейшим Синодом контролировался вопрос комплектования кадров законоучителей светских школ. Синодальным определением от 7–30 июня 1900 г. к преподаванию Закона Божьего в редких и исключительных случаях допускались светские лица без богословского образования, перед назначением они проходили своеобразную «экспертизу на благонадёжность». По отношению к Министерству народного просвещения были оглашены рекомендации о недопущении открытия новых училищ без обеспечения при них «надлежащего

¹ Благодравов М. Указ. соч. С. 170–171.

² Крopotкина И.Е. Казанский учебный округ в конце XIX – начале XX в. М., 2011. С. 66–67.

преподавания Закона Божия»¹. «Кадровый голод» при интенсивно растущем количестве школ, не только церковных, но и народных школ различных ведомств, заставлял церковь и государство искать компромиссные решения. Одним из таких решений было введение «Методики Закона Божьего» в учебные программы женских гимназий и епархиальных женских училищ. И в этом случае возникали коллизионные ситуации. Например, 30 сентября 1905 г. в адрес Министерства народного просвещения поступило письмо с возбуждением дела о замещении учительских должностей в начальных училищах учительницами старообрядческого вероисповедания, окончивших полный курс женских гимназий и изучавших Закон Божий у православного законоучителя. Святейшим Синодом подобные ситуации решались отказом, мотивированным объяснением была «фанатичная преданность вере старообрядцев, вероломное уклонение от участия в богослужениях», что могло вызвать недовольство среди родителей².

В исторической науке одной из актуальных нерешенных проблем истории образования является вопрос соподчиненности законоучителей светской школы. С одной стороны, на них распространялись юридические нормы, исходящие от Святейшего Синода: например, Синод определял порядок назначения и замещения законоучительских должностей в учебных заведениях Министерства народного просвещения³. Но, с другой стороны, в непосредственном подчинении законоучителя светских школ находились в Министерстве народного просвещения и других ведомств, где они состояли на службе. На сегодняшний день не известны прецеденты ведомственного саботажа или сепаратизма законоучителей, в то время как политика Церкви и государства в их отношении была достаточно лавированной. Законоучителя светских школ в

¹ Определения Святейшего Синода от 7/30 июня 1900 г. за № 2503, по вопросу о предоставлении не имеющим богословского образования учителям и учительницам народных училищ права преподавать Закон Божий // СЕВ. 1900. № 22. С. 397–400.

² РГИА. Ф. 803. Оп. 3. Д. 236. Л. 1.

³ Определения святейшего синода. От 10-го – 22-го мая 1885 г., за № 976, о порядке замещения должностей законоучителей в учебных заведениях министерства народного просвещения // СЕВ. 1885. С.182–183.

периоды реформ 1905–1907 гг. были оформлены в самостоятельную «арбитражную» единицу, представленную Всероссийским съездом законоучителей светских школ (подробно о деятельности писали в предыдущих главах), укрупнённого епархиальными и уездными съездами законоучителей светских школ¹. Такой факт даёт нам основание полагать, что в начале XX в., в качестве консенсусного решения спорных ситуаций сложилась новая структурная ниша, призванная решать проблемы реализации духовного компонента образования светской школы в направлении развития Министерства народного просвещения, но не разрушая устоявшиеся паттерны духовного образования, выстроенные Святейшим Синодом.

Таким образом, духовный компонент образования и воспитания женщин в XIX–XX вв. реализовывался в рамках развёрнутой и многоступенчатой системы управления под монопольным руководством Святейшего Синода и чётко выстроенной традиции межведомственной коммуникации.

2.2. Организация материального и финансового обеспечения деятельности духовно-учебных заведений для женщин в Нижнем Поволжье

Финансирование системы женских образовательных учреждений Нижнего Поволжья осуществлялось из разных источников, напрямую зависело от подведомственности образовательного учреждения и проводимой в их отношении государственной политики.

Финансовое обеспечение епархиальных женских училищ находилось под непосредственным попечением епархиальных архиереев и местного духовенства. Основными источниками содержания учебных заведений данного

¹ Собрания законоучителей средних светских учебных заведений г. Астрахани в 1913 г. Астрахань, 1913. С. 59; Съезд законоучителей светских средне-учебных заведений Саратовской епархии в 1913 году // СЕВ. 1913. № 13. С. 7–12; Отчёт по напечатанию Отчёта о съезде законоучителей светских средне-учебных заведений в г. Саратове 8–14 августа 1913 г. // СЕВ. 1914. № 19. С. 10.

типа были пожертвования и сборы с епархиальных церквей, процентные отчисления с училищного копила и с капитала на содержание стипендиатов, платы за содержание, взимаемые с пансионеров, плата за право обучения с приходящих воспитанниц недуховного сословия, а также немногочисленные поступления из сумм хозяйственного управления при Синоде и «случайные поступления»¹.

Воспитанницы духовного сословия, являвшиеся сиротами или дочерьми из малообеспеченных семей, принимались в училище на полное содержание, остальные оплачивали обучение своих дочерей. Так, в 1880 г. оплата за обучение варьировала от 25 до 140 р. в год². В Астраханском епархиальном женском училище (1913–1914 уч. г.) для светских лиц была установлена сумма 220 р. в год. С воспитанниц, поступивших на обучение из других епархий, взымалась плата в размере 160 р. в год. Для «приходящих» воспитанниц была установлена сумма в 60 р. в год. С духовенства Астраханской епархии плата за обучение устанавливалась в зависимости от священнического сана и количества обучающихся дочерей. К примеру, священники за первую дочь платили 115 р. в год, за вторую – 90 р., за третью – 60 р., остальные дочери принимались на полное содержание училища. С дьяконов и церковных старост: за первую дочь – 90 р. в год, за вторую – 60 р., остальные принимались на полное содержание. За дочерей псаломщиков была установлена плата в следующем размере: за первую дочь – 60 р., за вторую – 40 р., остальные принимались на полное обеспечение. Со всех категорий воспитанниц собирались взносы на расширение двора и здания училища по расчету: священники, церковные старосты – 20% от суммы платы за обучение, с дьяконов – 25%, с псаломщиков – 30%³. Не исключением были случаи, когда оплата за обучение оказывалась непосильной для священников, поэтому родители подавали прошения в Совет училища

¹ Отчёт о состоянии Астраханского епархиального женского училища за 1892–1893 учебный год // АЕВ. 1894. № 5. С. 79–80.

² ГААО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 40. Л. 158.

³ РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 869. Л. 6.

об отчислении своих дочерей¹. В Саратовском Иоаникиевском епархиальном училище (1916–1917 уч. г.) годовая плата была установлена в следующих размерах: со священников – 65 р. 40 к. за обучение и 210 р. за общежитие; с дьяконов – с 46 р. 30 к. за обучение и 180 р. за общежитие; с псаломщиков – 32 р. 70 к. за обучение и 150 р. за общежитие; с иеромонахов – 70 р. за обучение и 290 р. за общежитие; со светских лиц – 88 р. за обучение и 316 р. за общежитие. Из 372 воспитанниц на полном содержании состояло – 164 чел., на «половинном» содержании – 39 чел., стипендия выплачивалась одной ученице, на коммерческом обучении состояло 168 учениц, с 50% скидкой обучалось 39 чел.²

Основными статьями расхода бюджета было содержание управленческого аппарата и преподавателей, прислуги, содержание воспитанниц, обслуживание здания, платы за электричество и траты на отопление. Среди расходных статей было также содержание библиотеки, физического кабинета, больницы, образцовой школы училища, приобретение канцелярских принадлежностей³.

В расходы на содержание воспитанниц включались стипендиальные выплаты, покупки и пошив одежды, обуви, обеспечение учебными принадлежностями, постельным бельем, питание. Так, в Саратовском Иоаникиевском епархиальном женском училище в 1883 г. расходы составили 59 404 р. 98 к., из них на содержание воспитанниц было потрачено 19 800 р., на обеспечение воспитанниц бельём и одеждой – 7 789 р., на обувь было потрачено 1 776 р., на обеспечение воспитанниц материалами для рукоделия – 790 р. На учебные пособия и канцелярские принадлежности было выделено 380 р. Кроме этого, по итогу учебного года воспитанниц поощряли памятными подарками, как правило, книгами, по этой статье расходов в 1883 г. из бюджета Саратовского епархиального женского училища было отпущено 60 р.⁴ В случае замужества

¹ ГААО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 46. Л. 1, 4, 7, 14–15.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 328. Л. 67.

³ ГААО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 5. Л. 95–98.

⁴ ГАСО. Ф. 710. Оп. 1. Д. 25. Л. 22 об.; Д. 23. Л. 6 об. – 8 об., 9 об., 10 об.

воспитанницам выплачивали пособия, в 1906 г., к примеру, оно составляло 200 р., была и так называемая статья расходов «приданное» для воспитанниц-сирот, варьировавшаяся в зависимости от наличия бюджетных денег училища¹. На особом контроле находилась и охрана здоровья воспитанниц. Так, воспитанниц Астраханского епархиального женского училища, тяжело болевших, ежегодно направляли на лечение в Тинакский грязелечебный курорт на льготные места по 50 р. за счёт родителей².

В Астраханском епархиальном женском училище Указом Императора, по Определению обер-прокурора Святейшего Синода от 2-го июля 1880 г. за № 2711 были учреждены две именные стипендии: имени архиепископа Астраханского Афанасия и имени бывшего Астраханского кафедрального протоиерея Иоана Пальмова³. Согласно Положению о стипендии имени Архиепископа Астраханского Афанасия, утверждённого 31 мая 1880 г., пожертвованные в 1869 г. архиепископом Афанасием в пользу Астраханского епархиального женского училища капитал в размере 1 400 р. в 14 билетах 2-го внутреннего высочайшего займа оставался в училище неприкосновенным, а проценты от него направлялись на воспитание одной сироты духовного происхождения с присвоением ей наименования стипендиатки преосвященного Афанасия. Проценты, остававшиеся нереализованными на содержание стипендиатки, обращались на нужды училищной библиотеки. Если на который-либо из билетов выпадал выигрыш, то стипендиатка получала половину выигрыша не раньше выхода в замужество, вторая половина выигрыша обращалась в пользу училища. Правом на половину выигрыша стипендиатка пользовалась во время нахождения в училище и в течение двух лет со дня окончания курса, если только через своё замужество оставалась в духовном звании, в противном случае ее половина обращалась в пользу училища. В случае закрытия училища по

¹ ГААО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.

² ГААО. Ф. 743. Оп. 1. Д. 15. Л. 28, 31.

³ ГААО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 35. Л. 10–10 об.

каким-либо причинам все пожертвованные деньги обращались в пользу Астраханского мужского духовного училища. Стипендиатка избиралась советом училища по жребию из находившихся в училище круглых сирот, или, если таких не было, то из девушек лишившихся отцов. Вновь избранная стипендиатка не пользовалась правом на половину выигрыша до истечения двухлетнего срока со дня заключения ее в стипендиатки¹. Положение о стипендии имени астраханского кафедрального протоирея Иоанна Павлинова, утверждённое 31 мая 1880 г., установило, что на процент с пожертвованного неизвестным благотворителем капитала 1 200 р. облигациями восточного займа содержалось в Астраханском епархиальном училище одна из дочерей духовенства Астраханской епархии. Право на стипендию предоставлялось сиротам без наследства от кого-либо, без средств для оплаты за содержание в училище, а если такой категории воспитанниц не было, то дочерям несостоятельных родителей по свидетельству епархиального начальства. Стипендиатка избирается педагогическим советом училища. Неизрасходованные проценты прибавлялись к капиталу на случай увеличения платы за содержание. В 1880 г. на данные виды стипендий были отобраны по конкурсу четыре стипендиатки. В 1897 г. из 206 учениц стипендия выплачивалась 3-м воспитанницам в размере 1 400, 1 450 и 1 200 р. в год. Кроме стипендиального обеспечения воспитанницы-сироты обучались за счет благотворителей, так на содержание трёх сирот был получен капитал по 1 000, 1 200, 1 500 р., астраханским купцом-лесопромышленником А.И. Губиным на содержание трёх пансионеров было начислено 130 р. 90 к. и 30 р. в год. Для сравнения, в Астраханской Мариинской женской гимназии из 361 ученицы стипендией были обеспечены 23 чел. по 280 р. в год, 52 чел. – по 50 р. в год. В 1908–1909 гг. в числе стипендиаток Астраханского епархиального училища было 10 чел., в 1913–1914 уч. г. –

¹ ГААО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 35. Л. 14–15.

12 воспитанниц¹. В Саратовском Иоаникиевском епархиальном женском училище в 1917 г. была обеспечена одна ученица из 372 чел.² Помимо стипендиального обеспечения, для финансовой поддержки нуждающихся воспитанниц епархиальных женских училищ создавались общества взаимопомощи, что позволяло привлекать дополнительные средства на содержание учениц³.

Несомненно, одним из важных направлений финансирования была оплата труда служащих и преподавателей. В 1879–1881 гг. В Астраханском епархиальном женском училище оклад начальницы училища составлял 500 р. в год, инспектор классов и законоучитель получал 150 р. за исполнение обязанностей инспектора и 160 р. за проводимые уроки. Оклад делопроизводителя составлял 150 р⁴. В Саратовском Иоаникиевском епархиальном женском училище начальнице назначалось по 50 р. в месяц, инспектору классов – 145 р., законоучителю – 33 р. 33 к., учителю словесности – 34 р. 50 к., учителю русского языка – 100 р., учителю географии – 66 р. 66 к., учителю арифметики – 33 р. 33 к., воспитательницам по 8, 15, 10 и 20 р. в месяц. Ежемесячный расход училища на жалование учителей составлял 994 р. 86 к., годовой – 11 938 р. 32 к. Средняя заработная плата по училищу была приблизительно 90 р. 44 к. В 1882 г. годовой расход на жалование только личного состава саратовского епархиального женского училища составил 12 020 р., при средней ежемесячной сумме зарплатного фонда 1 001 р. 66 к. и средней зарплате учителей в 77 р. В 1891 г. оклад председателя Астраханского совета училища был 300 р., делопроизводителя – 250 р. Оклад инспектора классов, с учетом оплаты за законоучительство, уроки гражданской истории и выполнение обязанностей священника домового церкви училища, составлял 1 290 р. в год. Оклад начальницы училища остался неизменным. Остальные члены Совета училища

¹ ГААО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 35. Л. 15–15 об.; Д. 40. Л. 158; Ф. 32. Оп. 1. Д. 608. Л. 48, 90–91 об.; РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 182. Л. 19; Оп. 15. Д. 869. Л. 5.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 328. Л. 67.

³ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 14. Л. 4–5.

⁴ ГААО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 36. Л. 45; Отчёт Астраханского епархиального женского училища за 1881–1882 учебный год // АЕВ. 1883. № 2. С. 20.

получали жалование в размере 200 р. Годовая заработная плата учителей была следующих размеров: учителя русского языка и словесности – 1 200 р., географии и истории – 1 050 р., арифметики и физики – 1 150 р., дидактики – 180 р., геометрии – 90 р., церковного пения – 480 р., чистописания – 140 р. музыки – 200 р. Старшая воспитательница получала 205 р. и находилась на обеспечении училища, оклад воспитательницы составлял 180 р. Врач училища получал жалование в размере 150 р., больничная надзирательница – 180 р., а эконома училища 360 р.¹ К 1899 г. ежемесячные расходы на содержание учителей Астраханского епархиального училища составляли 1 354 р.²

Систематизация окладов преподавателей усложнена особенностями распределения уроков по предметам, поскольку один преподаватель мог вести от двух до четырёх предметов в разных классах и получать суммарное жалование. Так, в Астраханском епархиальном женском училище, преподаватель русского языка в I, II и III классах, чистописания и гражданской истории – в IV классе П. Кривельский за 16 уроков получал 600 р. Инспектор училища Иван Попов одновременно был преподавателем педагогики, физики и геометрии, и за 11 уроков получал жалование в размере 440 р. (не считая оклада инспектора)³. Такая ситуация была свойственна всем епархиальным женским училищам.

Стоит отметить еще одну особенность – оплата труда членов совета епархиальных женских училищ. До 1890-х гг. председатель Совета, члены Совета от духовенства исполняли свои обязанности безвозмездно, в последующие годы их труд стал оплачиваемым. Так, оклад председателя совета Вольского епархиального женского училища в 1902 г. составлял 100 р., в Астрахан-

¹ ГАСО. Ф. 710. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–12; Д. 21. Л. 3–4 об.; РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 111. Л. 5–7.

² ГААО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 126. Л. 4 об.

³ Отчёт Астраханского епархиального женского училища // АЕВ. 1886. № 24. С. 925–926.

ском епархиальном женском училище – 120 р., в Саратовском Иоанникиевском епархиальном женском училище – 150 р.¹ Жалование учителей музыки не было строго фиксированным и напрямую зависело от количества учениц, желавших обучаться музыке и по факту оплативших обучение, от количества отведенных уроков. В 1902 г. оно составляло от 25 р. 50 к. до 34 р. 50 к. в месяц, в 1903 от 31 р. до 33 р., в 1904 г. 27 р., в 1908 г. от 10 р. 50 к. до 15 р.² Видно, что за шесть лет ситуация с оплатой учителей музыки менялась в худшую сторону, что объясняется тем, что к работе учителя музыки в основном привлекали действующих студентов / студенток духовных семинарий или музыкальных училищ, или лиц, владевших инструментом. Такой подход позволял сделать обучение музыке доступнее. Оклады преподающих (на 1914 г.) во втором Саратовском епархиальном училище г. Вольска были следующие: учителя русского языка и славянского языка в 1–4 классах при 19 уроках – 1 365 р. в год; словесности, литературе, дидактике, психологии в 4–7 классах при 23 уроках – 1 275 р. в год; истории и географии в 2–7 классах при 26 уроках – 1 590 р. в год. Плата служащим в первое пятилетие учительствования за 12 уроков – 720 р., и за добавочные уроки сверх 12 часов в 1–6 классах по 60 р. и в 7 классе – по 75 р. за годовой урок, прослужившим более пяти лет за 12 уроков 900 р. при том же поурочном плане за добавочные уроки³.

В Астраханском епархиальном женском училище в 1914 г. учителя с высшим образованием получали 60 р. за годовой урок, к окладу штатных преподавателей прибавлялось 180 р. за первые 12 уроков. Преподаватели со средним образованием получали по 40 р. за урок, кроме преподавателя природоведения (50 р. за урок в IV и V классах, 60 р. – за урок в VII классе). Нештатные учителя получали сдельную оплату за проведенные занятия, к примеру, за

¹ Отчёт о состоянии 2-го Саратовского Епархиального женского училища в г. Вольске в учебно-воспитательном отношении за 1902/03 учебный год (второй со времени открытия училища) // СЕВ. 1904. № 1. С. 9–26; Отчёт о состоянии Астраханского епархиального женского училища за 1902–1903 учебные годы // АЕВ. 1903. № 1. С. 2; ГАСО. Ф. 710. Оп. 1. Д. 93. Л. 4 об.

² ГААО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 144. Л. 1; Д. 135. Л. 5; Д. 161. Л. 5; Д. 192. Л. 3.

³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 75. Л. 84.

уроки французского языка сумма оплаты составляла 30 р., чистописания и рукоделия – 20 р., преподавателю словесности и литературы за ведение сочинений дополнительно к окладу выплачивали почасовую надбавку 240 р. в год¹. В 1915 г. занятия в Астраханском епархиальном женском училище были прекращены, воспитанниц перевели на домашнее обучение, соответственно, жалование учителей сократилось, а воспитательниц распределили на работу в церковно-приходские школы. По факту учителя стали числиться в училище формально. В то время, как управленческий коллектив выполнял свои обязанности в условиях военного времени. Инспектор классов получал 2 440 р., преподаватель Закона Божьего – 1 980 р., начальница училища – 900 р., председатель совета – 240 р., делопроизводитель – 420 р., эконома – 480 р., старшая воспитательница – 300 р. в год². В этот год на жалование учителей из бюджета училища было выделено 23 045 р.³ Кроме оплаты труда, выплачивались и единовременные пособия воспитательницам, вышедших замуж в размере 100 р.⁴ Таким образом, заметно, что епархиальное начальство пыталось сохранить прежний уровень заработных плат в сложные военные годы.

Сравним размер содержания педагогического состава епархиальных женских училищ Нижнего Поволжья и проследим динамику абсолютного прироста заработных плат в период с 1881–1914 гг.⁵ Так, к 1914 г. по сравнению с 1885 г. в Астраханском епархиальном женском училище оклады делопроизводителя и врача выросли в два раза, эконома – на 44 %, делопроизводителя – почти в 3 раза, больничной надзирательницы – на 66 %. Заработная плата инспектора классов, при вычете оплаты за учебную нагрузку, возросла в 4 раза.

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 1099. Л. 4–5.

² ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 15. Л. 113–115.

³ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 14. Л. 136.

⁴ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 14. Л. 135.

⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 1099. Л. 2–13; РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 208. Л. 4–15; Отчёт Астраханского епархиального женского училища // АЕВ. 1883. № 2; 1884. № 5; 1884. № 23; 1886. № 20; 1887. № 1, 24; 1889. № 23, 24; 1890. № 23; 1894. № 2–5, 24; 1896. № 3–4; 1891. № 2–4, 23, 24; 1893. № 1–3; 1910. № 1, 22; 1912. № 32.

Ситуация с индексацией заработных плат в Саратовском епархиальном женском училище была практически идентичной с Астраханским епархиальным женским училищем. Если в 1879–1880 учебном году средний оклад законоучителя составлял 383 р. в год¹, то в 1897 г. законоучителя в среднем были обеспечены годовым окладом в размере 950 р., начальница училища – окладом в 900 р., инспектор классов – окладом в 1 800 р.² Оклад законоучителя-инспектора классов на протяжении десяти лет оставался практически неизменным (1 800 р. в год), но стоит заметить, что с течением времени с него были сняты многие обязанности, например выполнение обязанностей настоятеля училищной церкви³. При Саратовском епархиальном женском училище действовал приют для девочек, то соответственно, отдельными статьями расходов было содержание педагогического коллектива приюта. Здесь, законоучителя получали ежемесячное жалование в размере 62 р. 50 к. и 87 р. 50 к.⁴

С течением времени происходил общий рост затрат по статье расходов «Содержание личного состава». Так, в Саратовском епархиальном женском училище, по данным за 1874 г., на содержание педагогического коллектива было назначено 3 905 р., в 1875 г. – 5 386 р. 64 к., в 1879–1880 учебном году содержание учителей и служащих составляло более 8150 р., в 1882 г. – 12 020 р., в 1883 г. – 14 884 р. 16 к., в 1897 г. – 15 206 р. 55 к., в 1903 г. – 24 933 р. 24 к.⁵ Воспитательницы приготовительных классов Саратовского Иоанникиевскогорго епархиального женского училища сверх оклада получали за преподавание русского языка и арифметики 120 р. в год, воспитательницы первых четырех классов сверх оклада получали по 20 р. за обучение воспитан-

¹ ГАСО. Ф. 710. Оп. 1. Д. 13. Л. 2–2 об.

² ГАСО. Ф. 710. Оп. 1. Д. 93. Л. 4 об.

³ ГАСО. Ф. 710. Оп. 1. Д. 21. Л. 4 об.

⁴ ГАСО. Ф. 710. Оп. 1. Д. 59. Л. 1–23; Д. 64. Л. 1–24.

⁵ ГАСО. Ф. 710. Оп. 1. Д. 4. Л. 3 об.; Д. 7. Л. 6 об.; Д. 13. Л. 2 об.; Д. 21. Л. 4 об.; Д. 23. Л. 6 об.; Д. 25. Л. 9 об.; Д. 93. Л. 4 об.; Д. 123. Л. 4 об.

ниц чистописанию, воспитательницы третьего класса за заведование библиотекой получала надбавку к окладу в размере 60 р. в год¹. Инспектор классов Вольского епархиального женского училища в 1914 г. получал заработную плату по нескольким должностям: инспектора и законоучителя в III и VI классах (за 12 уроков) – 1 800 р. в год и за дополнительные уроки в VII педагогическом классе 262 р. 50 к. в год. Итого жалование составляло 2 062 р. 50 к. в год. Кроме оплаты труда инспектора, на средства училища содержалась его квартира и отопление². Стремительный рост заработных плат был следствием увеличения учебной нагрузки и количества учителей в штате училища, в том числе по нововведённым предметам. Поэтому, сравнивая отдельные размеры окладов за 1879–1880 и 1914–1915 учебные годы видно, что сумма расхода на содержание личного состава возрастала не из-за индексации заработных плат, а за счет расширения штата учителей. Оклады законоучителя, при равной учебной нагрузке без совмещения с иными должностными обязанностями, остался неизменным, также, как и оклад начальницы училища. Наблюдается прирост жалования учителя пения на 25%, учителя музыки – на 20%, эконома – на 50%, делопроизводителя – на 60%³.

Для сравнения обратимся к данным о заработных платах законоучителей в светских женских учебных заведениях. Так, в Саратовской 3-й женской гимназии оклад законоучителя в 1911 г. составлял 400 р. в год, кроме этого, оплачивалась надбавка к окладу в размере 81 р. 7 к., т. е. 20 % за урок. Всего на оплату педагогического труда, по данным за 1913 г., было израсходовано 19 047 р. 19 к., в 1914 г. на содержание педагогов было израсходовано 7 560 р.⁴

¹ Отчёт о состоянии Саратовского Епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1884–1885 учебный год // СЕВ. 1886. № 3. С. 91–92.

² Отчёт о состоянии Вольского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1914–1915 учебный год // СЕВ. 1916. № 3. С. 90.

³ ГАСО. Ф. 710. Оп. 1. Д. 13. Л. 2 об.; Отчёт о состоянии Саратовского Иоанникиевского епархиального женского училища за 1914–1915 учебный год // СЕВ. 1916. № 10. С. 385–394.

⁴ ГАСО. Ф. 243. Д. 12. Л. 2, 5; Д. 41. Л. 3; Оп. 1. Д. 64. Л. 2.

В 1900 г. законоучитель Астраханского епархиального женского училища совмещал преподавание Закона Божьего с преподаванием дидактики и педагогики, в совокупности учебная нагрузка составляла 21 час в неделю. В 1905 г. жалование законоучителя было представлено в чистом виде за обучение «Закону Божьему». В 1910–1915 г. в Астраханском епархиальном женском училище преподавание предмета «Закон Божий» распределялось между двумя законоучителями¹. Зарплата законоучителей Саратовской Мариинской женской гимназии в 1899 г. зависела от количества проведённых уроков: так, один законоучитель получал ежемесячное жалование в размере 8 р. 33 к., один человек – 18 р. 33 к., два законоучителя – 68 р. 75 к. В 1906 г. годовой оклад законоучителей был в размере 375 р. 80 к. (1 чел.), 320 р. (1 чел.), 440 (1 чел.), 90 р. (2 чел.). В 1915 г. суммированное жалование законоучителей Саратовской Мариинской женской гимназии составило 2 674 р. 92 к. при общей сумме расходов на педагогический состав 35 450 р., что на 44 % больше содержания педагогов в Саратовском епархиальном женском училище (19 675 р. по данным за 1915 г.). В 1916 г. законоучителя Саратовской Мариинской женской гимназии получали жалование в размере 290 р. 145 к. в месяц². Итак, видно, что содержание педагогов светских женских образовательных учреждений было обеспечено в большей степени. При этом годовое жалование законоучителей всех типов гимназий было практически одинаковым, единственным отличием в данном случае являлась степень нагрузки. Естественно, что в епархиальных женских училищах учебная нагрузка законоучителей была значительно больше, чем в светских учебных заведениях.

Для успешной реализации образовательной программы в стенах епархиальных женских училищ требовались не только учителя, программы предметов, наличие средств, но и обеспечение материальным оснащением. Значи-

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 208. Л. 4–5.

² ГАСО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 13. Л. 2 об, 3; Д. 63. Л. 3, 13 об.; Д. 86. Л. 2 об.; Отчёт о состоянии Саратовского Иоанникиевского епархиального женского училища за 1914–1915 учебный год // СЕВ. 1916. № 10. С. 388–391.

тельных сумм требовало оснащение библиотек и физических кабинетов епархиальных женских училищ. Библиотечные фонды состояли из трех отделений. В первом, фундаментальной библиотеке, содержались учебно-методические книги для учителей, книги по педагогике, общеобразовательным и специальным предметам. Второе отделение было представлено ученической библиотекой, состоявшей из книг и статей религиозного, исторического, географического, этнографического, библиографического и т.д. содержания. Третье отделение содержало наглядные пособия и вспомогательные учебные материалы: карты, глобусы, атласы, картины по географии и истории (церковной, гражданской, всемирной), учебная литература для классного и внеклассного чтения. Помещения библиотек епархиальных женских училищ имели читальные залы, они открывались после обеда и работали до пяти часов вечера¹. Кабинеты физики оснащались различными приборами, инструментами и моделями. Для филологических предметов закупали прописи на каждую ученицу².

Во всех епархиальных училищах присутствовали библиотеки, но их наполняемость напрямую зависела от выделенных средств училищного бюджета, поэтому весьма интересна и динамика развития училищных библиотек. Так, например, в 1884 г. на приращение учебных пособий библиотека Астраханского епархиального училища получила 300 р., однако этой суммы было недостаточно, она была потрачена на переплет учебников. В 1890 г. на покупку учебников было выделено 500 р. На эту сумму было приобретено: для светского пения и фортепиано 39 наименований различных пособий в одном экземпляре; для церковного пения – 12 разнообразных пособий под авторством А. Архангельского; церковная библиотека училища пополнилась

¹ Отчёт Астраханского епархиального женского училища // АЕВ. 1891. № 4. С. 64.

² Гусева О.В. Становление народного образования в Саратовской губернии во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 87.

90 книгами; 28 позиций наполнили учебно-методическую коллекцию библиотеки. Для объяснительного чтения были куплены картины известных художников (10 шт.)¹.

Училищные библиотеки приобретали и периодические издания, для детского чтения: «Родник», «Мой журнал», «Игрушечка», «Детский отдых»; духовные иллюстрированные журналы: «Воскресный день», «Кормчий», «Русский паломник», «Православное обозрение», «Русский вестник»; иллюстрированные еженедельные журналы для семейного чтения «Нива» и «Живописное обозрение». В качестве пособия воспитанницам к урокам рукоделия выписывали журнал «Модный совет». Среди обязательных периодических изданий выписывались «Церковные ведомости», «Астраханские епархиальные ведомости», «Астраханский вестник»², «Астраханский листок», «Русская школа», «Церковная газета», «Колокол», «Исторический вестник»³. В указанных изданиях публиковались статьи, рассказы, повести, отрывки из текста Библии, новости, полезные советы и учебная информация. В своей совокупности фонды библиотек гармонично сочетали книги и пособия светского и духовного характера.

В последующие годы сумма, выделяемая на приобретение книг, варьировала от 500 до 800 р., что в целом демонстрирует стабильность поступлений и давало возможность выстраивать необходимые перспективы к последующим закупкам книг, а значит, коллекция библиотеки ежегодно пополнялась примерно установленным количеством книг. В 1909 г. в фонде библиотеки Астраханского епархиального женского училища насчитывалось 1 868 наименований в 5 428 экземплярах. К концу 1912 г. в фундаментальной библиотеке Астраханского епархиального женского училища 1 649 наименований в 6 139 экземплярах различных книг и пособий. Кроме этого, географических и

¹ Отчёт Астраханского епархиального женского училища // АЕВ. 1886. № 3. С. 113; Отчёт Астраханского епархиального женского училища // АЕВ. 1891. № 3. С. 51–52.

² Отчёт Астраханского епархиального женского училища // АЕВ. 1891. № 3. С. 52–56; Отчёт Астраханского епархиального женского училища // АЕВ. 1891. № 4. С. 60–64.

³ Отчёт Астраханского епархиального женского училища // АЕВ. 1913. № 32. С. 17.

исторических карт – 84 шт., три глобуса. Картин с изображением животного, растительного мира, картин выдающихся художников Российской империи в сумме насчитывалось – 147 экземпляров. В 1915 г. в фундаментальной и ученической библиотеках насчитывалось 3 023 тома книг 1 281 наименования, учебников и учебных пособий 3 225 экземпляров в 71 наименовании, 3 глобуса, 162 картины, географических и исторических карт 72 шт.¹ Библиотечный фонд Саратовского епархиального женского училища в 1879–1880 учебном году состоял из 1080 экземпляров книг 494 наименований. В составе библиотеки насчитывалось 71 название церковно-богословских книг в 102-х экземплярах, 167 наименований книг по русскому языку в 253-х экземплярах. Исторических книг насчитывалось 77 наименований в 124-х экземплярах, географических в 54 наименованиях и 91-м экземпляре, книг педагогического содержания было 29 наименований при 34 экземплярах; книги по естествознанию были представлены 36-ю наименованиями и 45-ю экземплярами. В составе библиотечного фонда содержалось 20 наименований журналов и газет в 324 экземплярах². Уже в 1912 г. библиотечный фонд Саратовского Иоанникиевского епархиального женского училища был укомплектован 1 014 наименованиями книг в 2 497 томах фундаментального фонда, ученическая библиотека состояла из 2009 книг разных наименований в 5 105 экземплярах³. Библиотека Саратовского Иоанникиевского епархиального женского училища в 1912 г. в количественных показателях превосходила ученический библиотечный фонд Саратовской Мариинской женской гимназии. В ученической библиотеке на 1 января 1916 г. имелось 1 597 наименований в 1 955 экземплярах. При том, в 1916 г. в фундаментальном фонде Саратовской Мариинской гимназии

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 1099. Л. 11; Д. 208. Л. 20; Отчёт Астраханского епархиального женского училища // АЕВ. 1913. № 32. С. 16; РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 1099. Л. 11.

² ГАСО. Ф. 710. Оп. 1. Д. 13. Л. 8 об.

³ ГАСО. Ф. 710. Оп. 1. Д. 13. Л. 8; Отчёт о состоянии Саратовского Иоанникиевского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1911–1912 учебный год // СЕВ. Саратов. 1913. № 1. С. 15.

насчитывалось 3 729 наименований книг в 8 315 экземплярах. В фундаментальной библиотеке Вольского епархиального женского училища (1915 г.) насчитывалось 798 наименований книг, в ученической 2 402 наименований книг и 244 учебных пособий¹. Таким образом, видно, что происходил рост библиотек, который естественным образом сказывался на качестве образования.

Стоит также отметить, что в библиотечный фонд пополнялся не только по рекомендованному списку литературы, но и по прямым заказам преподавателей и учителей. Библиотечные коллекции ежегодно пополнялись новыми учебными пособиями, научно-популярной и художественной литературой. Несомненно, доминирующее количество книг было религиозного характера, но покупалась и светская литературная классика². Например, в первые годы существования 2-го Саратовского епархиального женского училища в г. Вольске, училищная библиотека была укомплектована 610 книгами, из которых книг религиозно-нравственного содержания было 98 позиций, беллетристического содержания – 363 книги, исторических и географических очерков – 149 наименований книг³.

Комплектование библиотек находилось под строгим контролем государства и церкви, ровно, как и библиотекари. Цензура была четко регламентирована. Секретными правилами от 15 мая 1890 г. был установлен официальный каталог книг (3,8 тысяч изданий)⁴. Святейшим Синодом также создавались каталоги разрешенных книг, которые оформлялись как брошюры для пользования учителями, так и для комплектования библиотек. Создавались специальные брошюры и для законоучителей. Подобный контроль исключал формирование несоответствующего образа мысли у учениц, но одновременно с этим

¹ Теодорович Н.В. История Саратовского Мариинского института благородных девиц. Саратов, 1916. С. 81.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 1099. Л. 20–21.

³ Отчёт о состоянии 2-го Саратовского епархиального женского училища в г. Вольск в учебно-воспитательном отношении за 1902–1903 учебный год (второй со времени открытия училища // СЕВ. 1904. № 1. С. 22.

⁴ Гусева О.В. Становление системы народного образования в Саратовской губернии во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 88.

был катализатором к нарушениям дисциплины (о чём будет рассказано в следующей главе).

Физический и естественные кабинеты снабжались приборами и препаратами для прохождения опытов. Такими кабинетами заведовали преподаватели физики, химии, биологии. На их содержание в среднем расходе выдавалось от 50 до 100 р.¹ Всё же оборудование физических кабинетов епархиальных женских училищ уступало по оснащённости кабинетам Мариинских женских гимназий. Так, например, ученицы Астраханской Мариинской гимназии имели доступ не только к углицинковым батареям, электромагнитам, но и к рабочей модели паровой машины². Или, Саратовская Мариинская женская гимназия, в отличие от саратовских епархиальных училищ, имела не только физический кабинет, но и отдельные минералогический, химический, зоологический кабинеты³. Кабинеты музыки оснащались различными музыкальными инструментами и принадлежностями. Советы училищ обустраивали кабинеты музыки инструментами, взятыми в аренду в местных музыкальных магазинах. Астраханское епархиальное женское училище, например, пользовалось услугами магазина В.М. Бирюковой. Аренда была обоснована дороговизной покупки многих музыкальных инструментов, в основном крупногабаритных, таких как фортепиано⁴.

Проследить финансовую сторону женских церковно-приходских школ достаточно сложно, обосновано это тем, что женские церковные школы в статистических данных включались в общее количество школ, и не были самостоятельным предметом статистического анализа. Однако, воссоздать отрывочную историческую картину развития церковно-приходских школ Нижнего Поволжья предоставляется возможным благодаря немногочисленным архивным материалам и статьям со страниц местных епархиальных ведомостей.

¹ Гусева О.В. Становление системы народного образования... С. 88.

² ГААО. Ф. 650. Оп. 1. Д. 3. Л. 68.

³ Отчёт Саратовской Мариинской женской гимназии за 1888–1889 учебный год. Саратов, 1889. С. 18.

⁴ ГААО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 161. Л. 2 об.–3.

Анализ вопросов финансового обеспечения, к примеру, в Астраханской епархии, усложнён и тем, что некоторые благочинные и настоятели церквей высылали деньги на содержание церковно-приходских школ не в епархиальный училищный совет, а в Кирилло-Мефодиевское общество, не предоставляли об этом актов и счетов. Поэтому по Астраханской епархии, до 1897 г., сложно определить точные суммы финансирования церковно-школьного дела. С 1890 г. епархиальный училищный совет по этому вопросу распорядился высылать процентные отчисления напрямую в Училищный совет, подтверждая финансовые операции актом о высылке денег. Поступающая сумма в Училищный совет по итогам года направлялась в епархиальный училищный совет¹. В 1897 г. был организован новый порядок отчислений на церковно-приходские школы, непосредственно в епархиальный училищный совет². Таким образом, была упрощена система перевода и отчетности ассигнования церковно-приходских школ.

С церквей и монастырей с 1886 г. устанавливались размеры пожертвований и ежегодных отчислений – по 3% с кошелековых сумм и кружечного сбора, для Астраханского и Царёвского уезда был установлен индивидуальный процент: для Астраханского уезда – 20% отчислений, для Царёвского – 10%³. В 1887 г. поступило отчислений в размере 795 р. 75 к., приблизительно такая же сумма поступала и в последующие годы. Кладбищенская церковь г. Астрахани ежегодно вносила в церковно-школьный капитал по 150 р. По Указу Святейшего Синода от 27 июля 1888 г. за № 12 на монастыри возлагалась обязанность финансового содействия церковно-приходским школам. С 1889 г. Покрово-Болдинский, Чуркинский и Иоанно-Предтеченский монастыри отчисляли на содержание церковных школ по 15 р., Благовещенский женский монастырь – по 10 р., экономическое управление архиерейского дома – по 15 р. Таким образом, ежегодно с местных сумм на содержание церковно-

¹ Извлечение из Отчёта о состоянии церковно-приходских школ грамоты Астраханской епархии за 1891–92 уч. год // АЕВ. 1891. № 7. С. 118.

² От епархиального училищного совета // АЕВ. 1897. № 7–8. С. 282.

³ От епархиального училищного совета // АЕВ. 1897. № 9. С. 337–338.

приходских сумм поступало 900 р. Все средства поступали в епархиальный училищный совет¹. С 1898 г. по постановлению Астраханского епархиального училищного совета (от 11 марта 1897 г. за № 24) сумма пожертвований с монастырей распределялась по уездным отделениям: так, например, городскому отделению отчислялось 20 %, а Царёвскому – 10%².

Церковно-приходские школы содержались не только за счёт православного ведомства: школы получали пособия из государственной казны и отчисления от земских учреждений, пожертвования частных лиц и обществ. С 1887 г. в Астраханской епархии на содержание церковно-приходских школ стали поступать средства по смете земских повинностей. Эти суммы поступали по трёхлетиям: в 1887–1889 гг. – 30 000 р., 1890–1892 гг. – 36 000 р., 1893–1895 гг. – 63 000 р., 1896–1898 гг. – 63 000 р., 1899–1901 гг. – 63 000 р., в 1902 г. поступило 21 000 р. В 1890 г. Астраханский епархиальный училищный совет получил в распоряжение пособие «по смете земских повинностей» в размере 36 000 р. Из которых на постройку зданий церковно-приходских школ было потрачено 5 790 р. Нередкими были и случаи меценатства со стороны частных лиц, например, в Красноярском уезде Астраханской губернии на Чуркинском рыбном промысле на средства гр. Базилевского (владелец промысла) была построена церковно-приходская школа, которая в дальнейшем им и содержалась³. В 1894 г. из Государственной казны на финансовое обеспечение церковно-приходских школ Российской империи было выделено 700 000 р., в 1895 г. – 3 279 р. 145 к., а в 1899 г. – 1 859 р. 605 к⁴. Из этих средств на содержание церковных школ Астраханской епархии поступило 183 225 р.: в 1896 г. – 5 470 р., 1897 г. – 11 500 р., в 1898 г. – 14 845 р. 48 к., в 1899 г. – 10 000 р., в 1900 г. – 39 470 р., в 1901 г. – 41 470 р., в 1902 г. – 59 470 р.⁵

¹ Благодоров М. Церковные школы в XIX веке // АЕВ. 1905. № 20. С. 851.

² Там же. С. 852.

³ Извлечение из Отчёта о состоянии церковно-приходских школ грамоты Астраханской епархии за 1891–1892 уч. год // АЕВ. 1893. № 7–8. С. 213.

⁴ ЦВ. 1895. № 29. С. 295; 1899. № 27. С. 234–235.

⁵ Благодоров М. Церковные школы в XIX веке // АЕВ. 1905. № 20. С. 851.

После обнародования правил о церковно-приходских школах на содержание школ стали поступать деньги из местных источников, а именно: от церквей, церковно-приходских попечительств, от сельских и городских обществ, от монастырей (сверх обязательных 15 и 10 р.). Из данного источника на содержание церковно-приходских школ Астраханской епархии в 1886–1887 учебный год поступило 15 000 р., в 1887–1888 – 27 231 р., в 1888–1889 – 29 358 р. 95 к., в 1889–90 – 27 484 р. 30 к., 1890–1891 учебный год – 13 519 р. 02 к., в 1891–1892 – 6 469 р. 90 к., в 1893–1894 – 17 786 р. 40 к., 1896–1897 – 25 205 р. 24 к., в 1898 г. – 57 602 р. 90 к., 1899 г. – 97 129 р. 29 к., в 1900 г. – 52 365 р. 99 к., в 1901 г. – 56 422 р. 77 к., в 1902 г. – 68 827 р.¹ Однако стоит признать эти данные приблизительными, поскольку некоторые из поступлений не вносились в общую сумму. Например, натуральные поступления (учебники, дрова, бумага, чернила и т. д.).

Для общей иллюстрации источников содержания астраханских церковно-приходских школ, отметим в качестве примера, 1894–1895 учебный год. В этот год на содержание церковных школ поступило 20 184 р. 50 к., из которых: 9 927 р. – земские сборы, 3 435 р. 55 к. – от церквей, 200 р. – от монастырей, 400 р. – от главного управления калмыцким народом, 276 р. 96 к. – от комитета миссионерского общества. Церковно-приходские попечительства направили на содержание церковных школ 1 909 р. 40 к., сельские общества – 2 590 р. 40 к., городские общества – 505 р., попечители и благотворители 937 р., 19 к.²

Таким образом, проанализировав данные за 1884–1902 гг., видим, что наибольшая доля средств финансирования церковно-приходских школ приходилась на местные источники. Значительную часть бюджета церковно-приходских школ составляли пособия из Государственной казны, однако сумма дотаций была достаточно плавающая. За постепенным увеличением ро-

¹ Благодоров М. Церковные школы в XIX веке... С. 853.

² Там же. С. 852, 854.

стом суммы пособий (с 1896 по 1898 г.) наблюдаются спад объемов финансирования в 1899 г., в 1900–1902 гг. отмечен существенным ростом субсидирования. Земские сборы оказывали существенное влияние на материальное состояние церковных школ, но в Астраханской губернии были третьим, по объёму, источником финансирования¹. Подобная тенденция наблюдается и с финансированием церковных школ Саратовской епархии. Так, например, по статистическим данным за 1884–1889 гг., с ростом числа школ увеличивался и объем финансовых средств, поступавших на их содержание. Если в 1884 г. для 45 школ было отпущено 2 404 р. 15 к., то в 1885–1886 учебном году на содержание 93 школ поступило 9 262 р. 63 к., в 1886–1886 г. – 9 678 р. 90 к. для 127 школ, в 1887–1888 г. – 20 082 р. 37 к. для 312 школ, в 1888–1889 г. – 30 218 р. 27 к. для содержания 431 школы². Содержание церковных школ Царицынского уезда из общих средств Саратовского епархиального училищного совета в 1888–1889 г. осуществлялось на 1 810 р. 85 к., в 1889–1890 г. – 1 264 р. 75 к., в 1890–1891 г. 1 979 р. 24 к., в 1891–1892 г. – 1 855 р. 78 к., в 1892–1893 г. – 8 560 р. 32 к., в 1893–1894 г. – 2 176 р.³ В 1897 г. Святейшим Синодом на содержание церковных школ Саратовской епархии было направлено 68 405 р., из которых на ремонт и постройку зданий и помещений церковно-приходских школ выделялось 6 000 р., на пособие законоучителям и учителям – 12 225 р., на книги, учебные пособия для классного чтения – 5 290 р. (по 10 р. на школу), на снабжение учеников учебниками и письменными принадлежностями – 5 940 р. К статьям расходов были включены и мелкие траты в 529 школах грамоты, для этого каждой школе грамоты выделяли по 25 р.⁴ В 1899 г. из целевых средств – 76 816 р. на ремонт и постройку зданий было направлено 10 686 р., на жалование законоучителям и мелкие расходы – 39 650 р., на содержание двух второклассных школ и аренду помещений – 3 540 р., на оплату работы служащих канцелярии епархиального училищного совета – 1 000 р.,

¹ Благодоров М. Церковные школы в XIX веке... С. 854

² ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

³ Там же. Л. 5.

⁴ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 351. Л. 3 об.–4.

на жалование десяти уездным наблюдателям – 6 660 р., епархиальному наблюдателю – 2 000 р. На приобретение книг и учебников для детей поступила сумма в размере 5,660 р., а на приобретение книг для классного чтения – 6 120 р. На эти средства, выделенные Святейшим Синодом, предполагалось открытие женских церковно-приходских школ¹. В 1903 г. субсидий по смете Святейшего Синода в Саратовский епархиальный училищный совет поступило в размере 177 040 р. 66 к., из которых на содержание существующих и открытие новых церковно-приходских школ и школ грамоты, в том числе и женских, было выделено 148 900 р.² Из общей суммы поступило 14 814 р. на устройство и содержание второклассных школ с учительскими курсами для обеспечения Саратовской епархии подготовленными учителями для школ грамоты³. В 1904 и 1905 гг. Саратовская епархия получала пособия от Святейшего Синода по смете 1903 г.⁴ В 1906 г. Саратовский епархиальный училищный совет получил от Святейшего Синода 178 486 р.⁵, в 1907 г. – 184 230 р.⁶, в 1910 г. – 248 709 р.⁷, в 1916 г. – 544 564 р.⁸ Всё же средств, поступающих от Святейшего Синода, было недостаточно для обеспечения разветвлённой сети церковно-приходских школ, поскольку реальные потребности требовали больших затрат. Так, например, в 1905 г. расход на содержание церковных школ в Саратовской епархии составил 266 333 р. 40 к.⁹

Финансирование церковно-приходских школ Саратовской епархии осуществлялось также за счёт местных средств. Так, по отчёту за 1889–1890 учебный год, пособия от церквей составили 2 696 р., монастырей – 300 р., Епархи-

¹ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 440. Л. 2–4.

² ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 627. Л. 3.

³ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 627. Л. 3.

⁴ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 737. Л. 5; Д. 794. Л. 6.

⁵ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 839. Л. 6.

⁶ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 903. Л. 22 об.

⁷ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 1094. Л. 23.

⁸ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 1421. Л. 3 об.

⁹ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 794. Л. 1.

ального училищного совета поступило 4 219 р. 48 к.; земства – 8155 р.; приходских попечительств – 3 190 р. 73 к.¹ Волостные и сельские общества направили на содержание церковных школ 4 964 р. 73 к., городские общества – 1 900 р., попечители и благотворители – 4 307 р. 39 к., средств с оплаты за обучение поступило 889 р. Таким образом, общая сумма местного финансирования церковных школ составила 31 157 р. 51 к., при этом нереализованными остались 2 077 р. 10 к.²

Кроме денежных средств, церковно-приходские школы получали земельные участки, до трёх десятин на каждую школу. Земельный фонд церковных школ Саратовской епархии в 1889–1890 учебном году был оценён в 535 р. 8 к.³ Также школам в качестве казенного обеспечения предоставляли древесный материал на строительство, ремонт и отопительную систему школьных зданий⁴. Стоит отметить, что снабжение астраханских церковных школ строительным материалом за счёт лесных ресурсов губернии было осуществлено невозможно ввиду природных особенностей губернии.

Размер отчислений на содержание церковно-приходских школ не был стандартизирован и зависел от многих факторов: количества учителей и детей, постройки зданий школ, найма помещений, расходов на прислугу и энергию и т. д. Приведём частные примеры. 4 881 р. 44 к. были направлены на содержание всех церковно-приходских школ Черноярского уезда Астраханской губернии в 1896–1897 учебном году, из них в церковные школы поступило 4 025 р. 44 к., в школы грамоты – 856 р.⁵ Данная сумма сформировалась за счёт поступлений от церквей (384 р. 65 к.), сельских обществ (804 р.), церковно-приходских попечительств (559 р. 54 к.), комитета православного миссионерского об-

¹ Арчебасова Н.А. Начальное народное образование в Царицынском уезде Саратовской губернии в 1861–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2000. С. 104.

² ГАСО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 148. Л. 140.

³ ГАСО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 148. Л. 140.

⁴ Определение Святейшего Синода // ЦВ. 1897. № 28. С. 295–296.

⁵ ГААО. Ф. 954. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

щества (698 р. 25 к.), управления калмыцким народом (400 р.), из сумм епархиального училищного совета (2 035 р.)¹. Такая сумма представляется очень скудной по сравнению с финансированием 1-го женского приходского училища г. Астрахани в 1884 г., на содержание которого из Астраханкой городской управы было направлено 1 357 р. 50 к.² По смете (1911 г.) на содержание всех церковных школ Енотаевского уезда Астраханской губернии выделялось 8 543 р. 36 к.³

Очевидно, что распределение денежных средств на содержание церковно-приходских школ зависело от первостепенных задач и решения особо острых проблем. Большая часть зданий церковных школ нуждалась в ремонте, арендованные помещения зачастую не отвечали требованиям к условиям школьной жизни. В то время постройка одной школы обходилась в среднем в от 5 000 до 18 000 р. Так, по смете на постройку второклассной женской церковно-приходской школы в Капустином Яру Царёвского уезда Астраханской губернии требовалось 22 524 р. 51 к.⁴ При этом сохранялась проблема тесноты школьных построек, которые не вмещали всё количество желающих в них обучаться, как, например, в Тамбовской церковно-приходской школе Астраханского уезда. Постройка дополнительного помещения для младших классов на 48 человек в 1912 г. обошлась в 3 700 р.⁵ Особого внимания требует обращение к примерам частной инициативы благотворителей на постройку церковных школ, которые на собственные средства не только строили здания школ, но и содержали педагогический коллектив, снабжали школы необходимыми книгами и принадлежностями. Так, дворянкой С.Д. Волковой в период 1890 г. была открыта школа грамоты в с. Никлюдовка Кузнецкого уезда Саратовской губернии, в 1901 г. учредительница построила здание школы. До 1910 г. школа

¹ ГААО. Ф. 954. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

² ГААО. Ф. 651. Оп. 5. Д. 2. Л. 30 об.

³ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 10. Л. 3 об.

⁴ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 3. Л. 17, 18–20.

⁵ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 12. Л. 133–134.

грамоты существовала исключительно на средства С.Д. Волковой, в дальнейшем Святейший Синод направлял на нужды школы по 200 р. в месяц¹. Или, например, в г. Царицыне при общей численности детей школьного возраста в 7 149 чел. нуждавшихся в начальных школах было 6 814 чел.² Всё это говорит о том, что реальные потребности в начальном образовании не могли быть реализованы за счёт существовавшего количества школ, как светских, так и церковно-приходских, поэтому было важно развивать темпы строительства школ соизмеримо с приростом детского населения.

Школы нуждались и в учебных принадлежностях: картинах, счётах, кубических ящиках, глобусах, картах, письменных принадлежностях и т. п. В Зармутинской школе Красноярского уезда Астраханской губернии не было даже парт, дети занимались за крестьянскими кухонными столами³. Поступающие денежные средства расходовались на комплектование библиотек и обеспечение учеников учебниками и школьными принадлежностями. Школьные библиотеки ежегодно пополнялись книгами, список которых определял епархиальный училищный совет. В 1891–1892 учебном году в церковно-приходские школы Астраханской губернии было разослано 673 книги, а также осуществлена закупка 2 000 экземпляров книг Д. Попова «Для чтения и письменных работ по русскому языку» на сумму 400 р., рекомендованных Учебным комитетом учебных книг пособий на сумму 4 487 р. 70 к.⁴ В 1912–1913 учебном году Издательской комиссией Училищного комитета при Синоде в отношении уездных отделений Саратовского епархиального училищного совета было выслано учебников, пособий и письменных принадлежностей на общую сумму 11 471 р.⁵, в 1910 г. на обеспечение книгами школ выделено 26 052 р.,

¹ ГААО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 77. Л. 1 об.

² ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 1174. Л. 1.

³ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 4. Л. 202; Д. 14. Л. 14.

⁴ Извлечение из Отчёта о состоянии церковно-приходских школ грамоты Астраханской епархии за 1891–1892 уч. год // АЕВ. 1893. № 7–8. С. 209.

⁵ Извлечение из Отчёта о состоянии церковно-приходских школ грамоты Астраханской епархии за 1891–1892 уч. год // АЕВ. 1893. № 7–8. С. 211.

дополнительно книг было продано на 14 700 р.¹, в 1911 г. поступило на закупку книг 15 579 р., продано книг на 24 344 р.² Дети из обеспеченных семей приобретали учебники на собственные средства через заведующих школами. «Беднейшим» ученикам учебники и школьные принадлежности выдавались бесплатно. Среди письменных принадлежностей в смету включались: карандаши, бумага, чернила, перья, графили, аспидные доски, которые приобретались на церковные средства или средства церковно-приходских попечительств и сельских обществ. Детям состоятельных родителей письменные принадлежности продавались³. Но и в данном направлении существовали проблемы на практике. В докладе Черноярского уездного наблюдателя (1896 г.), священника Ксенофонта Циндровского отмечалось, что школы грамоты с. Аксай снабжались учебными пособиями крестьянским обществом через сельского старосту, наблюдались перебои в покупке и поставке книг, их недостаточное количество. Учебники и принадлежности приобретались без согласования с заведующими школ, покупки осуществлялись не из отделения епархиального училищного совета, а от частных продавцов г. Царицына⁴. В докладе астраханского уездного наблюдателя А. Летницкого (1911 г.) замечено, что во многих школах отсутствовали книги для классного чтения⁵. Как следствие, библиотеки школ были достаточно скудными и практически не пополнялись⁶. Подобная ситуация с обеспечением учениц учебными пособиями негативно сказывалась на ход образовательного процесса и его результаты.

Более удовлетворительной была ситуация в народных училищах МНП. Так, состояние библиотеки 1-го женского приходского училища г. Астрахани к январю 1885 г. было следующим: в фундаментальной библиотеке содержалось 162 наименования книг в 245 томах, в ученической библиотеке –

¹ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 1106. Л. 1 об.

² Там же. Л. 3 об.

³ Извлечение из Отчёта о состоянии церковно-приходских школ грамоты Астраханской епархии за 1891–1892 уч. год // АЕВ. 1893. № 7–8. С. 211.

⁴ ГААО. Ф. 743. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.

⁵ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 11. Л. 16 об.

⁶ ГААО. Ф. 743. Оп. 1. Д. 1. Л. 30; Ф. 954. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

121 наименование книг в 252 томах, учебных пособий – 72 наименования в 454 томах. Также училище было снабжено глобусом, историко-географической картой, прописями (6 шт.), картинами шести наименований в 373 экземплярах, азбукой (12 шт.), сборниками арифметических задач (4 шт.), учебниками по арифметике (7 шт.), другими пособиями (930 шт.). Среди книг религиозного характера в фундаментальной библиотеке содержалось три молитвослова, восемь книг по Священной истории, две исторические картины, две богослужебные книги¹. В 1911 г. библиотечный фонд училища составлял: учебных пособий – 30 наименований в 436 экземплярах; книг ученической библиотеки – 334 наименования в 520 экземплярах; книг учительской библиотеки – 226 наименований в 372 экземплярах². При этом годовой расход на приобретение новых книг и учебных пособий постепенно сокращался и в среднем составлял 150 р.³ В 10-м городском женском приходском училище г. Астрахани фонд библиотеки состоял из 60 наименований в 1 100 экземплярах учебных пособий для учеников, 34 названий в 218 томах учебников и пособий для учительской библиотеки. Фундаментальная библиотека была укомплектована: 463 названия книг в 1 250 томах – для учениц, 234 книги в 1 723 томах – для учителей⁴. Внушительный фонд книг религиозного содержания был сформирован в 15-м женском городском училище г. Астрахани⁵.

Особой статьей расходов церковно-приходских школ было обеспечение жалованием учителей. Учительский труд в церковно-приходских школах Нижнего Поволжья не был строго фиксированным, оплата труда напрямую зависела от ежегодных поступлений в бюджеты школ⁶. В расходы на содержание учителей включали аренду квартиры, оплату коммунальных услуг. Учи-

¹ ГААО. Ф. 651. Оп. 5. Д. 2. Л. 29.

² ГААО. Ф. 651. Оп. 5. Д. 4. Л. 27.

³ ГААО. Ф. 651. Оп. 5. Д. 3. Л. 17.

⁴ ГААО. Ф. 651. Оп. 5. Д. 5. Л. 54.

⁵ ГААО. Ф. 36. Оп. 6. Д. 1. Л. 1 об.; Ф. 651. Оп. 3. Д. 16. Л. 3.

⁶ Дорофеева А.А. Педагогические кадры церковно-приходских школ Астраханской губернии в конце XIX – начале XX века // Преподавание истории в школе. 2022. № 5. С. 89.

теля-предметники часто учителями на замену и за уроки, например, Закона Божьего, получали поурочные надбавки¹. Однако постепенный прирост в размере заработных плат был несоизмерим с ростом цен на потребительские товары: к примеру, в 1897 г. стоимость муки по Астраханской губернии варьировала от 4 до 5 р. за пуд, соли – от 8 до 35 к. за пуд, черный чай продавали по стоимости 17 р. 4 к. за фунт, сахар рафинад в среднем стоил 6 р. 8 к. Поэтому материальное положение учителей церковно-приходских школ оставалось на низком уровне. Сложнее всего было сельским учителем, заработная плата которых варьировала от 15 до 20 р. в месяц (по Астраханской губернии). При такой зарплате учителя за собственный счёт приобретали учебно-методические пособия, необходимые для работы, а также одежду, обувь и т. д. К примеру, в 1880-е гг. средняя стоимость потребительской корзины в Саратовской губернии составляла примерно 38 р. ежемесячных затрат без учёта стоимости аренды квартиры и отопления. Так, на продукты питания одного учителя в среднем выходило 18 р., потребление воды – 1 р., приобретение одежды – 10 р., церковные требы – 1 р., покупку медикаментов – 1 р., книги – 4 р. Если же учителя были вынуждены нести расходы за аренду жилья и отопление, то стоимость их жизни достигала 66 р.² К сравнению: в 1899 г. стоимость потребительской корзины рабочих составляла от 234 до 332 р. в год, расходы на одежду в год в среднем выходили на 51 р. 25 к., лечение – 4 р., газеты, библиотеки, театр, развлечения – 2 р. 60 к., продукты питания – 144 р.³ Таким образом, необходимо было обеспечить учительские кадры годовым жалованием в размере не менее 450 р., и это при том, что средняя зарплата учителей только к 1917 г. приблизилась к 300 р. Такое материальное положение отпугивало квалифицированные кадры, поэтому в сельские школы привлекали малоопытных молодых учителей, из выпускниц епархиальных женских училищ, что позволяло экономить расходы на оплату труда. Обучая детей в отдалённых

¹ Дорофеева А.А. Педагогические кадры церковно-приходских школ... С. 89.

² ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 910. Л. 11.

³ Кирьянов Ю.И. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 340.

местах, молодые педагоги часто сталкивались со множеством трудностей: задержки оплаты, финансовая неспособность крестьян оплачивать труд педагогов, недостаток выделяемых средств по смете земских повинностей, отказы сельских обществ от содержания учителей, – были не повсеместной, но частой практикой на территории Нижнего Поволжья. Естественно, что в таких условиях оседлость молодых специалистов была редким случаем, а бесперспективность труда – основной причиной оттока учителей в министерские школы, текучести кадров церковно-приходских школ¹. Так, в 1892–1893 учебном году большая часть учителей из духовенства Саратовской епархии осуществляла педагогическую деятельность в церковных школах безвозмездно. Только в Вольском уезде в школах, переданных от земств в управление духовенства, священники-законоучители получали по 22 р. 50 к. в год, дьяконы и псаломщики – по 67 р. 50 к., учителя и учительницы, не относившиеся к духовному званию, получали жалование 120, 140, 180 и 200 р. в год. В школах Хвалынского уезда священники были обеспечены жалованием в 40 р., дьяконы – по 75 р., псаломщики – по 35 р., учителя не духовного звания – от 120 до 180 р. В некоторых школах, например, Камышенского уезда, выдавалось жалование только учителям, не принадлежавшим к духовенству, а учительницам – по числу учеников в школе².

Неравномерное распределение жалования учителей с приоритетным содержанием светских лиц зависело, главным образом, от недостатка денежных средств на содержание всего педагогического состава. Такая ситуация приводила к тому, что заработную плату учителям выплачивали не за труд, а за их социальное положение. Учителям, не занимавшим должностей в церковном

¹ Дорофеева А.А. Педагогические кадры церковно-приходских школ... С. 89.

² Отчёт Саратовского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты в Саратовской епархии за 1892–1893 учебный год. Саратов, 1894. С. 28.

приходе, полагался размер жалования по таким критериям, как образовательный ценз и продолжительность работы в церковных школах, а также в зависимости от семейного положения¹.

В Саратовской епархии заработная плата учителей (женского пола) в 1894–1895 учебном году была следующей: два человека получали ежемесячное жалование в размере 30 р., один человек – 32 р., один – 20 р., 10 к., один – 41 р., один человек – 45 р., трое человек – 60 р., один – 66 р., один – 72 р., один – 90 р. и восемь человек – 120 р.² Среди всего педагогического состава учителей церковных школ были лица, получавшие жалование из средств Саратовского епархиального училищного совета (42 чел.). Их ежемесячное жалование было следующим: 10 р. (1 чел.), 30 р. (17 чел.), 32 р. (1 чел.), 48 р. (4 чел.), 50 р. (2 чел.), 60 р. (15 чел.), 72 р. (1 чел.), и 90 р. (1 чел.)³. Жалование законоучителей, к примеру, в Хвалынском уезде Саратовской губернии, варьировало от 10 до 110 р., средняя ежемесячная заработная плата законоучителей Хвалынского уезда Саратовской епархии составляла 39 р. 9 к. в месяц. В данном уезде ежемесячное жалование получали: один человек в размере 10 р., восемь – по 15 р., десять человек – по 20 р., по одному человеку получали зарплату в размере 23, 25, 52 и 110 р., трое – по 22 р., ещё трое – по 60 р., четыре законоучителя получали жалование по 75 р., пятеро – по 40 р. и шестеро – по 90 р. в месяц⁴. Исходя из этого видно, что минимальный годовой оклад по Хвалынскому уезду составлял 120 р., максимальный – 1 320 р. По сравнению с Астраханской епархией, жалование законоучителей в первые годы XX в. уже было больше. Так, в 1900 г. годовые оклады законоучителей церковных школ Астраханской епархии не превышали 360 р., в 1901 г. – 400 р. Большее количество учителей были обеспечены годовым жалованием в 240 р. (82 чел.) и 180 р. (35 чел.), в меньшей степени – по 120 р. (3 чел.), 300 р. (5 чел.) и 360 р.

¹ Отчёт Саратовского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты в Саратовской епархии за 1892–1893 учебный год. Саратов, 1894. С. 28.

² ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 293. Л. 2–12.

³ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 293. Л. 24–25.

⁴ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 293. Л. 19–23.

(1 чел.)¹. В 1901 г. число учителей с окладом в 240 р. увеличилось до 101 человека, по 180 р. получали 29 человек, по 300 р. – 13 человек, по 360 р. – два человека, двое получали по 400 р., ещё двое – по 120 р.² В частности, жалование учителей церковных школ Черноярского уезда Астраханской губернии составляло от 20 до 132 р., учительница Каменоярской женской школы получала 90 р. оклад и 10 р. доплату за уроки пения³.

Таким образом, епархиальными училищными советами Нижнего Поволжья проводилась политика по постепенному улучшению материального положения учителей церковных школ, а значит и улучшению качества их жизни. К примеру, Астраханским епархиальным училищным советом была пересмотрена ежегодная смета на содержание церковных школ (1902 г.), запрашиваемая сумма составила 91 000 р., за счёт которой расширялся контингент учителей одноклассных церковно-приходских школ с окладом 300 р. и учителей школ грамоты с окладом 120 р. Важным шагом, судя по смете, стало и решение вопроса о постепенном переводе законоучителей-священников на учительское жалование. Семеро законоучителей получали за преподавательскую деятельность от 30 до 60 р. в месяц, но только, если церковные школы находились в отдалённых приходах⁴.

По смете расходов (1911 г.) Царёвского уезда Астраханской губернии на содержание учителей женских церковно-приходских школ видно, что практически все учителя получали 300 р. в год. Из 17 человек восемь учителей имели годовой оклад в 300 р., трое учителей получали 100 р. в год, один человек – 240 р. в год, двое учителей – по 120 р. в год, один учитель – 60 р. в год. Таким образом, средняя заработная плата учителей в женских церковно-приходских школах по уезду была в размере 209 р⁵. В Енотаевском уезде сметой

¹ Извлечение из отчета о состоянии церковно-приходских школ грамоты Астраханской епархии за 1889–1900 уч. год // АЕВ. 1901. № 17. С. 17.

² Там же. С. 15.

³ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 4. Л. 357.

⁴ Дорофеева А.А. Педагогические кадры церковно-приходских школ... С. 89.

⁵ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 11. Л. 379–382 об.

на жалование учителей женских церковно-приходских школ предусмотрен годовой оклад в 300 р. Из средств, направленных Училищным советом, заработной платой в указанном размере были обеспечены учителя Селитренской женской церковно-приходской школы, Покровской женской церковно-приходской школы в с. Болхуны¹. За уроки Закона Божьего устанавливалась доплата в 60 р. в Ивановской и Енотаевской женских церковно-приходских школах². Данные показатели иллюстрируют факт – рост финансового обеспечения учителей стимулировал рост их количества в церковных школах, но весьма медленно и локально³.

Епархиальное начальство проводило свою политику, будь то финансовую либо кадровую, с оглядкой на министерские школы, поэтому уровень зарплат старались максимально приблизить к зарплатам учителей школ МНП. Так, в Астраханской губернии, согласно закону от 3-го мая 1908 г., минимальный оклад учителей составлял 360 р. при предоставлении жилья. К 1912 г. в системе народного образования Астраханской губернии 34,7 % учителей были обеспечены окладом не более 300 р., 41 % – жалованием в 360 р., 24,3 % учителей – жалованием в 400 р.⁴ В 1912 г. средняя зарплата учителей церковно-приходских школ Астраханского уезда составляла 237 р. 27 к.⁵ В 1913 г. средняя заработная плата учителей женских церковных школ Черноярского уезда составляла 264 р. 6 к.⁶, законоучителей женских церковных школ Царёвского уезда – 277 р.⁷

В Балашовском уезде Саратовской губернии в 1905 г. учителя получали 420 р. (1 чел.), 360 р. (3 чел.), 300 р. (11 чел.), 240 р. (20 чел.), 180 р. (8 чел.),

¹ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 10. Л. 3 об.

² Там же. Л. 5 об.

³ Дорофеева А.А. Педагогические кадры церковно-приходских школ... С. 89.

⁴ Там же.

⁵ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 12. Л. 17–18.

⁶ Там же. Л. 382.

⁷ Там же. Л. 522 об.

120 р. (30 чел.), 50 р. (41 чел.)¹. Если в 1908 г. годовой оклад учителей церковных школ Саратовской епархии в размере 300 р. получали три человека, 180 р. – семеро, 240 р. – пятеро, 120 р. – трое, 228 р. – один человек, 156 р. – один человек, 246 р. – один человек², то в 1909 г. количество учителей с окладом 300 р. увеличилось до двенадцати, а учителей с окладом 180 р. сократилось на три человека, одному учителю был повышен оклад до 216 р.³ В Царицынском уезде Саратовской губернии, к примеру, в 1911 г., средняя заработная плата законоучителей 11 женских городских училищ Министерства народного просвещения и 12 церковно-приходских школ составляла 50 р. в месяц⁴. В 1912 г. учителя церковно-приходских школ уезда получали годовое жалование в размере 120 р. (1 чел.), 180 р. (6 чел.), 240 р. (4 чел.), 300 р. (14 чел.), 360 р. (1 чел.). В 1913 г. 300 р. получали уже 30 учителей, 360 р. – один человек, 180 р. – один человек, 240 р. – шестеро⁵. В 1915 г. ежемесячное жалование законоучителей в размере 30 р. получали 15 человек, 60 р. – восемь, по одному человеку получали 90 и 110 р. Оклад учителей женского пола составлял: 360 р. (25 чел.), 300 р. (18 чел.), 480 р. (1 чел.), 240 р. (16 чел.), 230 р. (1 чел.), 216 р. (1 чел.), 180 р. (1 чел.)⁶.

Из приведённых данных видно, что финансовая политика нижеволжских епархиальных училищных советов была направлена на постепенное уравнение заработных плат учителей, приближенной к комфортной для существования сумме в 300 р. Кроме этого, оплата труда напрямую зависела от уровня образовательного ценза учителей и, конечно, учебной нагрузки. Лица со средним образованием в школах грамоты получали по 240 р. в год, учителя с окончанным курсом второклассной школы – 180 р. Учителя, получившие образование в низших городских училищах, обеспечивались окладом в 180 р., прочие

¹ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 817. Л. 6–32.

² ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 1031. Л. 2.

³ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 1031. Л. 2.

⁴ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 1174. Л. 3.

⁵ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 1290. Л. 2–5.

⁶ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 1381. Л. 2–15.

лица – по 120 р.¹ В Балашовском уезде жалование учителей было от 84 до 435 р.²

Данная тенденция заметна и по статистическим данным об учителях церковно-приходских школ Саратовской епархии за 1916 г. Из 1 481 чел. полный оклад из средств по смете Святейшего Синода (так называемый казённый оклад) получали 1 105 чел., на неполном казённом окладе состояли 187 чел., постепенно сокращалась практика использования безвозмездного труда учителей и преподавателей Закона Божьего, но по прежнему их количество было весомым – 189 чел. на 1916 г.³ Размер жалования учителей церковных школ напрямую зависел от финансирования с мест. Нередкими были случаи отказа земств в предоставлении пособия на жалование учителей. Например, в 1905 г. Хвалынское уездное земство отказало Саратовскому епархиальному училищному совету в предоставлении денежной субсидии (6 000 р.) на заработную плату учителей. Отсутствовали средства для покрытия не поступившей субсидии и в Саратовском епархиальном училищном совете, поэтому жалование учителей сократили⁴. Данную сложную ситуацию попытался решить Святейший Синод, ассигновав 840 р. для частичного восполнения недостачи⁵. Таким образом, годовое жалование учителей уезда было следующим: 300 р. – 14 человек, 240 р. – пять человек, 180 р. – шесть человек, 120 р. – три человека⁶. Или, наоборот, во внутренней деловой переписке саратовского епархиального наблюдателя с саратовской духовной консисторией очень часто поднимался вопрос, связанный с просьбой сельских обществ об освобождении их от налога на содержание волостных школ, поскольку их дети обучаются исключительно в церковно-приходских школах⁷. Такие факты ярко демонстрируют не прямое

¹ ГАСО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 35. Л. 5.

² Там же. Л. 8 об.–9.

³ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 1428. Л. 4–32.

⁴ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 839. Л. 26.

⁵ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 839. Л. 26 об.

⁶ Там же. Л. 27.

⁷ ГАСО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

использование денежных средств населения, осуществлявшееся не по реалиям, а по общепринятым нормам.

По мере расширения сети церковно-приходских школ увеличивались и расходы на содержание учителей. Так, в 1910 г. по сравнению с 1907 г. расход на содержание учителей увеличился в три раза¹. Для сравнения обратимся к аналогичным данным в светских образовательных учреждениях. Так, в 1882 г. ежемесячное жалование законоучителя 6-го Саратовского городского женского начального училища составляло 133 р. 36 к.² В 1884 г. в 2-м Саратовском женском городском начальном народном училище годовой оклад законоучителя составлял 250 р.³, такая же сумма годового оклада была и в 4-м Саратовском женском городском начальном училище⁴. В 7-м Саратовском женском городском начальном училище размер оклада законоучителя был 200 р.⁵ В 1-м Женском приходском училище г. Астрахани заработная плата законоучителя составляла 120 р. в год, учителя грамоты – 330 р., учителя рукоделия – 250 р.⁶ По смете содержания саратовских городских начальных училищ в 1896 г. годовой оклад законоучителей был в диапазоне 150–350 р., всего на жалование законоучителей от Городской думы было выделено 3 850 р.⁷ По годовой смете на содержание 20-ти существовавших (на 1896 г.) городских начальных училищ г. Саратова выделялось на жалование законоучителям 3 850 р., годовой оклад законоучителей варьировал от 150⁸ до 350 р. В 1898 г. в 1-м Саратовском городском женском начальном училище ежемесячное жалование законоучителя составляло 37 р. 50 к.⁹, во 2-м – 20 р. 83 к., в 3-м – 12 р. 50 к., в 4-м, 8-м и 9-м – 16 р. 66 к., в 6-м и 7-м – 20 р. 83 к.¹⁰, в 10-м – 8 р.

¹ ГАСО. Ф. 136. Оп. 1. Д. 903. Л. 27–44; Д. 1023. Л. 8, 37; Д. 1094. Л. 4, 22–23.

² ГАСО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 76. Л. 3.

³ ГАСО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

⁴ ГАСО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.

⁵ ГАСО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 96. Л. 2.

⁶ ГААО. Ф. 651. Оп. 5. Д. 2. Л. 29 об.

⁷ Справочная книжка городской исполнительной училищной комиссии в Саратове. Саратов, 1896. С. 45.

⁸ Там же.

⁹ ГАСО. Ф. 566. Оп. 1. Д. 32. Л. 4–5.

¹⁰ ГАСО. Ф. 566. Оп. 1. Д. 32. Л. 5–7.

33 к.¹ В городских начальных училищах годовое жалование было от 150 до 250 р.²

В 1904 г. законоучитель Бековского двухклассного училища был обеспечен жалованием в 150 р. в год, Павловского двухклассного училища – в 100 р. в год³. В некоторых женских городских училищах учительницам и законоучителям выделялись денежные вознаграждения за отличие по службе в размере 25 р.⁴ В 1910 г. учителя женских приходских училищ получали от 180 до 1 056 р. в год. Например, в 7-ом женском приходском училище заработная плата учительницы составляла 420 р. в год, в 4-ом училище законоучитель получал 120 р. в год, а учительница – заведующая школой – 1 056 р. в год, учительнице-помощнице платили 420 р. в год⁵. Учитель 7-го мужского приходского городского училища Рязанская Людмила Александровна, окончившая Астраханское епархиальное женское училище, с 1906 по 1916 г. получала 420 р. в год⁶. К сравнению: учительница Саратовской Рождество-Богородской двухклассной женской школы в 1917 г. содержалась за счёт годового жалования из средств Святейшего Синода и местных средств (360 р.), а также получала временную надбавку к окладу за добросовестный труд в размере 240 р.⁷ Несмотря на низкий уровень репрезентативности источников по истории женских приходских училищ МНП в Астраханской губернии, всё же наблюдается отрывочная динамика в отношении оплаты труда. В частности, заработная плата законоучителей сохраняла свой уровень на протяжении 1900–1916 гг. в среднем 180 р. в год, такая тенденция объясняется небольшой учебной нагрузкой. Оплата учителей приходских школ Нижнего Поволжья зависела от со-

¹ ГАСО. Ф. 566. Оп. 1. Д. 32. Л. 7 об.

² ГАСО. Ф. 566. Оп. 1. Д. 32. Л. 2–3.

³ ГАСО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 240. Л. 2; 11.

⁴ ГАСО. Ф. 566. Оп. 1. Д. 32. Л. 16.

⁵ ГААО. Ф. 651. Оп. 3. Д. 13. Л. 2–6.

⁶ ГААО. Ф. 651. Оп. 6. Д. 2–13. Л. 9, Л. 8, Л. 9–10, Л. 17 об., Л. 16, Л. 17, Л. 8. Л. 17, Л. 15, Л. 15 об., Л. 16 об.

⁷ ГАСО. Ф. 719. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

става педагогов и степени учебной нагрузки, выслуги лет; премиальных и временных пособий – от местных органов власти. В отличие от оклада законоучителей, в данном случае наблюдался постепенный рост суммы оплаты труда, на что, несомненно, оказывали влияния уровень профессиональных качеств и полученное образование¹.

2.3. Реализация кадровой политики в системе женских духовно-учебных заведений

Изучая государственно-церковную политику в сфере женского образования, невозможно обойти стороной проблемы кадрового комплектования учебных заведений. Очевидно, что на результаты обучения прямым образом сказывалась профессиональная компетентность педагогов и учителей. В этой связи изучение вопросов качественного и количественного состояния педагогических кадров раскрывается через социальное положение учителей, уровень их образования, опыт работы, правовой статус, оплату труда, общественное признание, «текучесть кадров» и многие другие факторы. В данном параграфе внимание исследователя уделено всем обозначенным критериям, кроме оплаты труда, поскольку данный аспект стал содержательной частью предыдущего параграфа.

Педагогический контингент епархиальных женских училищ формировался в основном из выходцев духовных образовательных учреждений. В первую очередь из выпускников духовных семинарий и училищ, во вторую – из числа выпускниц-«епархиалок». Как нами уже отмечалось ранее, кадровая политика Святейшего Синода была ориентирована на самообеспечение, тем не менее, к работе привлекали и учителей со светским образованием. В каждой епархии процентное соотношение лиц с духовным образованием и

¹ ГААО. Ф. 651. Оп. 5. Д. 2. Л. 30 об.; Оп. 3. Д. 13. Л. 2–6; Оп. 5. Д. 3. Л. 16; Оп. 5. Д. 4. Л. 9; Оп. 5. Д. 5. Л. 54; Оп. 9. Д. 2. Л. 16–17; Ф. 318. Оп. 2. Д. 17. Л. 30; Ф. 36. Оп. 7. Д. 1. Л. 1–5; Оп. 6. Д. 1. Л. 18 об.; Д. 3. Л. 39 об.; Д. 4. Л. 28.

светским разнилось в зависимости от кадрового потенциала губернии. В Нижнем Поволжье между епархиальными женскими училищами также есть свои отличия в кадровом составе педагогов. Обратимся к данным отчётов и формулярных списков.

Личный состав служащих епархиальных женских училищ состоял из членов совета училища, преподавателей и воспитателей. Из членов совета училища педагогической деятельностью, непосредственно или косвенно, занимались председатель совета и инспектор классов. Образовательную деятельность осуществляли учителя-предметники, воспитательную – начальница училища, воспитательницы. Так, в 1879–1880 учебном году среди личного состава училища насчитывалось пять священников, один протоиерей, один протодьякон, два надворных советника, один коллежский асессор, четыре преподавателя Астраханской духовной семинарии, один учитель Астраханского духовного училища и один преподаватель Астраханской Мариинской женской гимназии. Все учителя-предметники были мужчинами, женщин допускали только в качестве воспитателей. Из 23 чел. пятеро – действующие студенты духовной семинарии, со средним образованием – 14 чел., с высшим богословским образованием – 4 чел. Из шести воспитательниц три окончили курс Астраханского епархиального женского училища, одна – Астраханский институт благородных девиц, две – Астраханскую Мариинскую женскую гимназию¹.

В Саратовском епархиальном женском училище из 31 человека высшим богословским образованием обладали шестеро учителей, высшим военным образованием – один человек, высшим медицинским образованием – один человек, высшим музыкальным образованием – один человек, средним образованием – 14 человек, пятеро – неоконченным средним образованием, со званием домашней учительницы – одна. В отличие от Астраханского училища, в штате Саратовского епархиального женского училища состояли женщины, не

¹ Отчёт о состоянии Астраханского епархиального женского училища за 1879–1880 учебный год // АЕВ. 1881. № 8. С. 115–116.

только воспитательницы, но и учителя французского языка и музыки, наблюдается и большее количество воспитательниц, увеличенное за счёт найма помощниц воспитательниц¹. Среди женского состава коллектива преобладали выпускницы Саратовского епархиального женского училища (6 чел.), кроме того, в состав училища входили выпускницы Закавказского института благородных девиц (91 чел.), Казанского училища девиц духовного звания (1 чел.), Киевской женской гимназии (1 чел.), Саратовского Мариинского института (1 чел.)². В отчётах училища за 1879–1880 учебный год отмечались успехи руководства в кадровой политике: за счёт привлечения больших средств на содержание учителей удалось увеличить оклады и, как следствие, не только снизить процент увольнявшихся, заинтересовать действовавших сотрудников, но и повысить конкурентоспособность училища на рынке труда, привлекать в училище квалифицированные кадры³.

Наибольшие качественные изменения наблюдаются к 1890 г. Так, в Саратовском училище среди преподавательского состава с высшим богословским образованием работали семь человек, один человек имел степень кандидата физико-математических наук, 24 человека со средним образованием, четверо обучались в духовных семинариях и двое – в высших учебных заведениях, один человек имел звание домашнего учителя. Штат воспитательниц состоял из 16 человек, 15 из которых окончили Саратовское Иоанникийевское епархиальное женское училище, одна – Казанское училище девиц духовного звания. Количество женщин среди учителей возросло до 40 %. Женщины преподавали музыку, чистописание, пение в младших классах, работали в приготовительных классах. Большинство учителей-женщин окончили епархиальное

¹ Общее обозрение жизни Саратовского епархиального женского училища за 1879–80 учебный год // СЕВ. Саратов, 1880. № 31. С. 246–248.

² Отчёт о состоянии Саратовского Епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1879–1880 учебный год // СЕВ. Саратов, 1881. № 3. С. 16–25.

³ Отчёт о состоянии Астраханского епархиального женского училища за 1879–1880 учебный год // АЕВ. 1881. № 8. С. 115.

женское училище и Мариинский институт благородных девиц г. Саратова, Казанскую женскую гимназию. Всего среди служащих коллектива училища женщины составили 44 %¹. В 1891–1892 учебном году контингент Астраханского училища состоял из двух действовавших священников, одного протоиерея. По уровню образования кандидатами богословия было 4 чел., с высшим образованием – 7, со средним образованием – 11 чел. Среди преподавателей преимущественно были выпускники Казанской духовной академии (3 чел.), Санкт-Петербургской духовной академии (2 чел.), студент Университета св. Владимира (1 чел.), выпускники Астраханской, Саратовской и Тамбовской семинарий (по 1 чел.). В мужском коллективе учителей появилась Клара Прожиббре, преподававшая музыку и получившая высшее музыкальное образование в Варшавской консерватории. Штат воспитательниц также состоял из шести человек, среди которых произошли небольшие рокировки, но по-прежнему работали выпускницы Астраханского епархиального женского училища (3 чел.), Астраханской Мариинской женской гимназии (2 чел.), Казанского и Ярославского училищ девиц духовного звания (по 1 чел.)².

Итак, с 1880 по 1892 г. наблюдаются первые качественные изменения в составе обучающихся епархиальных училищ. Преподавателями-предметниками по-прежнему являлись мужчины – высококвалифицированные учителя с окончанным образованием духовно-учебных заведений. Местным епархиальным начальствам удалось сформировать коллектив педагогов, практически полностью состоявший из духовного сословия: например, в Астраханском епархиальном женском училище со светским образованием были пять человек, начальница училища, три воспитателя и учитель музыки, что составляло 29% общего числа педагогов; в Саратовском училище – 9 чел., или 21%. Кроме того, сокращён процент преподавателей-совместителей, что существенным

¹ Отчёт о состоянии Саратовского Епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1889–1890 учебный год // СЕВ. Саратов, 1891. № 1–2. С. 13–20.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 111. Л. 5–6.

образом влияло на эффективность образования, поскольку преподаватели полностью посвящали своё время училищу и его воспитанницам, были в большей степени заинтересованы в его развитии, погружены в проблемы и задачи обучения, обладали профилирующими знаниями о духовном образовании и специфике женского духовного образования.

В последующие годы кадровый состав изменялся незначительно, но руководства училищ удалось сохранить тенденцию формирования педагогического состава из лиц со средним духовным образованием. Дальнейшему увеличению женского состава учителей способствовала проведённая реформа епархиальных женских училищ. Кандидатки должны были выдержать строгие критерии отбора и испытаний. Женщин допускали к учительским должностям в епархиальных женских училищах только при наличии окончанного высшего или среднего образования или со званием домашней учительницы / наставницы. Все лица женского пола, желающие занять должность учителя, подвергались испытанию в совете училища, которое было приближено к практическим реалиям. Кандидатки проводили пробные уроки в присутствии членов совета училища. К наблюдению за показательными уроками привлекали и действующих учительниц, которым предоставлялось право голоса при решении вопросов компетентности кандидаток¹. После введения курса «Гигиена» в образовательную программу епархиальных женских училищ менялись требования и к найму кандидатов на должность врача, который рекомендательно должен был быть женского пола. Справедливо заметить, что рост кадрового состава, в частности, Саратовского Иоанникиевского епархиального женского училища, был вызван увеличением контингента учениц, поэтому перед саратовским епархиальным начальством стал актуальным вопрос об открытии второго епархиального женского училища. Такое училище было открыто в 1901 г. в г. Вольске Саратовской губернии. Штат училища был сформирован из 18 человек, среди которых четверо обладали богословским образованием, один –

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 84. Л. 6.

военным образованием, пятеро – с средним образованием, двое – действующими студентами духовной семинарии, три человека – со званием домашней учительницы. Более половины кадрового состава (55%) новооткрытого училища были женщины, кроме должности врача и фельдшера; впервые на территории Нижнего Поволжья должность эконома занимала женщина¹. Кадровый рост наблюдается и в Саратовском Иоанникиевском епархиальном женском училище. В 1900–1901 учебном году штат служащих состоял из 45 чел. Учителями работали семь женщин из 18 человек, количество воспитательниц и их помощниц возросло до 19, таким образом, женский контингент составил 58% штата служащих.

Астраханскому епархиальному женскому училищу такой результат удалось достигнуть к концу 1909–1910 учебного года. Женщины преподавали русский язык, французский язык, арифметику, географию, рукоделие, музыке². Общая численность женщин в трудовом коллективе достигла 21 (включая фельдшера, кастеляншу и воспитателей) из 38 человек, что составляло 55 % – большую часть служащих училища. Из 21 чел. было три женщины с высшим образованием, 19 чел. – со средним. Превалирующие большинство получили образование в Астраханском епархиальном женском училище, Астраханской Мариинской женской гимназии, Астраханском женском профессиональном училище гр. Швецовой, Астраханском музыкальном училище, Московской и Варшавской консерваториях, повивальном институте при Казанском университете, при прохождении Высших женских врачебных курсов при Николаевском военном госпитале в Санкт-Петербурге. В педагогический состав вошли и выпускницы Саратовского епархиального женского училища,

¹ Отчёт о состоянии 2-го Саратовского епархиального женского училища в г. Вольске в учебно-воспитательном отношении за 1901–1902 учебный год (первый со времени открытия училища) // СЕВ. Саратов, 1903. № 2. С. 41–56.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 826А. Л. 11.

Казанского училища девиц духовного звания, и, что примечательно, выпускница римско–католического пансиона Св. Екатерины в Санкт–Петербурге¹. В 1913 г. число женщин в педагогическом составе возросло до 23 из 44 чел., в основном за счёт увеличения учителей музыки, французского и русского языков².

Такая динамика являлась свидетельством феминизации профессиональной педагогической деятельности, прогресса в восприятии трудового и интеллектуального потенциала женщин, формирования гендерных черт подбора кадрового состава и, несомненно, спецификой женского образования. Интересна и дифференциация педагогического коллектива по статусному признаку. Преподавателями именовали лишь лиц с богословским или высшим светским образованием, а также светских лиц, имевших высокий чин на гражданской службе. Лица со средним образованием, неоконченным образованием или специальным званием именовались «учитель». Женщины в данной стратификации всегда наделялись статусом «учитель» или «воспитатель», даже если обладали высшим образованием. Такие критерии социальной дифференциации педагогов сохранялись до фактического закрытия епархиальных женских училищ. Однако, исходя из отчётов епархиальных женских училищ, видно, что к 1916 г. разделение по половому признаку стало пережитком. В составе педагогов появились «преподавательницы», женщины с окончанным высшим образованием, обучавшие французскому и русскому языкам, арифметике, истории и географии³. По отчётам о деятельности епархиальных женских училищ, женщины в должности учителя музыки, французского языка не включались в общий список преподавателей, а становились частью списка воспитателей или иных штатных служащих (наряду с экономом, врачом, больнич-

¹ Отчёт Астраханского епархиального женского училища за 1909–1910 учебный год // АЕВ. 1910. № 22. С. 195–200.

² Отчёт Астраханского епархиального женского училища за 1912–1913 учебный год // АЕВ. 1913. № 32. С. 2–7.

³ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 328. Л. 39 об., 222–226.

ной надзирательницей). В Саратовском Иоанникиевском епархиальном женском училище такая дифференциация прекратилась к 1890 г., в Астраханском – к 1900 г. Это итог реформ и востребованности уроков музыки, иностранных языков среди учениц, что способствовало увеличению количества учителей данных предметов, и их окладу. Так, в 1899–1900 учебном году их годовое жалование учителя музыки составляло 650 и 244 р. Таким образом, сохранялось преимущество мужчин и социальное неравенство полов. Среди особенностей Саратовского Иоанникиевского епархиального женского училища в кадровой политике начала 1900-х гг. заметно, что на должность воспитательниц и учителей принимали замужних женщин, что демонстрирует более демократичный подход к комплектованию кадров.

Оценивая количественное состояние кадрового состава, важно обратить внимание и на текучесть кадров – процент учителей и воспитателей, ежегодно увольнявшихся из училищ. В Астраханском епархиальном женском училище в 1881–1882 учебном году из 16 чел. уволилось пять воспитательниц и три учителя-предметника, что составило 50% от количества педагогического состава. В 1882–1883 учебном году количество уволившихся составило 28,5%, в 1883–1884 учебном году – 1%, в 1884–1885 учебном году – 31,5%, в 1885–1886, 1886–1887 учебных годах – 39%, в 1888–1889 учебном году – 16%, в 1889–1890 – 14,2%, в 1892–1893 – 1%, в 1893–1894, 1894–1895, 1895–1896, 1900–1901 учебных годах – 2%, в 1907–1908 – 20,5%, в 1909–1910 – 1%, в 1911–1912 учебном году – 7%¹. В Саратовском Иоанникиевском епархиальном женском училище ситуация с текучестью кадров была следующей. В 1879–1880 гг. уволившихся было 4%, в 1882–1883 гг. – 13,1%, в 1885–1886 гг. – 8,3%, в 1886–1887 гг. – 13,5%, в 1887–1888 гг. – 10,2%, 1889–1890 гг. – 12,1%, 1890–1891 гг. – 9%, в 1894–1895 гг. – 11,1%, в 1900–1901 гг. – 4%, в

¹ Отчёт о состоянии Астраханского епархиального женского училища // АЕВ. 1883. № 2. С. 19–21; 1884. № 5. С. 65–68; 1884. № 23. С. 374–376; 1886. № 2. С. 39–41; 1886. № 24. С. 924–927; 1887. № 24. С. 993–999; 1889. № 23. С. 913–915; 1890. № 23. С. 811–814; 1894. № 2. С. 22; 1894. № 24. С. 362; 1896. № 3. С. 99–100; 1897. № 1. С. 4–5; 1900. № 22. С. 987–988; 1908. № 22. С. 194–197; 1910. № 22. С. 195; 1912. № 35–36, С. 1–5.

1914–1915 гг. – 16%¹. Подобная скачкообразная ситуация в изменении кадрового состава училища естественна и вызвана многими причинами, среди которых основными к увольнению являлись трудоустройство в светские учебные заведения, переводы учителей священнического сана в другие духовно-учебные заведения или на службу в церкви, или в духовную канцелярию, или в иные служебные места по епархии. Одной из частых причин увольнения воспитательниц являлось их замужество. Перемены в педагогическом составе происходили и вследствие изменения учебной нагрузки, перераспределения предметов между учителями в связи с личными предпочтениями или расширением штата учителей, а также ввиду смерти учителей и воспитательниц.

Несомненно, что качество педагогических кадров напрямую зависело и от личных качеств учителей и воспитателей. В истории нижеволжских епархиальных женских училищ сохранились имена выдающихся педагогов. Среди них инспектор классов Саратовского Иоанникиевского епархиального женского училища П.И. Советов, который ценился епархиальным начальством, коллегами и пользовался искренней любовью учениц за доброе сердце. Являясь выпускником семинарии, он обладал незаурядным талантом объединять вокруг себя лучших педагогов. Как человек высоконравственный и педагогически одарённый, он оказывал благоприятное влияние на воспитанниц и внутренний климат училища, обладал чувством такта по отношению к наставникам и педагогам².

Таким образом, сравнивая динамику развития епархиальных училищ Нижнего Поволжья, можно сделать вывод, что Саратовское епархиальное женское училище развивалось интенсивнее, что существенно сказывалось не

¹ Общее обозрение жизни Саратовского епархиального женского училища за 1879–1880 учебный год // СЕВ. Саратов. 1880. № 31. С. 244–245; Отчёт о состоянии Саратовского епархиального женского училища за 1882–1883 год в учебно-воспитательном отношении // СЕВ. Саратов, 1883. № 46–47–48. С. 251–253; 1887. № 3. С. 95–100; 1888. № 5. С. 163–170; 1889. № 3. С. 73–81; 1891. № 1–2. С. 13–16; 1892. № 2. С. 26–32; 1895. № 4. С. 67–74; 1916. № 10. С. 385–394.

² СЕВ. 1880. № 31. С. 244.

только на качественном состоянии педагогических кадров, но и способствовало расширению училища за счёт популяризации женского образования. Конечно, немаловажный фактор, оказавший подобное воздействие, – это территория и плотность православного населения, которые превосходили таковые Астраханской губернии по своим масштабам и количеству лиц женского пола.

Кадровая политика Святейшего Синода в отношении начального образования отмечена двумя периодами. Как нами отмечалось в первой главе, первый был длительным при отсутствии централизации управления и образовательной концепции, второй был простимулирован «Великими реформами», в пореформенное время сформировалась система подготовки учителей, происходило развитие корпоративного обучения¹.

Происходивший в 1880-е гг. рост церковных школ был сопряжён с решением важнейшей задачи, такой как обеспечение школ квалифицированными кадрами. Преодоление острой проблемы «кадрового голода» Святейшим Синодом выстраивалось по принципу самообеспечения, подготовки учителей в мужских и женских духовно-учебных заведениях². Однако такой подход не решал существовавших проблем при формировании педагогических коллективов церковных школ. Основная проблема заключалась в совмещении обязанностей приходского священника с заведованием и законоучительством в церковных школах, поэтому преподавали Закон Божий в большинстве дьяконы. Места законоучителя-дьякона замещались и светскими лицами с правом заниматься педагогической деятельностью, в исключительных случаях уроки Закона Божьего вели учителя-женщины. Так, в 1896 г. по Астраханской епархии из 213 церковно-приходских школ законоучителями были обеспечены 149 школ, из которых священническим саном обладали 134 чел., 11 чел. являлись дьяконами, 4 – светскими учителями (мужского пола)³. В школах грамоты учителями преимущественно были псаломщики с неоконченным курсом

¹ Дорофеева А.А. Педагогические кадры церковно-приходских школ... С. 85.

² Там же. С. 85–86.

³ Отчёт Саратовского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах Саратовской епархии за 1889–1890 учебный год. Саратов, 1891. С. 5.

духовной семинарии. Но, например, в Саратовской епархии, по распоряжению архиерея такие учителя перед принятием на вакантное место проходили предварительные испытания в образцовой школе при семинарии. При этом, если кандидат на должность оказывался недостаточно подготовленным к педагогической деятельности, то посещал уроки в образцовой школе для изучения методики обучения¹.

Местные епархиальные училищные советы осознавали проблему прерывистости обучения в связи с совмещением должностей в школе и церковных обязанностей, поэтому главным посылом кадровой политики 1880-х гг. была задача увеличения количества «особых» учителей – выпускников семинарий, училищ и епархиальных женских училищ, не из членов причта, что способствовало повышению эффективности обучения². В Саратовской епархии (1893–1894 гг.) из 170 законоучителей церковно-приходских школ действовавшими священниками были 27 человек. Среди 213 учителей 72 были духовного сана³. К началу 1896 г. обучение в церковных школах осуществлял 61 учитель (женского пола), 60 дьяконов-учителей, светские учителя-мужчины (17 чел.), а также трое священников и шестеро псаломщиков⁴. Или, например, в Черноярском уезде Астраханской губернии в 33 церковных школах законоучителями работало 30 священников, один дьякон, двое учителей из светских лиц. Среди учителей церковно-приходских школ преобладали дьяконы-учителя (14 чел.), учителя женского пола (11 чел.), затем учителя мужского пола (8 чел.). То есть сохранялось количественное преимущество духовенства. В школах грамоты Черноярского уезда наблюдалась обратная ситуация. Превалировали учителя, не относящиеся к причту (26 чел.), и пять священников-законоучителей⁵.

¹ Отчёт Саратовского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах Саратовской епархии за 1889–1890 учебный год. Саратов, 1891. С. 6.

² Там же.

³ Отчёт Саратовского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты в Саратовской епархии. Саратов, 1894. С. 24–27.

⁴ Дорофеева А.А. Педагогические кадры церковно-приходских школ... С. 86.

⁵ ГААО. Ф. 954. Оп. 1. Д. 2. Л. 6 об.

Стоит отметить, что кадровая политика была достаточно противоречивой. При острой нехватке учителей преимущество на рынке труда было у дьяконов и псаломщиков, в то время как большое количество выпускниц епархиальных женских училищ оставались нетрудоустроенными. Кандидатки на учительские вакансии сталкивались с рядом барьеров. Во-первых, женщин учителей принимали в большие по численности учеников отдалённые сельские церковные школы (от 60 учеников), а также в школы с преподаванием предмета «Рукоделие»¹. Во-вторых, женщин направляли на учительскую должность в новооткрытые женские церковные школы². В-третьих, в Астраханской епархии было формально закреплено правило – при комплектовании учительского состава учителей, учитывать их семейное положение. В одной церковной школе не должны были состоять незамужняя женщина и холостой мужчина. Таким образом, исключались прецеденты быстрого замужества и увольнения женщин с должности, исключались служебные романы и соблюдались принципы «доброй нравственности». В-четвертых, перемены, происходившие среди учителей из среды духовенства, также затрудняли трудоустройство женщин. Конкуренция среди священства шла за более перспективные и оплачиваемые места дьяконов-учителей, количество желающих в 1885 г. насчитывало по прошением 58 чел.³ Тем не менее, конкурс на вакантные должности был достаточно высоким. К примеру, в 1885 г. в адрес Совета Астраханского Кирилло-Мефодиевского общества было направлено 82 заявления о приёме на работу учителем в церковные школы, в том числе десять заявлений – от выпускниц Астраханского епархиального женского училища, семь – от выпускниц Астраханской Мариинской женской гимназии, одно прошение от кандидатки с высшим образованием, три кандидатки имели опыт педагогической деятельности в школах МНП⁴. В таких условиях трудоустройство женщин-учителей осуществлялось по остаточному принципу, но в то же

¹ ГААО. Ф. 954. Оп. 1. Д. 2. Л. 6 об.

² Дорофеева А.А. Педагогические кадры церковно-приходских школ... С. 86.

³ Там же.

⁴ Там же.

время очевиден факт – в Астраханской губернии формировался качественный кадровый резерв, но его потенциал оставался нереализованным.

В отчётных документах Саратовского епархиального училищного совета за 1885–1886 учебный год отмечался недостаток правоспособных учителей с достаточным уровнем образования. К обучению допускали лиц, не имевших свидетельств или учительских званий, кроме того, под сомнение ставилась благонадежность и нравственные качества таких учителей, поэтому обыденной практикой стало назначение «менторов» из круга местных и ответственных священников. Открывавшиеся дополнительно вакансии дьяконов-учителей в большей степени оставались непопулярными среди служителей церкви, но были актуальными для учителей земских школ, имевших педагогический опыт. Земские учителя претендовали не только на учительскую должность, но и выражали желание получить сан дьякона или псаломщика. По решению саратовского архиерея, такие кандидаты проходили профессиональный экзамен в виде пробных уроков для получения должности учителя церковно-приходской школы; для получения духовного сана они направлялись на личное собеседование с епархиальным архиереем. В большинстве случаев кандидаты успешно справлялись с конкурсным отбором и поступали на службу в церковно-приходские школы. Такой метод кадровой политики позволял восполнять недостаток учителей и, одновременно с этим, определять выпускников духовных семинарий на священнические места¹. Этот способ решения проблемы представляется весьма логичным, поскольку духовная школа переживала кризис, в мужских семинариях всё большее количество студентов избегали пастырства, отдавая предпочтение мирским профессиям (ветеринария, банковское дело, военное дело и т. д.)².

¹ Отчёт Саратовского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах в Саратовской епархии за 1885–1886 учебный год // СЕВ. 1887. № 12. С. 306–307.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 58. Л. 50–54.

Педагогический состав 313 астраханских церковно-приходских школ в 1900 г. был сформирован из трёх священников, 50 дьяконов, шести псаломщиков, 39 учителей-мужчин и 110 учителей-женщин. Совмещение нагрузки в школах со священством осуществляли 14 учителей. Из общего количества учителей 149 человек не принадлежали к церковному клиру. По данным за 1900 г., в школах грамоты превалировал состав светских учителей, из священства учительством занимались два дьякона и девять священников. Из 90 светских учителей насчитывалось 66 мужчин, 24 женщины. В Астраханской епархии по-прежнему оставалась нерешённой проблема нехватки законоучителей. В 20-ти школах обучение Закону Божьему осуществляли дьяконы и учителя церковных школ. В территориально отдалённых школах (6 школ) Закон Божий преподавался приходскими священниками безвозмездно, а также учителями из выпускниц Астраханского епархиального женского училища. Над учителями из светских лиц, преподававших Закон Божий, устанавливался контроль, закреплённый за священником из ближайшего прихода¹.

Социальный состав учителей церковных школ состоял из всех сословных категорий: духовенства, чиновников, мещан, военных, дочерей дворянства, купцов и священников. На работу учителей школ грамоты в Астраханской епархии охотнее откликались «верховые люди» – переселенцы с территории Верхнего Поволжья. Переселенцы воспринимали учительство как временную работу до трудоустройства на более оплачиваемые вакантные места. Коренные жители Астраханской губернии составляли меньшую часть учителей школ грамот по материальным причинам². Состояние кадрового состава церковных школ Саратовской епархии было лучшего качества, чем в Астраханской епархии. В 1892–1893 учебном году на службе состояло десять человек с высшим богословским образованием, с окончанным средним образованием – 217 чел., студентов духовной семинарии – 21 чел., студентов духовного училища – 5 чел. 3% общего числа педагогических кадров составляли лица с

¹ Дорофеева А.А. Педагогические кадры церковно-приходских школ... С. 86.

² Там же.

домашним образованием, специальным учительским званием, кончившие сельские / городские школы и училища¹.

Епархиальными и уездными наблюдателями церковных школ Саратовской и Астраханской губерний отмечался низкий уровень профессиональной компетентности учителей. По данным отчёта Астраханской епархии о церковных школах за 1896 г., педагогическое образование имели 106 учителей из 147, большинство из которых окончили Астраханское епархиальное женское училище. Со званием учителя / учительницы начального училища работал 41 чел. Учителем бывшее духовенство в большей степени имело неоконченное образование, 2–3 класса духовной семинарии или духовного училища². К 1900 г. среди астраханских учителей, не относившихся к церковному клиру (149 чел.), лишь восемь окончили курс духовной семинарии и трое имели неоконченное семинарское образование, четверо являлись выпускниками учительской семинарии. Без специального образования работали пять человек – выпускники второклассных школ и иных учебных заведений; 16 человек без специального звания были выходцами из городских училищ. Среди законоучителей также наблюдаются лица без богословской подготовки – 28%³. Из 90 чел., работавших учителями в школе грамоты, пять окончили епархиальное женское училище, шесть – женские гимназии, девять человек – духовное училище, а также городские училища (14 чел.), второклассные школы (9 чел.), двухклассные школы МНП и церковно-приходские школы (4 чел.), два человека получили звание «домашний учитель» при сдаче специального экзамена. В епархиальном женском училище четыре человека имели неоконченное образование, а 42 чел. не имели специального звания. В 1901–1902 учебном году контингент учителей одноклассных церковных школ с профессиональным образованием (средним и высшим) составил 131 чел., в 1903 г. – 114 чел. Среди педагогов с

¹ Отчёт Саратовского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты в Саратовской епархии. Саратов, 1894. С. 24–27.

² Саратовского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты в Саратовской епархии. Саратов, 1894. С. 24–27.

³ Дорофеева А.А. Педагогические кадры церковно-приходских школ... С. 86.

начальным уровнем образования, домашним обучением и перешедших из школ других ведомств в 1902 г. насчитывалось 74 чел., в 1903 г. – 87 чел. С учительским званием в 205 церковных школах работали 81% учителей и 19 % без звания. В 1903 г. процент учителей со специальным званием вырос до 86%, учителей без звания сократился до 14 %. Увеличивался и контингент учителей-женщин из выпускниц 7-го педагогического класса (12 чел.) и с шестиклассным курсом обучения (55 чел.) Астраханского епархиального женского училища. Конверсия трудоустройства «епархиалок» составляла в среднем 24% от общего количества выпускниц в период 1898–1908 гг. (см. приложение, табл. 3). Учительский состав пополняли выпускницы женских гимназий (14 чел.) и институтов благородных девиц (1 чел.)¹. Итак, видно, что постепенно увеличивалось количество педагогически подготовленных учителей, но уровень их профессиональных компетенций по-прежнему епархиальным начальством признавался неудовлетворительным.

В 1900 г. в Саратовской епархии особо острой была проблема оплаты труда законоучителей и законоучителей церковных школ. Из членов причта, работавших законоучителями (708 чел.), только 156 чел. (22%) получали жалование, из 221 учителя жалование получали 75 человек (34%)². При интенсивном спаде количества церковно-приходских школ такая финансовая проблема естественным образом негативно влияла на формирование учительского контингента. Личный состав учителей состоял из 861 чел. (мужчин – 481, женщин – 380), из них 3% учителей работали на безвозмездной основе, остальные получали заработную плату в неравной степени – от 50 до 400 р. Материальное положение учителей ухудшалось и при отсутствии квартир для проживания. Более половины школ (459 из 957) не были обустроены жильем для учителей. Такое сложное положение учителей стало основной причиной текучести кад-

¹ Дорофеева А.А. Педагогические кадры церковно-приходских школ... С. 88.

² Отчёт Саратовского епархиального училищного совета о состоянии школ церковно-приходских и грамоты в Саратовской епархии за 1900 гражданский год // СЕВ. 1902. № 9. С. 215; РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 443. Л. 26.

ров. Происходил отток опытных кадров в земские школы. В 1900 г. преобладающее большинство учителей имели опыт работы менее одного года – 26%, с годовалым опытом работы служило 19,2%, двухлетним опытом – 14,2%. Почти 13% составляли учителя школ грамоты с опытом работы три года, 7% – четыре года, 5% – пять лет, 3% – от шести лет¹. Опытные сотрудники составляли наименьший коэффициент, в то время как школы пополнялись молодыми учителями, малоопытными и менее компетентными в педагогической деятельности. В астраханских церковных школах в 1900 г. средняя продолжительность работы учителей не превышала восьми лет. С девятилетним стажем работы состояли на службе в церковных школах 3 чел., с восьмилетним – 4, с семилетним – 8, с шестилетним – 7 чел. Преобладающее большинство учителей не имели за плечами опыта работы в школах (27 чел.), с педагогическим опытом от года до пяти лет работали 75 чел. Учителя «осёдлые» и опытные были ценным исключением: так, в 1899–1900 учебном году один учитель был с 22-летним педагогическим стажем, один – с 20-летним, один – с 14-летним и один – с 11-летним стажем. Таким образом, педагогический состав церковно-приходских школ был укомплектован малоопытными и неопытными учителями (74%)². Осознавая данную проблему, Святейший Синод прорабатывал меры поддержки духовенства, работающих бесплатно в церковных школах. В частности, данной категории лиц был уменьшен пенсионный срок, с 35 лет выслуги до 25 лет (по состоянию на 1905 г.)³.

Исходя из данных, представленных выше, видно, что образовательный ценз педагогов церковных школ был весьма разнообразным, в связи с чем учителя имели разные права на осуществление образовательной деятельности. Допуск к работе в школах лиц без специального образования существенно

¹ Отчёт Саратовского епархиального училищного совета о состоянии школ церковно-приходских и грамоты в Саратовской епархии за 1900 гражданский год // СЕВ. 1902. № 10. С. 229–242.

² Дорофеева А.А. Педагогические кадры церковно-приходских школ... С. 88.

³ РГИА. Ф. 803. Оп. 3. Д. 203. Л. 1.

снижал его качество, тем более в контексте религиозно-нравственного компонента. Привлечённое к учительству духовенство в лице приходских священников усугубляло и без того сложное положение духовного образования. Сохранялась и проблема несостоятельности большинства учителей, законоучителей в вопросах педагогики, дидактики и методики¹, что является по современным меркам весьма логичным следствием, поскольку труд законоучителей из числа священников был неоплачиваемым, поэтому у них отсутствовала мотивация к педагогической деятельности. К тому же совмещение учебной нагрузки с церковными обязанностями было несоизмеримо с физическими возможностями священников, поэтому отмены уроков Закона Божьего – характерная практика на территории Нижнего Поволжья. Такая ситуация не оставалась без реакции Священного Синода и местного епархиального начальства, которые проводили политику по минимизации в составе учителей «бесплатных священников», привлекая на службу в церковные школы квалифицированные кадры². Однако это не снижало интенсивность распространения религиозного индифферентизма, ставшего ярким проявлением кризиса духовного образования на рубеже XIX – XX вв. В этом отношении очевидно, что первопричины его разрастания скрывались в профессиональной некомпетентности учителей и законоучителей церковных школ. Учителя из выпускников семинарий трудоустраивались в школы, исходя из собственных честолюбивых расчётов, психологической незрелости и несостоятельности. Их желание властных позиций в статусе учителя, поиск славы и чести приводили к формализации образовательного процесса, механизации и омертвлению предмета «Закон Божий»³.

Стоит отметить, что при прогрессивном развитии педагогической науки и мысли, появлению новых методов обучения в период 1880–1916 гг., их прак-

¹ Дорофеева А.А. Педагогические кадры церковно-приходских школ... С. 88.

² Там же.

³ Там же.

тическое применение в церковно-приходских школах было счастливой случайностью учителей-энтузиастов, преданных учительству и заботившихся о подрастающем поколении. Методический арсенал большинства педагогов состоял устного метода посредством механического заучивания молитв и тестов Священного Писания. Обеспокоенные представители педагогического сообщества в среде духовенства справедливо отмечали, что Закон Божий в руках некомпетентных законоучителей лишился религиозно-нравственной силы, поэтому среди учившихся в церковных школах пропадал познавательный интерес, а побег с уроков и бойкоты уроков законоучителей – яркое свидетельство регресса духовного образования¹. Эти проблемы церковно-приходской школы решались благодаря частным инициативам наблюдателей-энтузиастов, как, например, М. Благодоровым – наблюдателем церковно-приходских школ I и II благочинных округов, законоучителем образцовой школы Астраханской духовной семинарии. В 1889 г. он направил в Астраханский епархиальный училищный совет прошение о проведении учебных собраний учителей церковно-приходских школ по совершенствованию профессиональных навыков. Резолюцией епархиального архиерея прошение было удовлетворено. Михаилом Благодоровым была составлена специальная программа собраний для обсуждения приёмов и методов обучения их практической целесообразности и эффективности. Одним из тематических отделений стало обсуждение вопросов методики обучения церковно-славянской грамоте².

В 1890–1916 гг. государственно-церковная политика сменила вектор развития в отношении кадрового обеспечения церковных школ. Прорабатывались меры не только по количественному увеличению кадрового резерва, но и по качественному усовершенствованию компетенций работавших педагогов. Церковно-приходская школа нуждалась в механизмах приращения человеческого капитала. Таким механизмом стали летние педагогические курсы для

¹ Дорощеева А.А. Педагогические кадры церковно-приходских школ... С. 88.

² Извлечение из журнала Епархиального училищного совета об устройении собрания учителей церковно-приходских школ г. Астрахани при семинарской образцовой школе // АЕВ. 1889. № 12. С. 521–524.

учителей начальных школ, организованные духовным ведомством и МНП. Выстраивание концептуальной конъюнктуры курсов для учителей церковных школ стало предметом дискуссий на курсах с привлечением 400 учителей и учительниц в 1896 г. в Нижнем Новгороде. Основными итогами работы педагогической кооперации стали выработка целеполагания и содержания последующих летних курсов для учителей церковных школ. Программа курсов включала изучение общеобразовательные предметы, а также Закон Божий, церковное пение, церковно-славянскую грамоту. Для эффективности обучения на курсах и наглядной демонстрации педагогического мастерства, формат курсов выстраивался аудиторных занятий в сочетании с общеобразовательными экскурсиями в музеи, картинные галереи, по историческим и географическим достопримечательностям, сельскохозяйственным и промышленным объектам. По выработанной концепции с июня по август 1896 г. в Казани были организованы и проведены курсы для церковно-приходских учителей Нижнего Поволжья с целью формирования у учителей новых знаний и навыков в области педагогических и общеобразовательных наук. В астраханскую делегацию вошли 19 учителей (12 мужчин и 7 женщин)¹. В последующие годы организация подобных курсов на местах стала обыкновенной практикой, курсы организовывали не только епархиальные училищные советы, но и губернские земства. При этом стоит отметить, что учителя церковно-приходских школ принимали участие в курсах вне зависимости от ведомства, их организовывавшего. К примеру, в 1899 г. в г. Саратове прошли педагогические курсы для учителей и учительниц начальных народных школ Саратовской губернии, организованные Саратовским губернским земством. Из 107 чел. четверо были учителями церковно-приходских школ. По образовательному цензу 1,61% слушателей окончили курс в духовной семинарии, 3% учителей не окончили

¹ Извлечение из журнала Епархиального училищного совета об устройении собрания учителей церковно-приходских школ г. Астрахани при семинарской образцовой школе // АЕВ. 1889. № 12. С. 521–524.

курс духовной семинарии. Из 56 женщин-учителей 27 были с окончанным курсом епархиальных женских училищ (48,21%), 15 человек (26,78%) – с гимнастическим образованием¹.

На саратовских педагогических курсах 1899 г. центральное место было отведено методике преподавания церковно-славянского языка. Руководителем данного направления Д.И. Тихомировым давались практические уроки, лекции о целеполагании, приёмах обучения, рассматривались средства обучения, содержание статей, был сформирован рекомендательный список пособий для учителей, подробно прорабатывались проблемные вопросы учителей². На курсах 1904 г. в Саратовской губернии центральной темой стали беседы по Закону Божьему, руководителем секции давались примерные уроки по предмету³. На летних педагогических курсах, организованных Астраханским епархиальным училищным советом в 1900 г. за счёт государственного финансирования, обучение проходили 40 чел., из которых 17 – учителя-женщины. Многие изъявляли желание проходить обучение за собственные средства, количество таких коммерческих слушателей в 1900 г. составило 33% (30 чел.). Традиционным местом проведения летних педагогических курсов было выбрано Астраханское епархиальное женское училище. Учебные занятия начинались рано утром, учитывая погодные условия Астраханской губернии, к обеду занятия прекращались и возобновлялись вечером после спада жары. Каждый день учителя посещали 6–7 уроков на протяжении 24 дней, за исключением церковных праздников. Общее количество учебных занятий составляло минимум 165 уроков, по своему характеру они были практическими и теоретическими. На теоретических занятиях слушателей знакомили с особенностями распределения учебного материала в соответствии с содержанием учебных программ,

¹ Отчёт о краткосрочных педагогических курсах для учителей и учительниц начальных народных училищ Саратовской губернии в 1899 г. Саратов, 1899. С. 2–3.

² Беседы и уроки руководителей на краткосрочных педагогических курсах в г. Саратов в 1899 г.: приложение к Отчёту о краткосрочных педагогических курсах для земских учителей и учительниц, устроенных Саратовским губернским земством в 1899 г. Саратов, 1900. С. 3–254.

³ Там же. С. 1–43.

на практических занятиях проводили беседы и «мастер-классы» с разбором типичных ошибок при проведении уроков. Польза практических занятий, несомненно, заключалась в том, что под контролем и руководством наставников учителя осуществляли разработку уроков на предстоящий учебный год¹. Курсы 1902 г. были организованы уже для 80 учителей церковно-приходских школ, 50% слушателей составляли женщины. В 1907 г. образовательная программа педагогических курсов была ориентирована на учителей школ грамоты, только 10% от общего количества аудитории составили учителя церковно-приходских школ, обучавшие детей церковному пению и церковно-славянскому языку. За счёт государственного финансирования курсы прошли 37 человек, из них 21 учитель-женщина. Привлекали к обучению и вольнослушателей, изъявивших желание обучаться за собственный счёт или на средства благотворителей, сельских обществ, из бюджета школ. Таких учителей в 1907 г. было 49 чел. Курсы для учителей, организованные Астраханским епархиальным училищным советом, были популярны и в педагогическом коллективе казачьего ведомства, и среди учителей школ МНП. 49 чел., из которых 18 женщин – вневедомственных учителей, – показатель качества образования, предоставляемого местным профессиональным педагогическим духовенством².

Целевая аудитория – главный маркер, позволяющий понять, какие аспекты начального образования более проблемные в практической деятельности. Из чего можно прийти к следующему умозаключению: вектор совершенствования педагогических навыков учителей церковных школ смещался от общих вопросов обучения к частным дисциплинам, привлекая контингент учителей в наибольшей степени, нуждавшихся в профессиональной навигации. Таким курсам не свойственна массовость, поскольку епархиальные и уездные

¹ Архангельский Ф. Извлечение из Отчёта Астраханского епархиального наблюдателя о состоянии школ церковно-приходских и грамоты в Астраханской епархии за 1899–1900 учебный год. Астрахань, 1901. С. 49.

² Дорофеева А.А. Педагогические кадры церковно-приходских школ... С. 89.

наблюдатели успешно выявляли среди учителей перспективных, но менее квалифицированных. Это позволяло не только развивать человеческий капитал, но и постепенно повышать конкурентоспособность церковных школ. Позитивным эффектом данного механизма было и то, что летние педагогические курсы стали площадкой профессиональной коммуникации. Учителя обменивались опытом, эффективно выстраивалось взаимодействие между учителями и руководителями, педагогами курсов, что позволяло в интенсивном режиме проводить рефлексию, с учётом чего выстраивать программы курсов на следующие годы. Кроме того, летние курсы способствовали формированию и комплектованию школьных библиотек методическими пособиями и наглядными средствами обучения. К примеру, по итогу летних педагогических курсов в г. Астрахани (1900 г.) слушатели и обучающие составили список актуальных учебно-методических пособий для учителей церковно-приходских школ и школ грамоты¹. Видно, что несмотря на существовавшие проблемы в профессиональной подготовке учителей, епархиальное начальство Нижнего Поволжья эффективно использовало механизм летних педагогических курсов для компенсации проблемы и улучшения качества начального духовного образования.

Таким образом, система управления женским образованием в 1880–1916 гг. была выстроена на принципах вертикализации власти и межведомственных связях. Святейший Синод, при котором были созданы Учебный комитет и Училищный совет – главные органы управления образованием, являлся связующей инстанцией между государственной властью / различными ведомствами и духовенством. По мере реализации реформ духовного образования формируются и органы местного самоуправления в лице съездов законоучителей. Практика созыва съездов законоучителей светских школ в 1913 г. стала позитивным опытом для решения содержательных и методических про-

¹ Дорофеева А.А. Педагогические кадры церковно-приходских школ... С. 89.

блем духовного образования в целом. В Астраханской епархии в последующем проводились съезды законоучителей церковно-приходских школ, на которых обсуждалось материальное и содержательное состояние образования в церковно-приходских школах.

Изучение вопросов финансирования женских духовно-учебных заведений является самым проблемным в анализе ввиду массива количественных данных. Такая тенденция характерна для общероссийских масштабов. И, наоборот, на региональном уровне исторические источники обладают низкой репрезентативностью, что осложняет задачу исследователя – воспроизведения полной исторической картины. Несмотря на это, имеющиеся архивные материалы региональных архивов Нижнего Поволжья позволяют оценить состояние финансово-материального положения женского образования в регионе. Исходя из этого, мы приходим к следующим выводам. Во-первых, основными источниками женских духовно-учебных учреждений были поступления из денежных средств Святейшего Синода, которые формировались за счёт сборов и пожертвований на местах. Значит, поток денежных средств не был стабильным и фиксированным, зависел от многих факторов жизни населения, политико-социальной стабильности и развития экономики страны. Во-вторых, по интенсивности и размеру государственного участия видно, что политика государства изменялась в зависимости от приоритетов определённого этапа¹. По ситуации, сложившейся в Нижнем Поволжье, прослеживаются как проблемы, так и успехи в материальном обеспечении учителей, открытии и закрытии церковных школ, комплектовании библиотек и снабжении школьников учебными пособиями. Наблюдаются и существенные различия между губерниями. Так, Астраханская губерния по уровню доходов учителей, темпам строительства школ была значительно слабее Саратовской губернии, но астраханскому епархиальному начальству и Астраханскому епархиальному училищному совету удавалось в лучшей степени сокращать финансовый разрыв между педагогами

¹ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 12. Л. 24–25; ГАВО. Ф. 329. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–5; Д. 6. Л. 2–6; Ф. 3. Оп. 1. Д. 25. Л. 9–29.

церковных школ, епархиального женского училища. Такая финансовая политика напрямую влияла на кадровое состояние женских духовных учебных заведений.

В конце XIX – начале XX в. кадровая политика государства и Святейшего Синода в отношении епархиальных женских училищ была направлена на максимальное обеспечение училищ специально подготовленными кадрами. Педагогический состав преимущественно состоял из педагогов-мужчин, до 1890-х гг. женский контингент был представлен только воспитателями. Реформирование системы женского образования оказало существенное влияние на качественные изменения в кадровой политике. Наблюдаются черты феминизации, выраженные в расширении среди служащих сотрудников женского пола. Одновременно с этим происходили перемены в социальном положении учительниц, постепенном признании их интеллектуальных возможностей и трудоспособности. К педагогам предъявлялись высокие требования к уровню образования. В кадровой политике епархиальных женских училищ наблюдается подход, применяемый мужскими духовными семинариями: основной состав формировался из лиц с духовным саном, богословским и семинарским образованием. Внутри педагогического состава присутствовала локальная стратификация. К началу 1917 г. в этом отношении видны позитивные перемены, женщины с высшим образованием, занимавшие должности учителей, были наделены статусом «преподавательница», что демонстрирует постепенное прогрессивное развитие в отношении восприятия женского интеллектуального труда наравне с мужским. Интенсивный рост церковных школ требовал соизмеримого роста и учителей, создания педагогического резерва, поэтому кадровая политика Синода была направлена на самообеспечение. При этом церковно-приходские школы на рубеже веков сталкивались с рядом проблем в отношении обеспечения школ кадрами, среди которых нехватка учителей, низкий уровень педагогической подготовки, неопытность, «финансовый голод» и текучесть кадров. Для решения этих проблем в епархиальных жен-

ских училищах создавались специальные 7-е педагогические классы, образцовые школы при мужских семинариях и епархиальных женских училищах, проводились мероприятия по совершенствованию профессиональных компетенций учителей церковных школ, усложнялись барьеры при кадровом отборе. Положительные результаты кадровой политики 1880–1909 гг. сочетались с низким уровнем трудоустройства выпускниц епархиальных женских училищ из-за высокой конкуренции с кандидатами, получившими семинарское образование.

Таким образом, очевиден факт, что государственно-церковная политика в отношении женских духовно-учебных заведений по направлениям управления, финансирования и кадрового обеспечения на территории Нижнего Поволжья была противоречива. Выстроенные проекты преобразований имели определённые успехи, но носили незавершённый характер.

3. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В СИСТЕМЕ ЖЕНСКИХ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

3.1. Содержание образования и воспитания в духовно-учебных заведениях для женщин на территории Нижнего Поволжья

В содержательном аспекте обучение женщин реализовывалось за счёт общеобразовательных дисциплин и дисциплин религиозного (катехизического) характера, а также системы духовно-нравственного воспитания. В своей совокупности катехизическое образование и духовно-нравственное воспитание представляли собой духовный компонент образования.

Религиозное образование и воспитание как неотъемлемые части образовательного процесса учреждений любого типа реализовывались посредством обучения предмету «Закон Божий» по программам, разрабатывавшимся и утверждаемым Святейшим Синодом¹. Конечно, программы Закона Божьего различались между собой в зависимости от особенностей учебного заведения и его ведомственной принадлежности. Программа Закона Божьего для женских гимназий и прогимназий МНП (1870 г.), Мариинских женских гимназий, частных пансионов и гимназий отводила на изучение предмета по два часа в неделю во всех классах. Характерной чертой содержания программ при изучении раздела «История христианской церкви» являлось изучение в 6-м классе биографий выдающихся женщин и девушек вселенской и Русской православной церкви, отнесённых к лику святых². Такие темы способствовали формиро-

¹ Дорофеева А.А. Особенности духовного образования и воспитания в учебных программах... // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 4. С. 31.

² Родевич М.В. Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения. СПб., 1884 С. 59–60; Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии, высочайше утверждённый 30 августа 1855 г. с последующими доп., изм., циркуляр. распоряжениями и предписаниями по 1 янв. 1884 г. С. 223–224.

ванию у учениц представлений об истинных христианских качествах женщины. Программа предмета «Закон Божий» была выстроена по принципу практической ориентированности. У девушек формировали необходимые в обыденной жизни навыки: знание христианских молитв и догматов, хода литургии. В содержание программы предмета было сокращено за счет исключения некоторых исторических тем. История Ветхого Завета состояла только из значимых событий, вне поля изучения оставалась, например, тема «Войны Иудейских царей с Израильскими мелкими соседними народами»¹. Формат обучения был выстроен в рамках тематических бесед законоучителя с ученицами, традиционные уроки признавались менее эффективной формой обучения. Таким образом в женских светских средних образовательных учреждениях «Закон Божий», как предмет программы носил в большей степени воспитательный, чем учебный характер.

В епархиальных женских училищах образование имело специализированный характер, выходящего за рамки катехизического. Образовательный процесс был сконцентрирован в духовном направлении, эстетическое воспитание признавалось чуждым для духовенства. В учебную программу включали только самые важные общеобразовательные предметы: русский язык, арифметику и геометрию, географию, историю (всеобщую, гражданскую и церковную), физику, педагогику. Из девушек воспитывали хороших хозяек, поэтому в учебной программе не менее важным, чем общие предметы, был и предмет «Рукоделие». Абсолютные отличия имел подход к обучению предмета «Закон Божий». Количество часов превосходило светские учебные заведения в 2 раза. 4 урока в неделю отводилось на его изучение с первого по третий класс и по 3 часа в неделю с четвертого класса по шестой². Увеличенное учебное время,

¹ Устав женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии... С. 223–224.

² Устав епархиальных женских училищ, дополненный Указами и определениями св. Синода, относящимися к епархиальным женским училищам... URL: <https://www.prlib.ru/item/459906> (дата обращения: 28.08.2021).

направленное на углубленное изучение содержания, позволяло изучать большее количество молитв, распорядок и ход богослужений, историю Русской православной церкви. Специализированный характер обучения в епархиальных училищах проявляется и в методах обучения. Евангелие читали на церковно-славянском языке, осуществляли анализ Священного Писания, переводили тексты богослужебных книг со старославянского языка на русский, давая краткое пояснение¹.

Концептуальная особенность, отличавшая епархиальные женские училища от остальных средних женских образовательных учреждений, заключалась в понимании предназначения воспитанниц. В девушках развивали не просто феминность, а воспитывали будущих жен священников, матушек интеллектуально развитых, способных облегчить труд мужа в церкви и приходе. Девушки становились регентами при церковных хорах, помогали в заведовании хозяйственными делами церкви. Немаловажное влияние оказывали и на состояние религиозности и воцерковлённости прихожан. Жёны священников обучали паству правильно молиться, читать Священное Писание, ориентироваться в ходе литургий, объясняли смысл церковных песнопений². Такие требования, предъявляемые к портрету выпускниц епархиальных женских училищ, выполнялись благодаря введению в учебную программу специальных предметов, таких, например, как церковное пение. На изучение предмета программой было предусмотрено два часа в неделю. В отличие от светских заведений, предмет был обязательным к изучению, а его обучение соответствовало нормам православного христианства. Однако говорить о монастырском характере предмета не стоит, поскольку на уроках изучали и патриотические песни, канты, народные песни и художественные произведения, наполненные историческим и национальным контекстом. По своей сути, церковное пение было

¹ ГААО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 17. Л. 34.

² Лозанов Л. Речь, произнесённая 17-го сентября 1895 г. на годичном акте в Астраханском епархиальном женском училище // АЕВ. 1895. № 20. С. 507.

гармонично интегрировано в содержание уроков музыки. Полученные на уроках церковного пения знания, умения и навыки оттачивали при богослужениях в домовых церквях и храмах города. Ученицы пели в составе хора и сольно¹. Зачастую девушек привлекали священники по частным запросам, к исполнению молебнов и панихид, на церемониях крещения и бракосочетания².

Помимо религиозных дисциплин, в содержание программ общеобразовательных предметов включались темы религиозного характера. К примеру, в программе по гражданской, общей и отечественной истории для четвёртого класса Астраханского епархиального женского училища (1881–1882 уч. год), особое внимание уделялось истории католической церкви, религиозным войнам, реформации Мартина Лютера и давалась оценка действиям католиков против реформы. Такие факты позволяли развивать критическое мышление, умение сопоставлять и анализировать исторические события с точки зрения православного христианина³. На уроках русского языка велось практическое ознакомление со славянским языком, что позволяло ученицам быстрее приобретать знания и навыки в осуществлении молитв и богослужений. В программе по истории России особое место занимала тема «Отмена патриаршества и учреждение Святейшего Синода»⁴. Отдельные исторические сюжеты становились плодотворной почвой для развития духовного потенциала личности воспитанниц. Особое внимание в российской истории, например, уделялось деятельности княгини Ольги и царевны Софьи Палеолог, способствовавших распространению православия и его укреплению в России⁵. Исторические темы также становились самостоятельными циклами в курсе предмета «Закон Божий». Так, истории христианской церкви в Астраханском епархиальном

¹ Андреева Е.А. Духовное образование в епархиальных женских училищах. URL: <http://biblio.narod.ru/gyrnal/statyi/eparx-andr.htm/> (дата обращения: 28.08.2021).

² Дорощеева А.А. Особенности духовного образования и воспитания... С. 32.

³ ГААО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ ГААО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 50. Л. 3–4.

женском училище отводилось 22 урока в шестом классе. Таким образом, осуществлялась преемственность курсов предметов, выстраивание концептуальной основы образования в стенах епархиальных училищ. Стоит также заметить, что обязательной контрольной единицей оценки знаний воспитанниц было написание итогового сочинения по темам предмета «Закон Божий», которые составлял законоучитель училища и утверждал совет училища. Воспитанницы третьего и шестого классов писали сочинения по таким темам, как «Причины и история происхождения раскола в русской православной церкви», «Учение о Духе Святом по восьмому члену Символа веры», «Божественное установление таинств православной церкви» и др., проверку работ учениц осуществляли совместно учитель русского языка и законоучитель¹.

В итоге прохождения образовательного курса девушки приобретали не только качества хорошей жены и «полезной матушки», формировалось и поле их профессиональной деятельности на поприще народного образования². По окончании училища ученицам, согласно уставу, предоставлялось право на получение специального звания «домашней учительницы»³.

Проведённая Святейшим Синодом работа по реформированию духовного образования на протяжении 1907–1916 гг. привела к изменению учебных планов и программ предметов. С 1907 г. в программу обучения в стенах епархиальных женских училищ были включены новые общеобразовательные предметы – алгебра, природоведение и черчение. Рисование было включено в спектр необязательных предметов, наряду с иконописанием, живописью, садоводством, огородничеством и гимнастикой, а также новыми языками (французский и немецкий). Увеличивалось количество уроков по русскому языку (с 11 до 15), геометрии (с 2 до 4), физике (с 5 до 6), гражданской истории (с 9 до

¹ ГААО. Ф. 639. Оп.1 Д. 129. Л. 5–6.

² Новольтов В. Речь о задачах епархиальных женских училищ и о средствах и способах для достижения этих задач, произнесённая 17.09.1894 г. на годичном акте в Астраханском епархиальном женском училище // ЦВ. 1894. № 20. С. 498.

³ Устав епархиальных женских училищ, дополненный Указами и определениями св. Синода, относящимися к епархиальным женским училищам... URL: <https://www.prlib.ru/item/459906> (дата обращения: 28.08.2021).

13), истории русской литературы (с 3 до 8), дидактике (с 2 до 3). При сохранении содержания программы предмета «Закон Божий» сократилось количество часов на изучение – с 21 до 18. Увеличение количества общеобразовательных предметов шло за счёт сокращения предметов духовного характера¹. За расширение общеобразовательного цикла программы обучения выступали многие воспитанницы епархиальных училищ в период первой революции². С этой целью, например, была составлена коллективная петиция Самарского епархиального женского училища с требованием преобразовать программу в соответствии с программой гимназий Министерства народного просвещения³.

Устранить разрыв между женской светской и духовной школами должно было создание 7-х педагогических классов, до 1907 г. существовавших в качестве экспериментальных и действовавших по разработанным местными советами училищ программам. К примеру, программа Саратовского Иоанникиевского епархиального женского училища предусматривала изучение таких предметов, как Закон Божий, методика русского языка, словесность, методика арифметики, педагогическая психология и логика, отчизноведение, церковное пение, методика пения, геометрия, алгебра. По данной программе содержание предмета «Закон Божий» по характеру тем было приближено к богословско-философскому, гармонично сочетавшему основы богословских наук, изучаемых в духовных семинариях и методику обучения⁴.

Программа (1895 г.) Астраханского епархиального женского училища была сосредоточена на формировании практических навыков у воспитанниц,

¹ Определение СС от 23 августа – 5 сентября 1907 г. // ЦВ. 1907. № 36. С. 325.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 443. Л. 38.

³ Там же. Л. 38 об.

⁴ Программы учебных предметов в VII педагогическом классе Саратовского епархиального Иоанникиевского женского училища, применявшаяся в 1903–1904 учебном году и предположенная на 1904–1905 учебный год // СЕВ. 1905. № 8. С. 238–248; № 22. С. 429–434; № 23. С. 438–443.

поэтому преподавались только три предмета: педагогика, дидактика и гигиена¹. Закон Божий и другие предметы не включались в изучение, что обосновывалось уже качественным шестиклассным образованием, а 7-е классы должны были стать профессионально ориентированными. В 1900 г. коллектив Астраханского епархиального женского училища подал рапорт в Учебный комитет Святейшего Синода о разрешении включить в программу 7-го педагогического класса новые предметы: методику Закона Божьего, педагогику, церковное пение, историю русской литературы. Синодальным определением от 22 марта 1900 г. за № 328 прошение было удовлетворено².

В 1907 г., как один из итогов реформы епархиальных женских училищ, были приняты стандартизированные Положение и Программа для 7-х педагогических классов³. В 7-х педагогических классах расширен перечень преподаваемых предметов, вводились педагогическая психология, гигиена, астрономия, история педагогики, история зарубежной литературы, тригонометрия и логика. Исключались из учебной программы рисование, рукоделие и черчение. Курс дидактики заменили на методику преподавания русского языка с церковно-славянским и методику математики. Природоведение заменялось естествознанием. На изучение Закона Божьего также отводилось по три урока в неделю, сверх этого воспитанницы один раз в неделю проводили практический урок по Закону Божьему в образцовой школе⁴. Это же Положение (1907 г.) допускало открытие 8-го класса со специализированными отделениями. В первом, словесно-историческом, углубленно изучалась история искусства. Второе было физико-математическим с уклоном в естественные науки. Согласно идее Положения 1907 г., выпускницы 7-го педагогического класса

¹ Положение о VII педагогическом классе // АЕВ. 1896. № 9. С. 393–396; Программа чтений по гигиене // АЕВ. 1896. № 9. С. 395–396.

² ГААО. Ф. 639. Оп. 1 Д. 189. Л. 2–7.

³ Положение о 7-ом педагогическом классе при епархиальных женских училищах // ЦВ. 1907. № 41. С. 362.

⁴ Положение о 7-ом педагогическом классе при епархиальных женских училищах // ЦВ. 1907. № 41. С. 362; РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 126. Л. 9.

должны были занимать должности учительниц народных школ, а 8-го – получали возможность работать воспитательницами епархиальных училищ, быть учительницами церковно-приходских школ¹.

В 1909 г. Учебным комитетом Синода Советам епархиальных женских училищ были высланы обновлённые программы предметов для 7-х педагогических классов. Их реализация в образовательном процессе была запланирована в 1909–1910 учебном году с целью апробации и дальнейшего совершенствования по рекомендациям с мест². Значительные обновления претерпела программа по Закону Божьему, что было логично обосновано. Воспитанницы епархиальных женских училищ, прошедшие шестиклассный курс обучения, уже обладали базовым уровнем знаний по предмету, курс Закона Божьего был переориентирован на профессиональную педагогическую подготовку. Целеполагание выстраивалось вокруг нескольких важных задач предмета: актуализации знаний, полученных в предшествующих классах; углублённого изучения предмета в 7-м классе; раскрытия религиозно-нравственного, идеологического потенциала предмета; формирования целостного христианского мировоззрения³. В связи с этим в программу Закона Божьего для 7-го дополнительного педагогического класса вводили «Краткий курс православно-христианского вероучения и нравоучения». Центральное место в нём отводилось учению о спасении, нравоучение же не выделялось в особый самостоятельный раздел, но реализовывалось в основном содержании тем, посвящённых раскрытию истин веры. В обучении доминирующую роль авторы программы отводили позитивной оценке православного вероучения, но не исключали целесообразность ознакомления учениц с главными особенностями других христианских вероучений. В данном случае особое внимание сосредотачивалось на подробном обосновании «трёх истин», которые были перетолкованы или

¹ Положение о 7-ом педагогическом классе при епархиальных женских училищах // ЦВ. 1907. № 41. С. 362.

² ГАСО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 8. Л. 56.

³ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 8. Л. 91.

отрицались иными течениями христианства¹. Стоит отметить, что данная программа Закона Божьего, за исключением частных аспектов, совпадала с программой для преподавания Закона Божьего в 8-х классах женских гимназий Московского учебного округа, утверждённой определением Святейшего Синода от 25 сентября – 2 октября 1898 г. за № 3525². Согласно программе, курс Закона Божьего распределялся на две части. В первой части раскрывались основные начала и средства первоначального религиозного воспитания детей в духе православной веры. Во второй части содержались методические указания, знакомившие учениц с общей постановкой изучения Закона Божьего в начальной школе, а также содержали конкретные примеры уроков отдельных тем и частей предмета³. Помимо этого, изучая методику обучения Закону Божьему, учителя обязаны были ознакомить учениц с программой для церковно-приходских школ, практические занятия в образцовой школе выстраивать в соответствии с ней⁴. Воспитанницам, проходившим курс второго года обучения в 7-м классе на уроках Закона Божьего, включили в программу основные начала христианского воспитания по учению Слова Божьего и Святых Отцов Церкви. Изучение тем этой части программы выполнялось на основе чтения и последующего объяснения законоучителем выбранных мест Евангелия, которые имели особое педагогическое значение. В программе были даны рекомендации законоучителям по работе с отделами Нового Завета, что не ограничивало педагогической свободы учителей и было направлено на улучшение образовательного процесса⁵. Вторую половину курса Закона Божьего составляло изучение святоотеческой педагогики в лице выдающихся представителей православного христианства. Изучение педагогической мысли Святых Отцов было неразрывно связано с обстоятельствами их жизни, что позволяло формировать у воспитанниц непосредственное понимание христианских начал. Подобные

¹ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 8. Л. 91.

² ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 8. Л. 91 об.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 93.

нововведения в программе предоставляли воспитанницам епархиальных женских училищ возможность заменять законоучителей, формировали у учениц знания, позволявшие успешно обучать детей предмету в рамках домашнего обучения. Несомненно, одним из главных посылов нововведений стал расчёт на оказание более действенного религиозно-воспитательного влияния на детей в семье и школе¹. К каждой части программы прилагался список рекомендованной литературы, в который вошли методические работы А. Иванова, Н. Страхова, А. Соколова, И. Платонова, П. Смирнова, В. Давыденко, А. Темномерова, А. Анастасьева, В. Миролюбова, А. Дернова, А. Голосова, И. Виноградова, И. Тихвинского, Е. Новик². Примечательно, что в список обязательной литературы к изучению был внесён труд протоиерея Михаила Андреевича Благоднравова³, выдающего представителя астраханского духовенства, духовника и законоучителя Астраханской духовной семинарии, автора фундаментальных исторических и педагогических работ⁴.

Преобразование 7-го дополнительного педагогического класса Астраханского епархиального женского училища в соответствии с обновлёнными программами 1909 г. было отложено, поскольку такой переход требовал значительных финансовых затрат. Поэтому 7-ой педагогический класс продолжал

¹ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 8. Л. 92.

² Иванов А. Методическое руководство для преподающих Закон Божий в начальных школах. Тула, 1902. С. 80; Страхов Н. Краткая методика Закона Божьего с изложением общих основ и средств религиозного воспитания. Харьков, 1905. С. 88; Соколов А. Методика Закона Божьего для законоучителей начальных школ. М., 1905. С. 280; Платонов И. Способы православно-христианского воспитания детей в семье и обучении их Закону Божию в начальной школе. СПб., 1906. С. 141; Смирнов П. Народное образование и церковно-приходская школа. СПб., 1899. С. 216; Давыденко В. Основные начала религиозно-нравственного воспитания с изложением способов обучения Закону Божию. Харьков, 1905. С. 194; Темномеров А. Об условиях воспитательного влияния на детей уроков Закона Божия. СПб., 1905. С. 218; Анастасьев А. Религиозно-нравственное воспитание в школе. СПб., 1905. С. 64; Дернов А. Об истинно христианском воспитании. Чтение по Закону Божьему для слушательниц педагогических курсов. О христианском воспитании (из бесед в церковно-учительской школе). СПб., 1903. С. 663.

³ Благоднравов М. Опыт методического пособия для законоучителей церковно-приходских школ. Астрахань, 1907. С. 176.

⁴ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 8. Л. 92.

действовать по Положению о 7-х дополнительных педагогических классах 1905 г.¹

В 1915 г. Совет Астраханского епархиального женского училища выступил перед епархиальным начальством с инициативой обновления курса дидактики в 6–7 классах, непосредственно связанного с перспективами развития профессиональных качеств учениц епархиального училища. Такая необходимость была вызвана обширностью программного материала, входившего в курс предметов. В 6-м классе училища программа по общей дидактике не позволяла уделять достаточно времени на реализацию практических занятий. Преподаватель сталкивался с проблемами нехватки времени на проверку и критический разбор предварительных конспектов практических уроков, которые готовили ученицы для уроков в образцовой школе, а также учителю не хватало времени производить оценку самих занятий в школе. При трёх уроках в неделю в 6-м классе было невозможно достигнуть успешного выполнения программы согласно её задачам, а именно «чтобы будущие учительницы обладали как знанием, так и умением»². На подготовку учительниц при трёх уроках программа 6-го класса признавалась слишком обширной и невыполнимой в теоретической части без ущерба практической подготовке и обратно. Поэтому некоторые епархиальные училища, например, Омское семиклассное, переносили изучение общей дидактики в 5-й класс, сохранив при этом в 6-м классе три недельных урока. При такой разгрузке 6-го класса преподавание дидактики было более эффективным и лучшим в достижении образовательных результатов. При переносе уроков дидактики в 5-й класс, в 6-м классе появлялась возможность проведения практических уроков в начале учебного года и изучения более подробно методик предметов. Такие перемены позволяли освободить и 7-й класс, где вводилось ознакомление воспитанниц с

¹ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 8. Л. 94; ГААО. Ф. 639. Оп. 1 Д. 52–53. Л. 201.

² ГААО. Ф. 743. Оп. 1. Д. 15. Л. 53–53 об.

наиболее распространёнными методами преподавания грамоты, с элементарными учебниками русского и церковно-славянского языка¹. Изменение распределения количества уроков, предложенное выше, было отвергнуто ввиду затруднений, вызванных Первой мировой войной и занятости помещений училища под дислокацию войск и лазареты².

Итогом послереволюционной реформы епархиальных женских училищ стало расширение учебной программы общеобразовательным дисциплинам. Учебный процесс епархиальных училищ становился максимально приближенным к образовательной программе мариинских гимназий МНП, но по-прежнему центральное место в программах отводилось религиозным предметам. В целом компонент духовного образования в епархиальных женских училищах по-прежнему превалировал по отношению к женским светским средним учебным заведениям. Также можно заметить, что новые программы епархиальных женских училищ 1907 г. дифференцировали курсы русского, церковно-славянского языка и теории словесности, действовал самостоятельный обязательный предмет «Церковное пение», а содержание предмета «История» было укрупнено темами церковной истории³. Таким образом, Святейший Синод пытался достигнуть компромисса между требованиями корпорации воспитанниц, духом времени, но сохранить специфичность женской средней духовной школы. Всё же светская школа в правовых и реальных возможностях выпускниц явно доминировала по отношению к женской духовной школе.

Пересмотр предметов религиозного содержания был принципиальным требованием и светской школы. На съезде законоучителей светских учебных заведений (1909 г.) участники активно обменивались мнениями, устраивали дискуссии по вопросам методики обучения религиозным предметам, осуществляли поиск решения проблем религиозного образования не только в

¹ ГААО. Ф. 743. Оп. 1. Д. 15. Л. 53–53 об.

² ГААО. Ф. 743. Оп. 1. Д. 15. Л. 48.

³ Попова О.Д. Епархиалки и российское общество ... СПб., 2019. С. 386–387.

светских, но и духовно-учебных заведениях¹. В итоге съездом были приняты решения: разработать единый курс предмета «Закон Божий» для всех учебных заведений без спецификаций по типам, основанный на принципах преемственности начального и среднего образования; общий обязательный курс предмета «Закон Божий» включал тематические разделы по Священной истории и учению о богослужении, пространственный катехизис, объединённый курс всемирной и отечественной истории церкви; устанавливался норматив количества уроков – минимум два часа в неделю; основы православной христианской веры и молитв изучались в начальных училищах, в подготовительных классах и не включались в общий для всех средних училищ курс Закона Божьего; совершенствовалась методология обучения церковной истории (всеобщее использование священно-исторических карт, включение библейского текста в общий контекст)². В итоге проведённых мероприятий по усовершенствованию религиозного образования и воспитания были приняты новая программа по Священной истории Ветхого Завета для светских средних учебных заведений³, а также новая программа преподавания Закона Божьего в 6–7-х классах гимназий⁴. Все вышеперечисленные требования к содержанию предмета в них были удовлетворены.

Начальное женское образование являлось механизмом воспитания религиозности, гражданственности и патриотизма в народе, поэтому предмет «Закон Божий» в начальных учреждениях разного типа был обязательным к изучению предметом и носил воспитательный и жизненно ориентированный характер. В программе предметов для начальных народных училищ МНП 1897 г. включались Закон Божий и церковно-славянская грамота, при финансовой

¹ Собрание законоучителей средних светских учебных заведений г. Астрахани в 1913 г. Астрахань, 1913. С. 1.

² Определение Святейшего Синода от 15 июля – 18 августа 1910 г. за № 5414 по постановлению бывшего съезда законоучителей светских средних учебных заведений // ЦВ. 1910. № 38. С. 360–361.

³ Программа по священной истории Ветхого Завета для светских средних учебных заведений // ЦВ. 1910. № 38. С. 367.

⁴ Преподавание Закона Божьего в 6–7 классах гимназий // ЦВ. 1910. № 38. С. 367–370.

возможности школ – и предмет «Церковное пение»¹. Программой на обучение Закону Божьему выделялось шесть часов в неделю, на церковно-славянский язык и церковное пение – по три часа в неделю, что составляло 44% всей учебной нагрузки². В первый год обучения изучали основные молитвы, заучивали «Символ Веры» и «Заповеди Христа», на втором году проходили 48 тем Священной истории, третий год обучения был сосредоточен на изучении учения о Богослужении. На уроках церковно-славянской грамоты ученицы изучали церковно-славянскую азбуку, сопоставляли её с русским алфавитом, читали на церковно-славянском языке отрывки Евангелия, Часослов и Псалтырь³. На переводных экзаменах по Закону Божьему присутствовали не только учителя школы, но и приглашённые священники, а иногда и епископы⁴. Так, например, в 1911 г. в 10-м Саратовском женском городском начальном училище члены экзаменационной комиссии задавали ученицам дополнительные вопросы по истории Ветхого и Нового Заветов, проверяли знание Десятиглавия, Символа Веры, заслушивали прочтение наизусть молитв «Господу и Богоматери» с последующим объяснением их смысла⁵. Таким образом, начальное духовное образование решало задачу привития обучающимся норм религиозного поведения, формировало первоначальное религиозно-нравственное мировоззрение. Полученные базовые знания и навыки в школе являлись прочным подспорьем для повседневной жизни⁶.

Духовный компонент начального образования в церковных школах был выстроен несколько иначе. Согласно Положению о церковных школах Ведомства православного исповедания, обнародованного в 1902 г., церковные школы разделялись по возрастному предназначению для взрослых и детей

¹ Анастасьев А. Указ. соч. С. 80.

² Там же.

³ Дорофеева А.А. Особенности духовного образования и воспитания... С. 33.

⁴ Там же. С.81–86.

⁵ ГАСО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 150. Л. 2.

⁶ Дорофеева А.А. Особенности духовного образования и воспитания... С. 33.

(школы грамоты, церковно-приходские школы, воскресные школы). Для решения задачи по подготовке учительских кадров создавались второклассные учительские и церковно-учительские начальные школы¹. По гендерному признаку не было особенных ограничений, поэтому все церковные школы могли быть как смешанными, так и исключительно мужскими или женскими². Обучение девочек находилось под особым контролем государственно-церковной власти. В одной из речей обер-прокурора Святейшего Синода В.К. Саблера отмечалось, что женщина, получившая хотя бы минимальное образование, оказывала позитивное влияние на всю семью, поскольку знания, умения и навыки она с лёгкостью могла передавать своим детям через домашнее обучение³. Таким образом, к социальной роли матери добавлялась важная обязанность – распространение первоначальной грамотности⁴.

Астраханским духовенством целенаправленно открывались церковно-приходские школы на территориях с максимально заселёнными иноверцами, как, например, в с. Пришиб Енотаевского уезда Астраханской области⁵. Во всех школах губернии на уроках истории толкование фактов и событий обязательно обрамлялось выводами с религиозной точки зрения. Знания, транслируемые учителями физики, географии, биологии, астрономии и др., не должны были ставить под сомнение религиозные истины, особенно активно религиозной критике подвергалась эволюционная теория Чарльза Дарвина⁶. В саратовских женских городских начальных училищах среди заданий экзамена по русскому языку и чтению были тексты не только исторического, географического характера, но и религиозно-нравственного содержания⁷.

¹ Анастасьев А. Указ. соч. С. 401.

² Там же. С. 403.

³ Анастасьев А. Указ. соч. С. 400.

⁴ Дорофеева А.А. Особенности духовного образования и воспитания... С. 33.

⁵ Архангельский Ф. Отчёт о состоянии церковных школ Астраханской епархии в 1900–1901 учебном году. Астрахань, 1901. С. 2.

⁶ Синельников С.П. Преподавание Закона Божьего в учебных заведениях России до 1917 г. URL: <https://bogoslav.ru/article/453126/> (дата обращения: 28.08.2021).

⁷ ГАСО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 45. Л. 2.

Исходя из типа церковной школы, наблюдаются определённые различия в программах предметов религиозного характера. В школах грамоты на уроках Закона Божьего заучивали молитвы, изучали краткий православный катехизис и Священную историю. Особенно много внимания было сосредоточено на уроках церковного пения и церковно-славянского языка¹. Программа Закона Божьего в одноклассных церковно-приходских школах была укрупнена за счёт тем о богослужениях, а программа второклассных церковно-приходских школ отличалась курсом церковной истории; воскресные школы обучали Закону Божьему по программе одноклассных церковно-приходских школ². В большей степени отличались содержание учительских школ, которые были не просто профилирующими, а готовили религиозно грамотных педагогов. Программа обучения второклассных учительских школ содержала специальные предметы (такие как, например, педагогика, дидактика), содержание Закона Божьего было увеличено за счёт подробного изучения всеобщей церковной истории и истории Русской православной церкви. Также в этих школах обучали церковному пению и музыке, церковно-славянскому языку, иконописанию³. В программу церковно-учительских школ включали дополнительные светские предметы, а духовный компонент был идентичен второклассным учительским школам. Яркой особенностью обладал предмет «Церковное пение», в рамках которого обучали регентству⁴.

В 1911 г. была обновлена программа церковно-приходских школ. На изучение предмета в первый и второй годы обучения отводилось шесть часов в неделю. В первый год изучения содержание предмета было разделено на два раздела. Вводный раздел знакомил с общехристианскими понятиями о Боге, основными библейскими событиями, с главными христианскими праздниками. Второй раздел «Научение молитв», кроме самого изучения, подразуме-

¹ Анастасьев А. Указ. соч. С. 403.

² Анастасьев А. Указ. соч. С. 401–403.

³ Там же. С. 405.

⁴ Там же. С. 406.

вал обучение ритуальным действиям и движениям (крестное знамение, поклоны, коленопоклонения), сообщалось о правилах поведения в храме и само устройство храма. На втором году обучения программой подразумевалось изучение разделов: Священной истории Ветхого завета, Нового Завета, «научение молитв» с объяснением хода литургии. На третьем году обучения сообщались начальные сведения из истории христианской церкви, учение о богослужениях, молитвы. На четвёртом году изучали краткий христианский православный катехизис¹.

Усиление духовного компонента образования происходило и за счёт системы духовно-нравственного воспитания девочек. Религиозное воспитание реализовывалось и во внеучебное время, где правила духовно-нравственного воспитания были идентичны нормам православия. Повседневная жизнь воспитанниц епархиальных училищ была строго регламентирована, напоминала облегчённый вариант монастырской жизни. Ежедневные молитвы (утренние, перед и после каждого урока, обеденные и вечерние молитвы) в обыденные дни в сумме занимали два часа. В праздничные и выходные дни «епархиалки» обязательно присутствовали и участвовали в отправлении богослужений и литургий (читали и пели на клиросах, исполняли обязанности помощника ктитора, уставщицы, украшали храм)². Строго соблюдались посты и священные таинства. Подконтрольно училищу, исповедь и причастие проводились два раза в год, в первую неделю Великого поста и перед Рождеством согласно установленному расписанию. Во время говения учениц в Астраханском епар-

¹ Программы учебных предметов для церковно-приходских школ // ЦВ. 1911. № 45. С. 351–364.

² Отчёт о состоянии Астраханского епархиального женского училища // АЕВ. 1903. № 1–5. С. 1–14; Отчёт Астраханского епархиального женского училища за 1904–1905 учебный год // АЕВ. 1905. № 23. С. 1–25; Отчёт Астраханского епархиального женского училища за 1908–1909 учебный год // АЕВ. 1908. № 23. С. 1–21; Отчёт Астраханского епархиального женского училища за 1909–1910 учебный год // АЕВ. 1910. № 1. С. 20; Отчёт Астраханского епархиального женского училища за 1912–1913 учебный год // АЕВ. 1913. № 32. С. 1–22.

епископальном женском училище уменьшалась нагрузка для самостоятельной подготовки к учебным занятиям¹. Кроме того, воспитанницы постоянно посещали церковные необязательные службы. Особенно эти службы посещали воспитанницы 7-го педагогического класса². Среди воспитанниц Саратовского епархиального женского училища была установлена «религиозная традиция». В дни своих именин или ближайшие к ним праздничные дни ученицы сами служили молебны своим святым. Обыденным явлением было посвящение свободного времени молитвам в училищном храме. После вечерней молитвы, а иногда и до утренней молитвы, пока ещё никого не было в церкви, некоторые воспитанницы по собственному желанию оставались или приходили в церковь молиться³.

Личное время, которое ученицы проводили за чтением книг, являлось хорошим проводником истин веры и христианской нравственности через прочтение литературы религиозного содержания. Библиотеки пополнялись книгами, которые выдержали экспертизу в Святейшем Синоде и МНП. Приобретение новых книг осуществлялось по брошюрам со списком духовно-нравственной литературы, рекомендованной законоучителям и библиотекарям. Также осуществлялись меры по поддержке авторов книг для молодёжи из среды духовенства. Для стимулирования их к издательской деятельности с 1884 г. Святейший Синод ежегодно организовывал конкурс на соискание премии Митрополита Макария⁴. Одним из способов религиозного воспитания в церковных школах было привлечение воспитанниц в состав ученических церковных хоров для сопровождения богослужений, обеден в церквях, особенно

¹ Андреева Е.А. Духовное образование в епархиальных женских училищах. URL: <http://biblio.narod.ru/gyrnal/statyi/eparx-andr.htm> (дата обращения: 28.08.2021).

² Отчет о состоянии 2-го Саратовского епархиального женского училища в г. Вольске в учебно-воспитательном отношении за 1901–1902 учебный год (первый со времени открытия училища) // СЕВ. 1903. № 2. С. 41–56; 1904. № 1. С. 18; 1905. № 7. С. 436; 1916. № 4. С. 138; Отчёт о состоянии Саратовского Иоанникиевского епархиального женского училища // СЕВ. 1916. № 13. С. 487; Отчёт о состоянии Саратовского Епархиального Иоанникиевского женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1903–1904 учебный год // СЕВ. 1905. № 1. С. 14–24.

³ Там же.

⁴ РГИА. Ф. 808. Оп. 10. Д. 12. Л. 3.

во время церковных праздников и выходные дни¹. Новыми формами организации религиозно-нравственного воспитания стали литературные религиозно-нравственные чтения².

Но воспитательная система в женских духовно-учебных учреждениях состояла не только из молитв, постов и чтения религиозной литературы, а педагогическим коллективом организовывались различные внеклассные мероприятия. Их можно классифицировать на несколько видов: ежегодные акты выпуска учениц и акты, посвящённые престольным праздникам, закладке храмов и церквей; творческие вечера, концерты и спектакли; экскурсии и паломничества.

В системе воспитания достаточное внимание уделялось развитию творческих способностей учениц. Начиная с 1900-х гг. в епархиальных женских училищах расширялся светский элемент воспитания. Назвать его в полной мере эстетическим, как в мариинских гимназиях и других светских женских учебных заведениях, на наш взгляд, представляется ошибочным. Тем не менее, появление внеклассных мероприятий нерелигиозного содержания имеет место в практике большинства епархиальных женских училищ Российской империи. Например, Советом Астраханского епархиального женского училища приветствовалась организация ученических творческих вечеров, спектаклей и концертов. В Астраханской губернии создавались ученические кооперации, которые состояли из воспитанниц Мариинской женской гимназии, епархиального женского училища и воспитанников духовного училища и семинарии г. Астрахани. Так, в Астраханском епархиальном женском училище достаточно часто проводились литературно-музыкальные вечера, на которых присутствовали приглашённые представители духовенства, преподаватели,

¹ ГАСО. Ф. 280. Д. 149. Л. 49; Д. 176. Л. 70.

² ГААО. Ф. 639. Оп. 1 (1910). Д. 4. Л. 144, Л. 123; Образовательное и религиозно-воспитательное значение ученических экскурсий // ЦВ. 1910. № 36. С. 1520–1528; Паломничество воспитанников духовно-учебных заведений // АЕВ. 1900. № 22. С. 923–929; Эстетические увеселения в наших духовно-учебных заведениях на святках // АЕВ. 1910. № 3–4. С. 121–128.

родители и родственники учениц. В 1910 г. состоялся праздничный вечер из двух отделений: в первом была поставлена оперетта Брянского «Музыканты», для которой сами артисты подготовили необходимые костюмы и оформление; во втором отделении зрителям показали выступление хора, исполнение музыкальных произведений, чтение стихов. Ученицы играли на рояле произведения И.С. Баха («Baliverne»), Г. Волленгаупта («A La Polacca»). Завершением праздничного вечера стали танцы¹. Подобные совместные праздники проводились и в начальных учебных заведениях МПН, церковно-приходских школах, в частности, приуроченные к 300-летию царствования Дома Романовых. Для учеников Астраханской губернии был составлен цикл мероприятий: посещение епархиальной библиотеки с демонстрацией «туманных картин», торжественные вечера². В Саратовской губернии проводились музыкальные новогодние праздничные мероприятия, программа которых наполнялась церковными песнями, музыкальными пьесами и литературными произведениями³. Новогодние «праздники с ёлкой» устраивались чаще всего в городских народных училищах, где стали традицией с 1877 г. Подобные мероприятия проводились с разрешения губернатора и попечителя Казанского учебного округа⁴.

Одним из видов мероприятий стали юбилеи служащих. Например, в 1910 г. в Астраханском епархиальном женском училище поздравляли с 40-летним юбилеем службы начальницу училища Александру Ивановну Иванову. На мероприятии присутствовали преподаватели, работники и воспитанницы училища. Среди приглашённых гостей был Астраханский епископ Георгий, казначей женского Благовещенского монастыря монахиня Платонида, выпускницы училища. На мероприятии чествовали юбиляршу, отмечая черты характера и заслуги; воспитанницы исполняли поздравительные песни, читали

¹ ГААО. Ф. 639 Оп. 1 (1910) Д. 4. Л. 144; Эстетические увеселения в наших духовно-учебных заведениях на святках // АЕВ. 1910. № 3–4. С. 122.

² ГААО. Ф. 651. Оп. 8. Д. 15. Л. 15.

³ ГАСО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 179. Л. 6.

⁴ Гусева О.В. Становление системы народного образования в Саратовской губернии во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 147.

стихи; выпускницы и коллеги дарили подарки, зачитывали поздравительные телеграммы. После официальной поздравительной части воспитанниц училища угощали сладостями, а гостей чаем и завтраком. Подобные юбилеи, хоть и не являлись видом внеклассной деятельности, но возлагали на служащих и учениц подготовку мероприятия, носили семейный характер, сопровождалась непринуждёнными беседами¹. В своей совокупности это оказывало позитивное воздействие на формирование характера воспитанниц и «корпоративной культуры».

Особое внимание в духовно-учебных заведениях уделяли нравственному и патриотическому воспитанию. Советом училища организовывались встречи, лекции и беседы, посвящённые женскому здоровью, гигиене. Тематикой встреч часто являлось социальное предназначение женщины в роли жены и матери. В епархиальных училищах и церковных школах проводились юбилейные мероприятия к 100-летию Отечественной войны 1812 г. Учениц привлекали к участию в благотворительной деятельности, помощи по уходу за ранеными во время Первой мировой войны в госпиталях, один из которых располагался в стенах Астраханского епархиального женского училища².

Эффективным методом духовно-нравственного воспитания и культурного просвещения воспитанниц женских учебных учреждений стали экскурсионные поездки в музеи, пешие прогулки к ближайшим достопримечательностям и историческим местам³. Таким образом, можно заметить, что в системе воспитания в духовно-учебных заведениях появились светские элементы эстетического характера, осуществлявшегося за счёт проведения внеклассных мероприятий и экскурсий. Это демонстрирует постепенное освоение новых форм воспитания педагогическим сообществом в среде духовенства и

¹ 40-летний юбилей начальницы Астраханского епархиального женского училища // АЕВ. 1910. № 5. С. 188–198.

² Речь о приготовлении девиц к обязанностям матери и хозяйки // ЦВ. 1895. № 2. С. 214; ГААО. Ф. 651. Оп. 8. Д. 15. Л. 15; Ф. 743. Оп. 2. Д. 3. Л. 112; Какими средствами располагает церковно-приходская школа в деле религиозно-нравственного воспитания учащихся // СЕВ. 1898. № 17. Отд. неофиц. С. 881–885.

³ Попова О.Д. Указ. соч. С. 163–166.

сохранение своеобразия женской духовной школы. В целом воспитательная система духовно-учебных заведений была во многих аспектах созвучна светской школе, а именно: ученицам прививали семейные ценности, нравственность и духовность, любовь к Отечеству и ближним. Знания, приобретённые в рамках учебного процесса, способствовали определению социальной роли женщины, приобретению опыта хозяйственной и трудовой деятельности.

Насколько была результативной проведённая государством и Синодом политика в сфере женского духовного образования? Рассмотрим этот вопрос на примере женских учебных заведений Нижнего Поволжья. В епархиальных женских училищах Нижнего Поволжья средний балл учениц по Закону Божьему варьировал от 3,77 до 4,47, по церковной истории – от 3,0 до 4,5 (показатели включают сумму годовых отметок, экзаменов и письменных сочинений). Успеваемость по предметам составила 96,5% с качественным показателем в 65,29%¹. По успеваемости среди предметов можно констатировать, что наибольшие сложности вызывало изучение церковно-славянского языка, далее – Закона Божьего. Большинство учениц имели положительные оценки по церковному пению. Средний балл успеваемости по предметам религиозного цикла в Астраханском епархиальном женском училище (с 1880–1915 гг.) составил 3,5, в Саратовском Иоанникийевском епархиальном женском училище – 3,9, что демонстрирует более высокий уровень подготовки учениц². Резуль-

¹ Годовой отчёт о состоянии Саратовского епархиального женского училища // СЕВ. 1880. № 6. С. 30–31.

² ГААО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 4. Л. 131–143; Д. 10. Л. 141–145; Д. 32. Л. 55–63; Д. 37. Л. 171–177 об.; Д. 69. Л. 2 об.–24; Д. 67. Л. 1–34 об.; Д. 51. Л. 10 об.–16 об.; Д. 48. Л. 39–42 об., 50, 52; Д. 50. Л. 26–31; Д. 38. Л. 35–38; Д. 43. Л. 16–20 об.; Д. 49. Л. 1–32; Д. 54. Л. 1–31; Д. 76. Л. 25 об.–31 об.; Д. 68. Л. 70–78; ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 9. Л. 46 об., 59–62 об., 709 об.–71 об.; Д. 13. Л. 327 об.; Д. 6. Л. 1–31 об.; ГАСО. Ф. 710: Оп. 1. Д. 18. Л. 11 об.–25 об.; Д. 22. Л. 1, 3 об., 5 об., 7 об., 9 об., 11 об., 13 об., 15 об., 17 об., 19 об., 21 об.; Д. 26. Л. 2–13 об.; Д. 32. Л. 1 об.–13 об.; Д. 37. Л. 1 об.–29 об., 28–28 об.; Д. 41. Л. 1 об.–12 об., 25–33, 45–87; Д. 47. Л. 1 об.–13 об.; Д. 58. Л. 1 об., 3 об., 5 об., 7 об., 9 об., 11 об., 13 об., 15 об., 17 об., 19 об., 21 об.; Д. 61. Л. 1 об., 3 об., 5 об., 7 об., 9 об., 11 об., 13 об., 15 об., 17 об., 19 об., 20 об., 23 об., 25 об.; Д. 66. Л. 1 об., 3 об., 5 об., 7 об., 9 об., 11 об., 13 об., 15 об., 17 об., 19 об., 21 об., 23 об., 25 об.; Д. 97. Л. 1 об.–15 об.

таты анализа успеваемости в светских женских учебных заведениях по предмету «Закон Божий» представлены следующими показателями: в 1890–1915 гг. средний балл успеваемости учениц Саратовской Мариинской гимназии по Закону Божьему составлял 4,41, качественная успеваемость была равна 92,37 %, абсолютная – 100 %¹. В Саратовской частной женской гимназии С.Н. Штокфиш средний балл учениц по Закону Божьему составлял 4,4², абсолютная успеваемость была 93,3 %, качественная – 33,3 %. Такие показатели позволяют предположить, что требования к знаниям учениц были невысокими, так же, как и степень учебной нагрузки. По книгам учёта успеваемости Аткарской городской Алексеевской женской гимназии подсчитаны показатели успеваемости за 1908–1917 гг.: так, средний балл успеваемости по Закону Божьему составил 4,6, абсолютная успеваемость – 99,67%, качественная – 70,5%³. Таким образом, прослеживается позитивная динамика в абсолютной успеваемости, поскольку к концу анализируемого периода количество учениц с неудовлетворительными результатами достигло нуля, но при этом качество знаний постепенно ухудшалось.

Результаты духовного воспитания в епархиальных женских училищах ежегодно освещались в отчётах, где основными показателями можно считать оценки за поведение и характеристику случаев дисциплинарных нарушений. Характеристика воспитательной деятельности в основном состояла из общей оценки за поведение, как правило это было «хорошо» и «отлично». Религиозное состояние воспитанниц признавалось «хорошим». Воспитанницы епархиальных женских училищ Нижнего Поволжья, по данным отчётов, с должным образом выполняли религиозные обязанности.

Из 16 женских начальных народных училищ г. Саратова успеваемость учениц в одном периоде проследить довольно сложно, поскольку архивные

¹ ГАСО. Ф. 566. Оп. 1. Д. 27. Л. 10; Ф. 245. Оп. 1. Д. 35. Л. 2–12; Д. 48. Л. 1–7; Ф. 650. Оп. 1. Д. 3. Л. 64; Оп. 1. Д. 2. Л. 93 об., 28, 19.

² ГАСО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–4, 7–9, 21–22, 30–31, 39–40, 43–44, 46.

³ ГАСО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–197; Д. 3. Л. 1–205; Д. 4. Л. 1–249; Д. 5. Л. 1–162; Д. 6. Л. 2–317; Д. 7. Л. 1–320.

материалы прерывисты с точки зрения хронологического порядка. Тем не менее, отметим результаты обучения Закону Божьему некоторых учебных заведений, полученных на основе анализа экзаменационных ведомостей. В 1884–1911 гг. средний балл десяти женских городских начальных училищ варьировал от 3,4 до 4,9, наилучшие показатели абсолютной и качественной успеваемости по предмету наблюдаются в 1-м женском городском начальном училище¹. В Астраханской губернии результаты начального обучения были несколько иными. Ученицы 1-го женского приходского училища г. Астрахани демонстрировали следующие успехи успеваемости по предмету «Закон Божий»: в 1883 г. средний балл – 3,42, в 1884 г. – 3,7, в 1915 г. – 4,06. Успеваемость учениц 4-го женского приходского училища г. Астрахани в 1907–1908 учебном году составила в среднем 3,13 балла, в 1908–1909 – 2,9 балла, в 1909–1910 гг. – 3,0. Средняя абсолютная успеваемость за эти годы составила 56%, качественная – 34%, что демонстрировало низкий уровень знаний учениц по предмету «Закон Божий»². Успеваемость девочек 15-го женского приходского училища г. Астрахани по итогам 1910 учебного года составляла в среднем 4,5 балла, в 1912 г. – 3,8, в 1915 г. – 4,3, в 1916 г. – 3,6³. В Сасыкольском двухклассном училище успеваемость девочек в 1916 г. была на уровне городских приходских училищ: средний балл – 3,5, абсолютная успеваемость – 100%, качественная – 29,4%⁴. Таким образом, по Астраханской губернии средняя абсолютная успеваемость за эти годы составила 56%, качественная – 34%, что демонстрировало низкий уровень знаний учениц по предмету «Закон Божий».

¹ ГАСО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 48. Л. 2, 3–4; Д. 1. Л. 2–3; Д. 60. Л. 1–2, 3, 4–5, 6; Д. 127. Л. 1–4, 6–8; Д. 18. Л. 1–4; Д. 54. Л. 1–2; Д. 45. Л. 1–2; Д. 72. Л. 2; Д. 81. Л. 1–2; Д. 177. Л. 19 об.–2, 3, 4–7; Д. 150. Л. 1 об.–2.

² ГААО. Ф. 651. Оп. 5. Д. 1. Л. 7–10 об.; Оп. 5. Д. 2. Л. 13–17 об.; Оп. 9. Д. 2. Л. 10–13 об., 52–53, 93–98.

³ ГААО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6. Л. 14–19; Оп. 6. Д. 4. Л. 8–10; Оп. 6. Д. 2. Л. 10–12; Оп. 6. Д. 5. Л. 37–43.

⁴ ГААО. Ф. 318. Оп. 2. Д. 20. Л. 23 об.

Проследить динамику успеваемости церковных школ Нижнего Поволжья невозможно ввиду отсутствия количественных данных в материалах региональных архивов и отчётах о деятельности епархиальных училищных советов. Это объясняется тем, что результаты обучения в церковных школах измерялись не в оценках, а в совокупности приобретённых навыков. Чаще всего в отчётах епархиальных наблюдателей давалась характеристика школ в учебно-воспитательном отношении, как правило, особое внимание заострялось на проблемных аспектах. Исходя из этого, выделим некоторые позитивные и негативные тенденции обучения предмету «Закон Божий».

Методика обучения не была стандартизирована, многие учителя импровизировали или вовсе относились к подготовке занятий попустительски. В методическом арсенале преобладал устный метод изложения учебного материала, основное отличие его использования заключалось лишь в доступности изложения. В некоторых школах лекции велись на доступном языке, в других же сухо цитировались положения Евангелия. Популярным методом обучения в младших классах было дословное заучивание молитв, зачастую несоизмеримое с умственными возможностями учениц. Заучивали молитвы со слов учителя, поскольку процесс освоения чтения и письма мог занимать долгое время. Наилучшим способом заучивания признавалось изучение молитв по частям с объяснением законоучителем смысла молитв. Занятия по Священной истории в старших классах преимущественно осуществлялось на основе чтения по учебнику, либо самостоятельного, либо поочередного в слух. Или законоучителя вели рассказ, затем проверяли усвоение знаний устными вопросами¹. На уроках церковно-славянского языка оттачивалось механическое чтение церковно-славянских текстов, что не способствовало усвоению прочитанного². Преобладание механического усвоения знаний объяснялось недостаточным уровнем образования педагогов и их неопытностью³. Имевшиеся при школах

¹ ГААО. Ф. 954. Оп. 1. Д. 2. Л. 13 об.

² ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 4. Л. 203.

³ Отчёт о состоянии церковных школ Саратовской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1913–1914 учебный год // СЕВ. 1915. № 24. С. 992.

наглядные средства обучения – глобусы, карты, портреты использовались во многих школах не по назначению, а были средством демонстрации состоятельности школы¹. Кроме негативных моментов, обозначенных выше, наблюдаются и позитивные примеры. Например, в некоторых школах Черноярского уезда Астраханской губернии обучение Закону Божьему велось с помощью «туманных картин», особое позитивное влияние на детей оказывали «картины на полотне». Существовали прецеденты, когда на подобные уроки приходили не только дети, но и их родители. В последующем такая практика применялась на религиозных чтениях². В отчётах епархиальных наблюдателей Аткарского, Петровского и Царицынского уездов отмечались только успехи в преподавании (1914 г.). Так, по отчёту наблюдателя Аткарского уезда, ученицы школ грамоты знали тексты молитв и умели передавать их смысл, успешно рассказывали события Священной истории и Ветхого и Нового Заветов, имели правильное представление о внешнем и внутреннем устройстве храма, о лицах, совершивших богослужение. По церковно-славянской грамоте ученицы свободно читали Евангелие, Часослов и Псалтырь, переводили славянскую речь на русскую³.

В некоторых нижеволжских школах, несмотря на существовавшие программы предметов и тематические распределения уроков, обучение Закону Божьему в основном велось бессистемно⁴. Законоучителя самостоятельно определяли область важных для изучения тем, невзирая на рекомендации и утверждённые программы. Без изучения, например, оставались важные части программы предмета «Закон Божий», такие как Часослов. Все дети иноверческих религиозных учений и языческого исповедания, обучавшиеся в астраханских церковно-приходских школах и школах грамоты, наравне с православными детьми изучали все учебные предметы программы, в том числе и Закон

¹ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 4. Л. 203.

² ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 4. Л. 27 об.

³ Отчёт о состоянии церковных школ Саратовской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1912–1913 учебный год // СЕВ. 1914. № 9. С. 12.

⁴ ГААО. Ф. 743. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–6.

Божий у православного законоучителя¹. На качество усвоения учебного материала сказывалась прерывистость обучения², что было укоренившейся практикой на протяжении 1880–1916 гг. Перерывы в школьных занятиях, по отчётам уездных наблюдателей, регистрировались ежегодно: так, в 1914–1915 учебном году в Саратовской епархии отмены занятий были зарегистрированы в 43 школах. Длительность перерывов в обучении была различной, от семи дней до двух месяцев. Причины также были весьма разнообразными: эпидемиологические вспышки, болезнь обучающихся (карантин), отсутствие учителей, условия военного времени (мобилизация, дислокация войск и военнопленных в зданиях школ), конфликты между учителями и крестьянским обществом, погодные условия и стихийные бедствия³.

Основной потенциал предмета и задача церковно-приходской школы раскрывалась в воспитательной деятельности, на что и был сделан основной упор законоучителей, которые следили за установленным порядком совершения молитв. В нижеволжских школах утренние молитвы осуществлялись хором всем классом, каждый урок оканчивался молитвой. Во время уроков Закона Божьего и во время утренних молитв горели лампы. Обязательным также было посещение храма в праздничные и воскресные дни, на которых учеников привлекали к чтению «часов». Ученики помогали священникам во время богослужений, подавали кадило, выносили подсвечники и свечи, пели в малых и больших хорах храма, а также держали свечи, стоя у аналоя при чтении дьяконом Евангелия, сопутствовали священникам при крестном ходе на Пасху и другие крупные праздники, помогая в чтении и пении. Законоучителя также следили за временем поста и таинством исповеди своих учеников⁴. Од-

¹ ГААО. Ф. 955. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.

² ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 11. Л. 14 об.; Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.–6.

³ Отчёт о состоянии церковных школ Саратовской епархии за 1914–1915 учебный год // СЕВ. 1916. № 19. С. 731–732.

⁴ ГААО. Ф. 954. Оп. 1. Д. 2. Л. 24; ГАСО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 149. Л. 49; Ф. 280. Оп. 1. Д. 176. Л. 70; Ф. 36. Оп. 6. Д. 3. Л. 4.

нако во многих школах уроки церковного пения воспринимались, как необязательные и внепрограммные, поэтому ученики не могли употреблять изученные молитвы и песнопения при богослужениях. В некоторых школах вовсе не велись богослужебные чтения, отсутствовали ученические школьные хоры¹.

Конечно, на результатах обучения сказывалась профессиональная компетентность и личные качества законоучителей и учителей. Среди главных причин низкой успеваемости, по мнению епархиальных наблюдателей, была неопытность учителей и недостаток знаний у них, а также невнимательность по отношению к предмету и ученикам, грубость, некоторые учителя демонстрировали пассивное религиозно-нравственное поведение, страдали алкогольной зависимостью². Несостоятельность учителей вела к нарушению дисциплины, что приводило к низким образовательным результатам. В свою очередь, родители, видя это, не проявляли заботливого внимания к школам, не участвовали в её жизни и благоустройстве³.

Немаловажную роль на микроклимат в школах оказывали и методы воспитания. Шаловливых и ленивых учеников подвергали дисциплинарным мерам воздействия, исходя из степени совершенного проступка. Среди видов наказаний учителя использовали замечание, выговор перед классом, стояние за партой, оставление после уроков в классе для выполнения дополнительных заданий или хозяйственных работ, стояние на коленях во время уроков. Последний вид наказаний неоднократно осуждался епархиальными наблюдателями, учителям рекомендовали исключить этот метод, но на практике он продолжал своё существование. В случаях грубых нарушений приглашали родителей учениц в школу. Усердных и прилежных девочек в поведении или учебе публично поощряли перед классом или на школьных собраниях⁴.

¹ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 4. Л. 203 об.

² ГАСО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 79. Л. 11; ГААО. Ф. 743. Оп. 1. Д. 1. Л. 30; Ф. 743. Оп. 2. Д. 14. Л. 14–17.

³ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 14. Л. 14 об.

⁴ ГААО. Ф. 954. Оп. 1. Д. 2. Л. 25–26; Отчёт Саратовского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамотности по Саратовской епархии за 1889–1890 учебный год // СЕВ. 1891. Приложение к № 1–2. С. 20.

Ослабление уровня религиозного воспитания и обучения было свойственно и начальным школам МНП, особенно ярко проявлялось в 1900-е гг. В Астраханской губернии в ряде женских приходских училищ прекратилось сопровождение учителей при посещении ученицами воскресных и праздничных богослужений. Признавалось, что это пагубно влияло на воспитательную деятельность народной школы и дискредитировало её в общественном мнении. Поэтому, согласно Циркуляру директора народных училищ Астраханской губернии от 10 марта 1906 г. № 751, за данными обязанностями учителей устанавливался контроль. Учителя со своими воспитанницами обязаны были исполнять долг исповеди во время Великого поста, а заведующие ежегодно отчитывались об исполнении данного мероприятия инспектору народных училищ¹. Аналогичные распоряжения были и в Саратовской губернии². Педагогами церковно-приходских и народных школ МНП запрещалось посещение ученицами кинематографических показов. Отмечалось, что публика зрительского зала, содержание картин не оказывало позитивного влияния на воспитательный процесс, поэтому признавалось вредным по влиянию на умы детей³.

Итак, содержательный контекст духовного компонента образования в конце XIX – начале XX в. изменялся в условиях сложных социально-политических событий. Инициатива в большей степени исходила «снизу», от воспитанников и педагогического сообщества. Очевидно, что постепенная эволюция содержания образования девочек была сопряжена с рядом проблем, ослабевших уровень духовно-нравственного образования и воспитания.

¹ ГААО. Ф. 651. Оп. 5. Д. 3. Л. 4; Оп. 5. Д. 5. Л. 12.

² ГАСО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 213. Л. 1–29.

³ ГААО. Ф. 651. Оп. 5. Д. 4. Л. 28.

3.2. Норма и девиация в системе женского образования в период политических трансформаций начала XX в.

Становление личности женщин в 1880–1917 г. происходило в период социально-политической трансформации общества и консервативно организованного духовного образования. Появляющиеся новые идеи, потребности, общественные движения воспринимались оппозиционно по отношению к устоявшимся паттернам духовной жизни общества. В условиях высоких ожиданий родителей и общества, в рамках статической модели духовного образования, с акцентом на легко измеримые параметры (оценки, результаты экзаменов, количество отчисленных и выпускников) были упущены проблемы становления личности учениц, приведшие к кризису идентичности.

Социальное «Я» женщины конца XIX – начале XX в. представляло собой «репертуар» идентичностей: от идентичности ребёнка, дочери, воспитанницы / ученицы, жены, матери до профессиональных и политических ролей. Идентичность женщин формировалась во взаимоотношении с педагогами, членами семьи, сверстниками и другими людьми общества. Кроме биологических и психологических перемен, в период обучения происходили и социальные перемены, оказывающие влияние на складывание идентичности. Особенно важным в этом отношении был возраст 16–19 лет, время приобретения социальных ролей и статусов. Этот период психологической нестабильности подростков – «кризис идентичности» – был сопряжён с потоком социальных изменений, идеологиями времени, с историческим моментом. В период 1880–1917 гг. в сознании воспитанниц учебных заведений разного типа переживался внутренний конфликт, наблюдался рост девиаций. Типичным и опасным проявлениям девиаций воспитанниц стали участвовавшие в 1900-е гг. случаи самоубийств.

Обратимся к историческим фактам. В материалах Российского государственного исторического архива содержится массив дел о случаях само-

убийств и покушениях на самоубийства среди учениц разных учебных заведений¹, в том числе и духовно-учебных². Анализируя отчёты и материалы исследований самоубийств учениц, были определены основные причины, связанные с особенностями образовательной системы, духовного образования и воспитания.

Несостоятельность системы образования проявлялась в деспотичном и диктаторском отношении к детским мечтам, желаниям, идеям; «мертвящих» учебниках, сухо излагающих учебный материал; возрастающем содержании программ предметов, несоотносимых с возрастом; «эксплуатации памяти» и насильственности знаний как главных принципов обучения; неудачах на экзаменах из-за перебоев памяти; нацеленности образования лишь на развитие привычек (читать, писать, говорить, считать, молиться)³. Всё это в дальнейшем приводило к нервным расстройствам. К примеру, ученица 6-го класса Тульского епархиального женского училища Неонилла Кариновская бросилась в колодец из-за двойки в среднем балле по алгебре и физической географии. Ученица 7-го класса Орловского епархиального женского училища Августа Иорданская отравилась нашатырным спиртом (ненамеренно) из-за невыносимых болей и головокружений во время учебы и подготовки к экзаменам⁴.

В отчётах Астраханского епархиального женского училища в период 1903–1916 гг. отмечались участвовавшие случаи головных болей, болезней на почве нервов (нервная рвота, нервная сыпь, нервные расстройства, истерия, нервная ушная боль)⁵, особенно обострившихся во время экзаменов (см.

¹ РГИА. Ф. 525. Оп. 2. Вн. Оп. 213/2711. Д. 291. Л. 1–14; РГИА. Ф. 759. Оп. 46. III экспедиция. Д. 1186. Л. 1, 3–5, 34–36, 46, 51; РГИА. Ф. 733. Оп. 165. Д. 1; РГИА. Ф. 733. Оп. 174. Д. 630.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 265, Д. 942. Л. 14–16, Д. 790. Л. 2–3 об.; РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 6 (1912). Л. 3; Д. 8, Д. 6 (1913). Л. 18–20, 22, 34–35, 44–45, 56, 59; Д. 6 (1915). Л. 2, 10, 33–34, 40–42, 47–48; Д. 6 (1916). Л. 1, 7, 11, 30.

³ РГИА. Ф. 525. Оп. 2. Вн. Оп. 213 / 2711. Д. 291. Л. 1, 4 об., 5–14.

⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 6 (1913). Л. 44.

⁵ Отчёты Астраханского епархиального женского училища. 1904 г. С. 11; 1905. С. 14; 1906. С. 14; 1907. С. 14; 1909. С. 12; 1912. С. 13; 1913. С. 12; 1914. С. 12–13; 1915. С. 14–15; 1916. С. 15.

табл. 3). При постановке диагноза «нервное расстройство» учениц освобождали от учебного процесса, и, при возможности, от проживания в стенах конвикта; воспитанниц в данном случае забирали родители или опекуны¹. Из показателей за 1913–1916 гг. видно, что пик нервных заболеваний приходился на период Первой мировой войны. В 1916 г. во 2-м Саратовском епархиальном женском училище в г. Вольске было зарегистрировано 16 случаев «нервных болезней», в Саратовском Иоаникиевском епархиальном женском училище – четыре случая истерии². Характерно, что в предыдущие годы существования училища подобных заболеваний не отмечалось. Эти случаи говорят о том, что на психоэмоциональное здоровье учениц оказывали не только внешние факторы, но и учебная нагрузка и предъявляемые требования, которые были несоизмеримы с физическими возможностями и переживаниями учащихся. Причины такой ситуации кроются в недостатках духовного образования и религиозно-нравственного воспитания. Закон Божий как предмет обучающимся был неинтересен в виду сложности его содержания, некомпетентности преподающих, основным методом которых было чтение, заучивание и пересказ³. При этом обязательность его изучения вела к обратному восприятию. Чрезмерное вовлечение обучающихся в религию заинтересовывало их спиритуализмом и приводило к психологическим проблемам⁴. Но всё же духовная школа не была подвержена массовому проявлению девиации среди воспитанниц и воспитанников. Так, по статистическим данным Министерства народного просвещения о случаях самоубийства и покушений на самоубийства среди учениц светских учебных заведений за 1907–1915 гг., за девять лет всего было совершено 547 попыток суицида ученицами от 10 лет до 21 года, из них 294 случая являлись завершёнными. Наибольшее число суицидов приходится на центральную

¹ ГААО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 14. Л. 21.

² Отчёт о состоянии Саратовского Иоанникиевского епархиального женского училища // СЕВ. 1916. № 13. С. 489.

³ РГИА. Ф. 525. Оп. 2. Вн. Оп. 213 / 2711. Д. 291. Л. 1, 4, 13.

⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1915). Д. 6. Л. 33–34; Оп. 10. Д. 942. Л. 14–16; Оп. 11 (1915). Д. 6. Л. 2, 10.

часть России. На территории Нижнего Поволжья (Астраханская и Саратовская губернии) за указанный период произошло всего три суицидальных попытки, одна из которых имела завершённый характер. По Казанскому учебному округу за девятилетний период было совершено 37 попыток суицида, 18 из которых были завершены. Наибольшее число суицидов приходится на 1909–1912 гг. (от 70–90 суицидальных попыток ежегодно). В 1911 г. был достигнут пик по числу завершённых суицидов среди женского контингента обучающихся – 48 чел.¹ Значительный интерес представляют данные, характеризующие вероисповедания учениц, склонных к суицидальному поведению: 81,36 % девушек, совершивших суицидальные попытки, исповедовали православие, что значительно превышает другие вероисповедания. Из мусульманского вероисповедания был совершён всего один суицид среди девушек в 1913 г.; 7% составили ученицы иудейского вероисповедания, около 3% – девушки католической и лютеранской веры. Так как православие являлось фундаментом образования Российской империи, высокие показатели числа православных девушек, совершивших суицидальные попытки, отражает ценностный диссонанс, кризис утраты смыслов, охвативший умы многих молодых людей, получивших образование в период 1907–1915 гг.² Таким образом, случаи самоубийств и покушений на самоубийства среди учениц учебных заведений констатируют активизацию деструктивно настроенных учениц светских учебных заведений в период с 1909 по 1912 г., нарастание кризиса идентичности, поиска жизненных смыслов и ценностного самоопределения, которое было обусловлено не только проявлениями юношеского возраста, но и происходило тождественно духовно-нравственному общественному кризису, в том числе со стороны православного вероисповедания, являвшегося фундаментом общего образования в Российской империи того времени.

Осознавая негативную тенденцию по случаям самоубийств молодёжи, Святейшим Синодом в 1912 г. был возбуждён вопрос о запрете освещения в

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 6 (1916 г.). Л. 7–30; Д. 6 (1913 г.). Л. 56–90.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 6 (1916 г.). Л. 7–30; Д. 6 (1913 г.). Л. 56–90.

прессе данной темы, поскольку, по мнению духовного начальства, обучающиеся духовно-учебных заведений воодушевлялись смелостью сверстников и проявляли большую решительность в собственных действиях. Данный вопрос, несмотря на долгие перипетии, был решён в пользу Святейшего Синода¹. Также местным епархиальным начальством принимались дополнительные меры по профилактике суицидальных настроений среди воспитанников и воспитанниц духовной школы. В 1889 г. Правление Астраханского духовного училища возбудило дело о запрете обучающимся духовно-учебных заведений иметь огнестрельное оружие. Решением Астраханской духовной консистории запрос был удовлетворён, а постановление обязательно к исполнению во всех духовных образовательных учреждениях Астраханской епархии².

Ещё одной формой проявления девиантного поведения учениц являлось их участие в революционной деятельности. Особенности изучения данного вопроса кроются в пересечении двух проблемных полей: «женского вопроса», ставшего одним из широко обсуждаемых вопросов в российском обществе, и особенностями функционирования учебных заведений Русской православной церкви в целом. В начале XX в. женское движение в России вышло за рамки теоретического осмысления, выражалось не только в борьбе женщин за право получения образования, оно приобретало различные формы политического протеста. Епархиальные женские училища Российской империи представляли собой особый тип учебных заведений в образовательной системе государства. С одной стороны, училища стали для своего времени инновационной формой духовного образования женщин, с другой – транслировали в образовательный процесс консервативные идеи, нацеленные прежде всего на сохранение института семьи, сужая сферу реализации потребностей женщин.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 10. Д. 545. Л. 1–5.

² О воспрещении воспитанникам духовно-учебных заведений иметь огнестрельное оружие // АЕВ. 1889. № 11. С. 479–480.

Предназначенные для дочерей духовенства, епархиальные училища постепенно стали принимать на обучение и призрение сирот и дочерей из малообеспеченных семей иных сословий¹, погружая тех в специфику образовательного процесса. Социально-политические изменения второй половины XIX в. России расширили образовательное пространство епархиальных училищ: по окончании учебного заведения воспитанницы были «готовы» не только к успешному замужеству, но и к профессиональной деятельности. В этой связи значительные изменения претерпели Уставы и образовательные программы учебных заведений, не устранившие, однако, причины, приведшие многих воспитанниц к активному участию в революционных событиях 1905–1907 гг. Например, воспитанница 7-го класса Костромского епархиального женского училища Екатерина Милославская была уличена полицией в посещении несанкционированного спектакля «Призраки счастья». Девушка находилась в компании двоюродного брата Густава, бывшего ученика духовной семинарии, а также юноши (Станкевича), исключённого из мужской гимназии (жених сестры Милославской). При обыске у девушки был найден револьвер, революционная литература, написанная мужским подчерком, но принадлежавшая Милославской, брошюры «Террор и революционные партии» Хипкова и «Декабристы и что они сделали?»² Кроме радикальных действий, можно также отметить повседневные практики участия воспитанниц епархиальных женских училищ в революционной деятельности. К числу таких относились печатание антиправительственных листовок³, нарушение дисциплины, самовольное покидание стен училища, нежелание подчиняться училищным правилам воспитания⁴, демонстративный отказ от осуществления молитв и присутствия

¹ Определение СС от 3-го марта 1909 г. за № 1575 о приёме в духовно-учебные заведения детей инословных родителей без ограничения процентной нормой // ЦВ. 1909. № 10. С. 2.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 790. Л. 2–3.

³ Попова О.Д. Указ. соч. С. 225.

⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 8. Л. 3.

на богослужениях¹, отказ отвечать на уроках, пение песен революционного характера². В архивных материалах Астраханского епархиального женского училища можно заметить некоторые из подобных случаев. Зачастую воспитанницы под разными предлогами получали разрешение на выход из училища в город, как это было, например, 2 мая 1906 г. Ученицы 4-го класса Горбачева Антонина и Смирнова Нина после посещения училищного храма получили разрешение навестить своих родственников, но к обозначенному времени в училище не вернулись. Девушек искали в городе на протяжении шести дней, привлекая сотрудников полиции. Все поиски были безуспешными, «епархиялок» не было ни у родственников, ни у друзей. 8 мая они вернулись в училище, заявив, что уезжали в один из уездов Астраханской губернии³. Или, например, воспитанница 5-го класса Александра Кротова стала одной из претенденток на отчисление из училища за неповиновение начальнице и воспитательницам училища, а также за стремление к изменению существующего строя училищной жизни⁴. Самым ярким способом участия стали коллективные петиции⁵. Подобные петиции писали и ученицы Астраханской Мариинской женской гимназии. Они выдвигали требования, связанные с отменой обязательного посещения богослужений в дни царских праздников, запрещением обысков в партах и вещах учениц, разрешением ученических собраний без присутствия учителей, посещением публичных библиотек и пополнением библиотеки гимназии полулегальными газетами. Формами протеста гимназисток стали намеренные нарушения дисциплины на уроках (читали революционные газеты «Сын Отечества» и «Новая жизнь», целыми классом отказывались от посещения уроков, особенно Закона Божьего), дерзкая манера общения с учителями, пение «Марсельезы» в классах, пение революционную песню «Поднимайся рабочий» во время благодарственной молитвы, во время богослужений при

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1906). Д. 109. Л. 1.

² Там же.

³ ГААО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 14. Л. 22–22 об.

⁴ Там же. Л. 34.

⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1905). Д. 76. Л. 6, 14–17, 35.

пени молитвы «Боже, Царя храни» уговаривали поющих учениц молчать. Также ученицы посещали «сходки» в Астраханском реальном училище, где учащимися была принята резолюция провести забастовку у здания Учредительного собрания. Девушки совместно с учениками астраханских реального училища и мужской гимназии устраивали беспорядки внутри стен Астраханской Мариинской женской гимназии. 15 декабря 1905 г. компания молодых революционеров ворвалась в Астраханскую Мариинскую женскую гимназию с целью срыва уроков в гимназии, они насильно прошли в зал, где проводилась молитва. Обучающиеся приносили с собой прокламации, читали их в слух в приёмной и классах¹. Ухудшение обстановки в гимназии отмечалось на педагогическом собрании в 1908 г., на что, по мнению начальницы гимназии, сказалась безответственность законоучителей. Увеличилось количество неаттестованных учениц по Закону Божьему, преподавателям не хватало времени качественно обучить, проверить знания и работы всех учениц. Кроме того, стоит отметить и безответственное отношение к обучению среди самих воспитанниц. Например, в 1907 г. ученицы прогуливали уроки, количество прогулов достигало 1 300 в первой трети учебного года, 1 804 случаев только в 1-м классе при малочисленности класса (26 чел.). В среднем количество пропусков на каждую ученицу составляло 69% уроков².

Обратимся к причинам и мотивам участия воспитанников учебных заведений в революционных процессах на примере одного из исторических центров «социальной смуты» в России – Саратовской губернии. Саратов как сложная гетеротопная система заключал в себе множество самых разных, порой взаимоисключающих факторов, влиявших на события. По данным полицейских расследований за 1881–1887 гг., среди обучающегося контингента Казанского учебного округа более половины учеников, привлечённых к следствиям, приходилось на Саратовскую губернию (35 чел., из них учениц жен-

¹ ГААО. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1. Л. 759 об.–76.

² ГААО. Ф. 650. Оп. 1. Д. 2. Л. 21 об.

ской гимназии – 10 чел.). На территории губернии действовали кружки (4 объединения), целью которых было саморазвитие путём чтения книг и обсуждения прочитанного, в основном запрещённой литературы¹. Участие молодёжи в революционной деятельности было реакцией на государственную политику в сфере образования, ужесточение режима образовательных учреждений естественным образом пополняло ряды протестующих. Среди причин не стали исключением ограничения, устанавливаемые духовными учебными заведениями, например, запрет посещать театры, народные читальни, запрет на чтение разрешённых цензурой книг из внеучилищной библиотеки, запрет на посещение городских парков и садов, жестокое обращение со стороны педагогического персонала². За отмену этих запретов и гуманную педагогику бастовали, например, ученики Саратовской духовной семинарии в 1904 г.

Реакция государственных институтов на революционные брожения среди учениц женских учебных заведений была достаточно серьёзной, ограничивала образовательные возможности и социальный лифт в будущем. Учениц не только исключали из учебных заведений без права поступления или перевода в другие, но и вносили в список неблагонадёжных лиц, которым было запрещено занимать учительские должности³. Помимо таких строгих мер взыскания, Святейший Синод и Министерство народного просвещения проводили активную рефлексию; по материалам ревизий видно, что многие требования обучающейся молодёжи были услышаны. К примеру, были пересмотрены и смягчены наказания, применение взыскательных мер, основанных только на подозрениях, отменялось, учениц допускали в общественные библиотеки, контролируя при этом читаемые книги⁴.

Романтические отношения с противоположным полом также принимали черты девиации. Воспитанниц посещали не только близкие родственники,

¹ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 436.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 12. Л. 23.

³ ГААО. Ф. 743. Оп. 2. Д. 8. Л. 11–17; ГАРТ. Ф. 92. Оп. 8. Д. 3. Л. 5–7.

⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 12. Л. 26; ГАРТ. Ф. 92. Оп. 8. Д. 8. Л. 14–16.

но и семинаристы¹, участились случаи «романтических походов»². Так, в 1907 г. две воспитанницы Рязанского епархиального женского училища были уличены с семинаристами в момент прохождения в отдельные номера гостиницы³. А воспитанница Астраханского епархиального женского училища Екатерина Иванова была замешана в скандале, связанном с покушением на самоубийство воспитанника Астраханской духовной семинарии Ивана Великанова. Отношения, длившиеся долгое время, в итоге закончились расторжением помолвки⁴. Крайностью стало вовлечение обучающихся обоих полов всех типов учебных заведений в так называемые кружки «Лови момент», целью которых было пробудить в молодёжи чувство жизни. На собраниях кружков беседы о половой жизни переходили в беспорядочные половые связи. Интимные встречи организовывались парами и группами⁵. Такое поведение было своеобразным бунтом религиозным ценностям и представлениям, приводившее к разрушению нравственности, что является яркой иллюстрацией кризиса форм и методов воспитания.

Анализ детского и подросткового периода кризиса идентичности – необходимая и важная составляющая всего исследования данной темы. Поскольку главным объектом образования является период времени, когда личность пребывает на пике физических сил, духовных и интеллектуальных потенций, период, когда личности необходимо было интегрировать жизненные перспективы и интенсивно приобретаемый опыт⁶. Социальный порядок должен был предложить обновленную идентичность своим новым членам общества в целях утверждения и обновления идентичности общества, социальной группы. Но историческая реальность 1880–1917 гг. продемонстрировала коренное изменение образа мира; государственная идеология, выстроенная на

¹ Попова О.Д. Указ. соч. С. 228.

² РГИА Ф. 525. Оп. 10 (1911). Д. 96. Л. 45.

³ РГИА Ф. 802. Оп. 10 (1911). Д. 1023. Л. 165.

⁴ РГИА Ф. 802. Оп. 11 (1913) Д. 6. Л. 18–20.

⁵ РГИА. Ф. 525. Оп. 2. Вн. Оп. 213 / 2711. Д. 291. Л. 12.

⁶ Rapoport D. Some Met Psychological Considerations Concerning Activity and Passivity. Unpublished paper presented at Austen Riggs Center. Stockbridge, 1953. P. 22.

православии, находилась в кризисе; стремительно видоизменялся социальный порядок. Поэтому субъекты образовательной системы переживали эмоциональную нестабильность, страх, тревогу, теряли смысловые ориентиры. Исторический процесс ставил вопросы, требовавшие ответов, которые заключались не только в рациональном подходе к решению проблем внешнего мира, но и в предоставлении экзистенциального решения – веры. Вера в изучаемый период утрачивала способность обеспечения психоэмоциональной стабильности, становилась причиной к регрессу и расколу социума. Поэтому мы и наблюдаем в итоге постепенный переход кризиса идентичности личности в кризис групповой идентичности, изначально находившийся в латентном состоянии (1880–1904 гг.), но потом выразившийся в «шуме и ярости», крушении старых и выдвижении новых идеалов, кумиров и лидеров (1905–1917 гг.).

Такой итог был следствием кризиса форм и методов духовно-нравственного воспитания, в том числе и в системе женских учебных заведений в 1880–1917 гг. Данная проблема осознавалась прогрессивными педагогами и духовенством, отражалась в прессе. Особенно содержательно проблемы религиозно-нравственного воспитания в духовной школе были отражены в специальном сборнике статей «Духовная школа». С. Любимов в своей статье отмечал, что религиозное воспитание было предметом особого внимания начальства учебных заведений. От учащихся требовали неуклонного посещения церковных служб, соблюдения постов, церковных обрядов, обычаев. Кроме того, деятельность педагогов была сфокусирована на формировании так называемых «благочестивых навыков»¹. Всё это сопровождалось гнетущим надзором, внешним принуждением, что, по мнению С. Любимова, в корне убивало любое религиозное чувство². Одним из официально признанных методов духовного воспитания был надзор за временем говения воспитанниц³. Такая регла-

¹ Любимов С. Воспитание в духовной школе // Духовная школа. 1907. С. 80.

² Любимов С. Воспитание в духовной школе. С. 80.

³ От 5–28 марта 1887 г., за № 416, о времени говенья воспитанниц епархиальных женских училищ // СЕВ. 1887. № 9. С. 242–243.

ментация внутренней саморегуляции доходила до крайностей. Воспитательницы епархиальных женских училищ, к примеру, заставляли воспитанниц писать список совершённых грехов и представлять его на проверку, не редкостью были случаи последующих наказаний¹. Чрезмерный надзор за «тайнами души» приводил к формированию хитрости и лжи в характере воспитанниц, недоверию к педагогам и священникам. Схожими чертами надзора обладала и светская женская школа. Так, в Царицынской Мариинской женской гимназии ученицы обязаны были посещать богослужения в церквях, которые посещали их родители, арендаторы квартиры, или домовую церковь мужской гимназии, где каждой из учениц было выделено одно определённое место, удачное для наблюдения надзирательниц. Причастие в основном организовывалось у законоучителей, но если воспитанницы были в отъезде, то обязаны были представить законоучителю свидетельство о причастии от духовника².

Привлечение воспитанниц к пению и чтению молитв при богослужении сопровождалось запретами читать невнятно, а также придавать читаемому форму разговорной речи³. «Благочестивые навыки» выражались в различных символических действиях и знаках, которые должны были свидетельствовать о духовном настрое воспитанниц. Сюда относились всевозможные целования рук, низкие поклоны и т. п. Не поцеловать руку благословляющему означало продемонстрировать вредное, нетерпимое в духовной школе настроение и нажать себе массу неприятностей⁴. Особенно много изобретательности было представлено в организации разных праздничных церемоний. По заранее выданным воспитанницам листочкам было определено, в какие моменты богослужения становиться на колени, когда вставать, когда делать поясные и непоясные поклоны, когда за кого и как молиться, – так пунктуально был выработан религиозный этикет. В статье «Епархиальные женские училища» А. Смирнов-Кутаческий ярко описывает подобные случаи в некоторых епархиальных

¹ Любимов С. Воспитание в духовной школе. С. 82.

² ГАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 6. Л. 9.

³ Циркуляр по духовно-учебному ведомству // ЦВ. 1889. № 5. С. 9–10.

⁴ Любимов С. Воспитание в духовной школе. С. 84.

училищах. Репетиции проходили до тех пор, пока церемониальные требования не были выполнены безукоризненно, что является ярким образцом существовавшего религиозного формализма¹. Многие наставники женской духовной школы считали, что посещение театра несовместимо с христианской этикой. Ученические спектакли, разрешённые одним начальством, упразднялись другим². Итак, можно констатировать, что в основном духовное воспитание в стенах женских учебных заведений было сосредоточено на запретах, чрезмерном надзоре и чёткой регламентации действий воспитанниц. Вся методика обучения и воспитания была построена на этих незыблемых принципах. Становится очевидным, почему «епархиалки» хотели преобразований епархиальных училищ приближённо к женским гимназиям, почему они писали петиции и протестовали против устоявшихся порядков.

Не лишена проблем религиозного образования была и светская школа. В конце XIX в. духовное воспитание и образование в светских учебных заведениях осуществлялось через приобретение соответствующих знаний и навыков, формирование религиозных привычек. Духовенство признавало это главным недостатком светского духовного образования. Так, в 1899 г. преосвященный Арсений (епископ Волоколамский) отмечал, что заботы законоучителей состояли больше в научении, чем в осуществлении познанного на деле³. В средней женской школе акцентировалось внимание на учебной деятельности, и лишь малая часть педагогического внимания была обращена на воспитательную сторону образовательного процесса. Большинство учениц не любили молиться, избегали выполнения установленных религиозных обязанностей⁴. Отчасти ответственность за такое поведение лежала на руководителях ведомств, к которым относились учебные заведения. Это проявлялось, например, в вопросе об освобождении воспитанниц от учебных занятий во время

¹ Смирнов-Кутаческий А. Епархиальные женские училища. М., 1906. С. 297.

² ГААО. Ф. 651. Оп. 3. Д. 16. Л. 40; Оп. 5. Д. 4. Л. 28; Ф. 650. Оп. 1. Д. 2. Л. 29; ГАСО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 179. Л. 4.

³ Образование характера как цель воспитания // ЦВ. 1899 г. № 37. С. 1477.

⁴ Образование характера как цель воспитания // ЦВ. 1899. № 37. С. 1478.

церковных праздников. В 1901 г. «Церковными ведомостями» отмечалось, что в одних учебных заведениях воспитанниц отпускают с учебных занятий, в то время как учебные заведения другого ведомства продолжают работать по установленному расписанию¹. Такие случаи происходили даже в важные (день Казанской Божьей Матери, день святителя Николая, день святого апостола Иоанна Богослова) или в установленные Синодом редкие церковно-праздничные дни, такие как, к примеру, празднование открытия мощей святителя Феодосия, архиепископа Черниговского (9 сентября 1896 г.). Святейшим Синодом были обнародованы указы о повсеместном праздновании 9 сентября и о торжественных в этот день богослужениях во всех церквях Российской империи. Однако большинство домовых церквей при светских учебных заведениях были закрыты, а ученики присутствовали на уроках². В большей степени ответственность за «антирелигиозное настроение» лежала на семье и учебных заведениях. О религиозно-нравственном воспитании в семье и школе епископ Таврический Николай писал, что во многих семьях, особенно в интеллигентных, заменились основные принципы воспитания. Он отмечал, что дети и родители не молятся дома, не соблюдают постов и других обычаев церкви. Вместо этого детей водили в театры, на балы и детские вечера. Родители больше заботились о питании, чем о воспитании своих детей³. Система светского образования, по мнению архиепископа, была охвачена «смутой», отсутствие единой концепции духовного образования и воспитания приводило к распущенности. Внедрявшиеся новые системы образования и воспитания не доводились до логического завершения, зачастую просто сменялись другими. Большая доля внимания педагогов была обращена на физическое и эстетическое воспитание, нравственное же направление становилось второстепенным⁴. Для решения этих

¹ К вопросу о праздниках в различных учебных заведениях // ЦВ. 1901. № 42. С. 1534.

² Там же. С. 1534–1535.

³ О религиозно-нравственном воспитании в семье и школе Разъяснительное определение Св. Синода // ЦВ. 1904. № 51. С. 2095.

⁴ О религиозно-нравственном воспитании в семье и школе Разъяснительное определение Св. Синода // ЦВ. 1904. № 51. С. 2096.

проблем, в рамках утверждённой комиссии по вопросу об улучшении средней общеобразовательной школы (1900 г.) была организована работа подкомиссии законоучителей. Педагогический консилиум пришёл к выводу, что театр, балы и другие мероприятия препятствуют ученицам в посещении церковных богослужений, поскольку занимают не только время, но и помыслы. Поэтому подкомиссией была вынесена рекомендация полностью запретить посещение театра и иных подобных мероприятий¹.

Обострявшаяся в 1905 г. политическая обстановка, развернувшееся феминистическое движение привлекали в свои ряды всё больше девушек. Духовенство чаще стало поднимать вопрос о положении женщины и направлении её образования. Признавалось «упущение» педагогов и законоучителей в характере женского образования, в котором отдавалось предпочтение развитию умственных способностей и знаний, эстетическому, а не духовному воспитанию². Среди первопричин митрополит Исидор отметил безответственное отношение законоучителей к своим педагогическим обязанностям. В частности, это касалось срыва уроков, будь то по уважительной или неуважительной причине³. Для повышения уровня религиозно-нравственного воспитания Святейший Синод и МНП решили увеличить темпы строительства домовых церквей в учебных заведениях, при которых службу несли специально подготовленные для женской школы законоучителя-наставники. Также одной из мер формирования христианской нравственности, признавали необходимым введение в программы обучения отдельных предметов «Нравоучение» и «Вероучение» для 7-х и 8-х классов⁴.

¹ К вопросу о посещении театров учащимися в духовно-учебных заведениях // ЦВ. 1907. № 5. С. 195–196.

² О положении женщины и направлениях её образования // ЦВ. 1905. № 6. С. 231–234.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 165. Д. 298. Л. 46–47.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 165. Д. 298. Л. 79–89, 93–94.

Обострение вопроса кризиса духовного образования и воспитания произошло после революции 1905–1907 гг. Результатом «школьной революции»¹ стало формирование союзов учителей, такая практика была присуща не только светской средней школе, но и духовной. Например, по инициативе преподавателя гражданской истории В. Колосова (Тверская духовная семинария) был создан «Союз преподавателей духовно-учебных заведений» с целью объединения «всех служащих духовно-учебных заведений России для взаимной материальной помощи и нравственной поддержки», а также содействие делу обновления духовной школы². Аналогичные союзы создавались в Волынской, Самарской, Житомирской епархиях, где среди целей союза отмечалось «преобразование духовной школы в соответствии с преобразованием русской жизни на началах политических и гражданских свобод», содействие защите прав личности и интересов учеников³. В союзы стали массово вступать учителя мужских и женских учебных заведений духовного ведомства. Светские учителя, в рамках создаваемых ими союзов, критиковали существовавшую систему образования, пропагандировали свободу вероисповедания участников образовательного процесса, на что последовала реакция Святейшего Синода и Правительства, по распоряжению которого лицам, состоящим на государственной службе, было запрещено вступать в такие союзы. Проводились расследования и репрессии. Союзы преподавателей прекращали своё существование вслед за массовым выходом членов из состава обществ⁴. Министерством народного просвещения было одобрено «Курское педагогическое общество», в которое вступали и педагоги духовно-учебных заведений. Правления семинарий, советы епархиальных женских училищ, отдельные законоучителя светской школы направляли в Святейший Синод рапорты о разрешении учителям

¹ Пашкова Т.И. Религия в светской школе: российский дореволюционный опыт и идеи Я.А. Каменского // Поиск гармонии в мире хаоса: Ян Амос Коменский и современная философия образования: материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2016. С. 187–198.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 85 (1905). Л. 1.

³ Там же. Л. 22.

⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 85 (1905). Л. 23.

и учительницам вступать в общество и принимать в нём активное участие. Святейший Синод разрешал вступление в общество при условии, если оно будет стремиться к научной разработке вопросов педагогики и дидактики, а в случае создания «своеобразно своим взглядам каких-либо своих школьных порядков и настаивать на их проведении в местных учебных заведениях», законоучителям светских учебных заведений и педагогическим коллективам духовно-учебных заведений было рекомендовано выходить из состава или не вступать в сообщество вовсе¹. В Министерстве народного просвещения официально осуждали преподавателей, участвовавших в партийной деятельности, проводили разъяснительные работы по профилактике оппозиционной деятельности, о чём свидетельствуют секретные переписки об академическом союзе и участии преподавателей в противоправительственных партиях².

Проблемы воспитательного процесса в женской светской школе были одним из главных вопросов, который рассматривался и на Первом Всероссийском съезде по образованию женщин (1912 г.)³. В докладах съезда акцентировалось внимание на негативных методах воспитания (наказания и их виды), которые становились причиной нервной возбудимости и подавленности среди учениц, причинами школьных самоубийств. Организация воспитательного процесса в светской женской школе рассматривалась сквозь призму нравственного воспитания, вопросы религиозного, духовного воспитания остались вне поля обсуждения⁴.

Очевидным становится и тот факт, что работа с учащимися женских учебных заведений Нижнего Поволжья была раздвоенной. Категорично утверждать отсутствие и несостоятельность школьных забот о «воспитании души» не стоит. Хотя очевидно, что меры духовного воспитания носили однобокий, бессистемный характер, были жёстко регламентированы церковными рам-

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 85 (1905). Л. 28–29.

² ГАРТ. Ф. 92. Оп. 8. Д. 2. Л. 1–45.

³ РГИА. Ф. 751. Оп. 1. Д. 2, 3, 7, 8.

⁴ РГИА. Ф. 751. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

ками и «монастырскими правилами». Попытки «разрядки» проведением экскурсий, мероприятий и паломничества – были позитивным опытом, но не ограничили детскую школьную жизнь от девиаций и революционной деятельности. Также можно заметить, что епархиальные женские училища Нижнего Поволжья успешно выполняли духовно-нравственное воспитание учениц. Это подтверждается тем, что воспитанницы епархиальных училищ не были участницами революционных движений, а наоборот, активно участвовали в патриотической деятельности, являя собой образец православной женщины.

Кризис идентичности как тождественности индивида самому себе в пространстве и времени, переживаемый как чувство принадлежности / непринадлежности, в контексте критического периода истории, сильнее всего затрагивал именно молодых людей, сознание которых только проходило своё становление и обладало высокой чувствительностью ко всему новому, к общественным преобразованиям. Культурно-историческое развитие молодого человека на рубеже XIX–XX вв. в обществе связано с трансформацией его идентичности под влиянием вхождения в жизнедеятельность новых ценностей, научно-технического прогресса, влияния европейской культуры и т. д. Динамично развивающееся общество того времени в целом непосредственно оказывало влияние на процессы трансформации идентичности молодых людей, изменения границы их сознания. Процессы трансформации, а именно, кризис духовной жизни, заданный преобразованием общественной системы, как правило, всегда сопровождался свидетельствами серьёзного неблагополучия в системе подростковой и юношеской жизни, что подтверждают фактические материалы архивных источников. В критический период истории произошла своеобразная ломка форм посредничества, то есть серьёзный отрыв между старшим и молодым поколением, отцами и детьми, педагогами и учениками, что затрудняло передачу духовных ценностей. Происходил некий ценностный разрыв между поколениями, что вызвало катастрофическое проживание кризиса идентичности. На рубеже XIX–XX вв. для многих молодых людей произошло

соединение внутриличностного кризиса становления с общественно-историческим кризисом, который стал началом, предвестником исторических преобразований в России начала XX в.

Успешное преодоление этих проблем требовало модернизации системы образования, совершенствования принципов реализации образовательного процесса. Неосуществлённым остался процесс становления цепи системообразующих начал: идеальной формы – образ взрослой жизни, границ взросления и переходов между ними, институтов посредничества (образовательное учреждение) и посредников (педагоги, священники, законоучителя)¹. Главными проявлениями кризисного состояния духовного образования стало расхождение ценностей и результатов образовательной системы с этапом взросления. Усвоение культурных норм посредством духовного образования практически было оторвано от формирующейся новой формы развития, новых идеалов, которые оказывали влияние на складывание мировоззрения личности. Освоение идентичности, т. е. самостоятельной, ответственной взрослой жизни, было «занавешено» многообразными и неструктурированными формами культуросвоения и культуротворчества. Этап взросления стал протекать вне образовательной системы, а образование развивалось без учёта новых реалий этапа взросления. Освоение духовных норм транслировалось не как критерий идентичности личности, а как необходимая часть образовательного процесса. В этом и кроется сущностная причина кризиса духовного образования. Таким образом, молодые люди в рамках системы духовного образования оказались в эпицентре духовно-нравственного и общественно-исторического кризиса, что порождало негативизм с их стороны, протестные формы, отрицательные формы нахождения собственной идентичности. Тем самым обуславливался рост девиантного поведения среди обучающихся, суицидальные тенденции, нарушения сексуальной идентичности и т. д.

Наряду с негативными проявлениями кризиса идентичности на рубеже XIX–XX вв., можно констатировать и позитивные быстрые трансформационные изменения в сознании молодых людей, а также острую необходимость

¹ Эльконин Б.Д. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития // Вопросы психологии. 1992. № 5. С. 8–14.

преобразований в системе духовно-нравственного воспитания и образования, что выразилось в изменении учебных планов и программ предметов. Осуществлялся поиск наилучших элементов содержания духовного компонента образования, который видоизменялся по принципу упрощения программы предмета «Закон Божий». Облегчение программ происходило за счёт градации тематического материала по уровням сложности и познавательным возможностям обучавшихся, эффективности усвоения и практической ориентированности. То есть из содержания программ, например, для светской женской школы, исключали сложные богословские, богословско-философские темы. Соответственно, сокращался объём часов на изучение и объём нагрузки на обучавшихся. Содержание программ епархиальных женских училищ видоизменялось по принципам специализации и систематизации, постепенно приближаясь к критериям мужского духовного образования по типу семинарских училищ. Создание педагогических классов стимулировало развитие не только предметов религиозного цикла (таких как «Закон Божий», «Церковно-славянский язык», «Церковное пение»), но и развитию методических дисциплин (в Саратовском епархиальном женском училище была введена дисциплина «Методика русского языка с церковно-славянским», в Астраханском епархиальном женском училище – «Методика Закона Божьего» и др.). Введение курсов педагогики и дидактики способствовало профориентированному обучению, где образцовые школы, созданные при епархиальных женских училищах, стали площадкой для формирования педагогических компетенций учениц.

Педагогическим сообществом, духовенством вырабатывались общие методологические принципы обучения, среди которых отметим популяризацию «живого обучения», активное внедрение наглядных средств обучения: картин, карт, портретов, «туманных картин» и учебного кинематографа. Преобладавший устный метод обучения из формата лекций переходил в формат бесед. В практике письменных заданий для учениц применялись не только сочинения / эссе, развёрнутые ответы на вопросы, но и экспромты (творческие задания) на заданную тему. Широкое применение получил экскурсионный метод, признанный современниками лучшим способом чувственного восприятия

и познания учебного материала, побуждавшего неподдельный интерес к обучению. Совершенствовались и методы воспитания, хотя вплоть до 1917 г. сохранялись практики физических наказаний («голодный стол», стояние на коленях). Среди методов воспитания, в том числе и религиозного, отмечены творческие постановки (спектакли, музыкальные концерты). Посещение кинематографических картин, театра – поле проблемных дискуссий профессионального сообщества. В истории женских учебных заведений Нижнего Поволжья данные формы применялись бессистемно, в зависимости от решений светской и духовной властей.

Таким образом, справедливо сделать следующее умозаключение: в кризисный период содержательное наполнение образования в духовной школе развивалось под импульсом социальных потрясений, быстро меняющихся условий осуществления образования, что, несомненно, находило выражение в модернизации учебных программ, обновлении методики обучения и непрерывающемся поиске лучших путей развития духовного компонента образования. Однако это не смогло остановить процессы социально-политической трансформации государства, общества, культуры и личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе настоящего исследования рассмотрена эволюция государственно-церковной политики в сфере женского образования в Нижнем Поволжье в конце XIX – начале XX в., выявлена степень эффективности предпринимаемых мер по реализации духовного компонента в системе женского образования и воспитания.

Проанализировав основные направления государственно-церковной политики, можно констатировать, что процессы организации, реализации и распространения образования женщин в духовно-учебных заведениях Нижнего Поволжья протекали иначе, чем в иных губерниях Российской империи. Значительно отличались между собой и отдельные губернии Нижнего Поволжья. Саратовская губерния была представлена разветвлённой системой женских учебных заведений, что обусловлено высоким социокультурным уровнем развития и финансовыми возможностями, процессы урбанизации здесь протекали быстрее по сравнению с Астраханской губернией. Астраханская губерния, в силу своей исторической специфики, являлась полиэтничным и поликонфессиональным регионом, что значительно отразилось на формировании сети женских учебных заведений.

Формирование государственной политики в сфере женского образования в конце XIX – начале XX в. складывалось в условиях переосмысления концептуальных основ российского образования, построения его системы с учётом «гендера и сословности». Развитие государственно-церковной политики в отношении женского образования осуществлялось по нескольким направлениям: идеологическому, которое позволило сформировать систему епархиальных женских училищ как новый тип женских образовательных учреждений; организационно-правовому, в рамках которого происходила реформационно-преобразовательная деятельность, выстраивались системообразующие начала преемственности начальных и средних женских духовно-учебных заведений,

складывался административный аппарат управления системой образовательных учреждений для женщин, решались вопросы финансового и кадрового обеспечения «женской духовной школы».

Становление системы женских духовно-учебных заведений осуществлялось под воздействием различных факторов: заинтересованности самого духовенства в деле воспитания и образования женщин, участия государственных учреждений власти и управления, органов общественного самоуправления в развитии системы женского образования, активной деятельности местного духовенства в открытии епархиальных женских училищ, церковно-приходских школ. Правотворческая инициатива с мест стала стимулом к унификации общих положений жизни епархиальных женских училищ. В частности, проект Устава, разработанный Саратовской епархией, лёг в основу Устава епархиальных женских училищ 1868 г. Проекты организации работы 7-х дополнительных педагогических классов с 1881 г. проходили апробацию в лучших, с точки зрения практики, женских епархиальных училищах. Среди которых – и Астраханское епархиальное женское училище (с 1895 г.). Советы епархиальных училищ участвовали в реформировании духовной школы, направляя в Святейший Синод проекты нового Устава епархиальных женских училищ (1906 г.), предложения по усовершенствованию программ обучения (1911–1914 гг.). В период с 1880 по 1905 гг. наблюдается расцвет церковно-приходской школы, расширение её видового разнообразия (смешанные, мужские и женские церковно-приходские школы, воскресные школы, школы грамоты, церковно-учительские школы и др.), что являлось результатом правотворческой деятельности Святейшего Синода.

Структура управления женскими духовно-учебными заведениями была многоступенчатой и чётко вертикальной. Главным субъектом управления выступал Святейший Синод, действовавший через специализированные органы – Училищный совет и Учебный комитет. Огромную роль в управлении оказывали епархиальные архиереи и епархиальные советы духовенства, поскольку на них лежала прямая ответственность за реализацию государственно-церков-

ной политики в сфере образования на местах. Немаловажным звеном в структуре управления были советы епархиальных женских училищ и епархиальные наблюдатели церковно-приходских школ и школ грамоты, напрямую осуществлявшие контроль за организацией деятельности женских духовно-учебных заведений. В период острого кризиса духовной школы особую роль сыграл Съезд законоучителей средних светских учебных заведений, изучавший проблемы женского образования и пути их преодоления. Данный институт выступил посредником между социумом, духовенством, государством и Святейшим Синодом.

Материальное и финансовое обеспечение женских духовно-учебных заведений в Нижнем Поволжье в конце XIX – начале XX в. выстраивалось за счёт поступлений из государственной казны и местных епархиальных сборов. Епархиальные женские училища Астраханской и Саратовской губерний обладали достаточными средствами для покрытия собственных расходов, расширения учебных зданий, содержания воспитанниц, личного педагогического состава и служащих училища. Бюджет в разные годы был сбалансированным, в большей степени профицитным, в меньшей – дефицитным. Функционирование церковно-приходских школ находилось в ярко выраженной зависимости от государственных субсидий, поскольку местные сборы не могли покрыть всех расходов на их содержание и развитие. Поэтому, в начале 1900-х гг., по мере уменьшения доли государственного финансирования, повсеместно замечен постепенный регресс церковных школ, закрытие которых связывалось именно с недостатком денежных средств. Такая негативная тенденция в полной мере проявилась и на территории Нижнего Поволжья. В большей степени это было характерно для Саратовской епархии, в меньшей – для Астраханской епархии, в силу социальных, географических, экономических особенностей Астраханской губернии.

Кадровая политика в системе женских духовно-учебных заведений в Нижнем Поволжье в конце XIX – начале XX в. реализовывалась по нескольким направлениям: самообеспечение системы кадрами, повышение уровня об-

разования и профессиональных компетенций педагогов, увеличение контингента специально подготовленных учителей, улучшение материального положения учителей и преподавателей. В исследуемый период наблюдается феминизация кадров, что свидетельствует о том, что система духовно-учебных заведений обеспечивала социальный лифт для женщин.

Содержание образования в системе женских духовно-учебных заведений на территории Нижнего Поволжья в результате реформационной политики государства и Святейшего Синода, запросов социума и реалий практики прошло этапы преобразования от религиозно-воспитательного к профессионально ориентированному характеру образования. Образование женщин строилось «в потенции народного просвещения», т. е. грамотная мать в семье способствовала развитию всеобщей грамотности. Духовный компонент в системе женского образования выстраивался согласно особенностям типов учебных заведений. В светских женских учебных заведениях духовный компонент образования носил воспитательный характер, в системе духовно-учебных заведений был специализированным, направлен на всестороннее погружение обучающихся в религию посредством образования.

На результаты духовного образования женщин оказывала влияние совокупность факторов, таких как психологический климат в учебном заведении, личность педагогов и учителей, методика обучения, социально-политическая обстановка в обществе, система культурно-исторических ценностей микроциума, возможности личной реализации, предоставляемые в рамках государственно-церковной политики. В кризисный период развития российского общества в системе женского образования особо остро обнажались проблемы, выразившиеся в формах девиации (суицид, вовлечённость в революционные общественные движения, нарушение сексуальной идентичности). Тем не менее, воспитанницы духовно-учебных заведений Нижнего Поволжья в исследуемый период были в меньшей степени подвержены деструкции и отклоняющемуся поведению, чем ученицы светских учебных заведений.

Таким образом, развитие женского образования происходило в сложных, быстро меняющихся социально-политических условиях, не всегда успевающая адаптироваться к требованиям и веяниям времени. Одновременно с этим справедливо отметить, что государственно-церковная политика, хоть и выстраивалась строго в консервативных рамках, но была направлена на улучшение качества духовного компонента в образовании женщин, решение проблем духовного становления личности путём реформ содержания образования и расширения сети духовно-учебных заведений для женщин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

Неопубликованные архивные материалы

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд Канцелярии имп. Александры Федоровны МИД. Ф. 525. Оп. 10. Д. 96; Оп. 2. Вн. оп. 213/2711. Д. 291.
2. РГИА. Фонд Департамента государственного казначейства Министерства финансов. Ф. 565. Оп. 9. Д. 31794.
3. РГИА. Фонд Департамента народного просвещения. Ф.733. Оп. 174. Д. 630; Оп. 171. Д. 704; Оп. 186. Д. 2168.
4. РГИА. Фонд Первого всероссийского съезда по женскому образованию. Ф. 751. Оп. 1. Д. 2, 3, 7, 8.
5. РГИА. Фонд Собственной Е.И.В. канцелярии по учреждениям Императрицы Марии. Ф. 759. Оп. 46. Д. 1186.
6. РГИА. Фонд Главного управления по делам печати МВД. Ф. 776. Оп. 10. Д. 545.
7. РГИА. Фонд Канцелярии Синода. Ф. 796. Оп. 205. Д. 688.
8. РГИА. Фонд Учебного комитета при Святейшем Синоде. Ф. 802. Оп. 9. Д. 14; Оп. 10. Д. 790, Д. 942; Оп. 10 (1903). Д. 35; Оп. 10 (1904). Д. 84; Оп. 10 (1905). Д. 12, 57, 57 А, 57 Б, 57 В, 68, 76, 85; Оп. 10 (1906). Д. 1909; Оп. 10 (1907). Д. 126; Оп. 10 (1909). Д. 443; Оп. 10 (1910). Д. 182, Д. 826 А, Д. 827; Оп. 10 (1911). Д. 989А, 1023; Оп. 11 (1912). Д. 6, 8; Оп. 11 (1913). Д. 6; Оп. 11 (1914). Д. 75; Оп. 11 (1915). Д. 6; Оп. 11 (1916). Д. 6; Оп. 11. Д. 80; Оп. 15. Д. 111, 208, 869, 1099; Оп. 16. Д. 308, 328, 676, 717.
9. РГИА. Фонд Училищного Совета при Синоде. Ф. 803. Оп. 3. Д. 203, 236, 254.

10. РГИА. Фонд Российского библейского общества. Ф. 808. Оп. 10. Д. 12.
11. РГИА. Фонд Валуева, гр. Петр Александрович (1814–1890), Министра внутренних дел, Министра государственных имуществ; Председателя комитета министров, члена Государственного Совета. Ф. 908. Оп. 1. Д. 436.
12. РГИА. Фонд Собственной Е.И.В. канцелярии. Ф. 1409. Часть 13. Оп. 6. Д. 1824.
13. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Фонд Дирекции народных училищ Саратовской губернии Казанского учебного округа. Ф. 13. Оп. 1. Д. 9, 1623, 1629.
14. ГАСО. Фонд Саратовского епархиального училищного совета. Ф. 136. Оп. 1. Д. 2, 5, 292, 293, 323, 333, 344, 351, 367, 387, Д.402, 410, 420, 429, 439, 440, 442, 458, 459, 465, 466, 487, 554, 570, 626, 627, 684, 737, 794, 817, 829, 839, 903, 960, 1009, 1023, 1031, 1036, 1037, 1094, 1106, 1168, 1174, 1225, 1281, 1290, 1333, 1381, 1421, 1425, 1426, 1428.
15. ГАСО. Фонд Аткарской городской Алексеевской женской гимназии. Ф. 132. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.
16. ГАСО. Фонд Саратовской частной женской гимназии С.Н. Штокфиш. Ф. 246. Оп. 1. Д. 3, 4, 5.
17. ГАСО. Фонд Саратовской городской исполнительной училищной комиссии при Саратовской городской управе. Ф. 566. Оп. 1. Д. 27, 32, 35.
18. ГАСО. Фонд Саратовской 3–я женской гимназии. Ф. 243. Оп. 1. Д. 12, 16, 39, 41, 63, 64, 65, 105.
19. ГАСО. Фонд Саратовского уездного училищного совета. Ф. 287. Оп. 1. Д. 3.
20. ГАСО. Фонд Саратовской Мариинской женской гимназии. Ф. 245. Оп. 1. Д. 13, 16, 17, 35, 48, 58, 63, 77, 86, 89.
21. ГАСО. Фонд Епархиальных уездных наблюдателей церковно-приходских школ Саратовской губернии. Ф. 410. Оп. 1. Д. 4, 12, 31, 35, 46, 55, 77, 79, 82, 99, 100.

22. ГАСО. Фонд Саратовских женских городских начальных училищ с № 1 по № 16. – Ф. 210. Оп. 1. Д. 1, 18, 23, 33, 34, 45, 54, 47, 48, 60, 72, 76, 81, 87, 93, 96, 97, 127, 150, 177.
23. ГАСО. Фонд Второго Вольского епархиального женского училища. Ф. 838. Оп. 1. Д. 1, 2.
24. ГАСО. Фонд Саратовского Иоанникиевского епархиального женского училища Саратовского епархиального училищного совета. Ф. 710. 1869–1918. Оп. 1. Д. 4, 7, 13, 15, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 30, 31, 32, 37, 41, 43, 47, 52, 58, 59, 61, 64, 66, 93, 96, 97, 100, 108, 123, 125, 127, 129, 132, 134, 139, 142, 151.
25. ГАСО. Фонд Саратовских женских двухклассных приходских школ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 10.
26. ГАСО. Фонд Инспекции народных училищ Саратовской губернии и г. Саратова. Ф. 280. Оп. 1. Д. 148, 149, 176, 179, 199, 213, 216, 240, 280, 292, 294, 307, 320, 323, 324.
27. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Фонд Попечителя Казанского учебного округа. Ф. 92. Оп. 2. Д. 6; Оп. 8. Д. 2, 3, 8.
28. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Фонд Астраханского епархиального женского училища. Ф. 639. Оп. 1. Д. 4, 10, 14, 17, 32, 35–38, 40–46, 48–54, 67, 68, 69, 76, 105, 126, 129, 135, 144, 161, 189, 192.
29. ГААО. Фонд Астраханского Епархиального училищного совета г. Астрахань. – Ф. 743. Оп. 1. Д. 1; Оп. 2. Д. 3–6, 8–15.
30. ГААО. Фонд Церковно–приходские школы Черноярского уезда Астраханской епархии. Ф. 954. Оп. 1. Д. 1, 2.
31. ГААО. Фонд Церковно–приходские школы Енотаевского уезда. Ф. 955. Оп. 1. Д. 1.
32. ГААО. Объединенный архивный фонд «Приходские училища г. Астрахани». Ф. 651. Оп. 2. Д. 13; Оп. 3. Д. 13; Оп. 5. Д. 1–5, 16; Оп. 6. Д. 9, 11, 12; Оп. 8. Д. 15; Оп. 9. Д. 2.

33. ГААО. Фонд Астраханской Мариинской женской гимназии г. Астрахань. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1, 2, 3.
34. ГААО. Фонд Сасыкольского 2-х классного сельского училища Енотаевского уезда и губернии с. Сасыколи. Ф. 318. Оп. 2. Д. 17, 18, 20.
35. ГААО. Объединенный архивный фонд «Начальные училища г. Астрахани». Ф. 36. Оп. 6. Д. 2–6; Оп. 7. Д. 1.
36. ГААО. Фонд Астраханского губернского статистического комитета г. Астрахань. Ф. 32. Оп. 1. Д. 383, 608.
37. ГААО. Фонд Дирекции народных училищ г. Астрахань. Ф. 293. Оп. 1. Д. 1.
38. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Фонд Царицынской уездной земской Управы Саратовской губернии. Ф. 3. Оп. 1. Д. 25.
39. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Фонд Народных училищ Царицынского и Камышинского уездов Саратовской губернии. Ф. 329. Оп. 1. Д. 3, 6.

Опубликованные источники

а) нормативно-правовые акты

40. Введение в духовно-учебных заведениях временных правил // Астраханские епархиальные ведомости. – 1906. – № 20. – С. 1008–1009.
41. Высочайшее соизволение учреждения в Астраханском епархиальном женском училище 2-х стипендий имени покойного Преосвященного Астраханского Афанасия и бывшего Кафедрального протоирея И. Павлинова // Астраханские епархиальные ведомости. – 1880. – № 28. – С. 434.
42. Дудышкин, С. Г. Программы реальных училищ / С. Г. Дудышкин. – Москва: Типография Е. Герберг, 1898. – 254 с.

43. Завьялов, А. А. Циркулярные указы Святейшего правительствующего синода 1867–1900 гг. / собр. и изд. А. Завьялов, секр. Святейшего Синода. – 2-е изд., доп. – Санкт–Петербург: И.Л. Тузов, 1901. – 444 с.
44. Законопроекты в Государственной Думе о повышении окладов и пенсий служителям в духовно-учебных заведениях, о предоставлении епархиальным училищам прав, о пенсионных кассах для учителей духовных школ // Астраханские епархиальные ведомости. – 1913. – № 13. – С. 371–372.
45. О безвозмездных обязанностях духовных учителей // Астраханские епархиальные ведомости. – 1906. – № 21. – С. 1056–1059.
46. О возвышении окладов в духовно-учебных заведениях // Астраханские епархиальные ведомости. – 1894. – № 17–18. – С. 223.
47. О зачёте кандидатам духовных академий, перемещаемых на службу в епархиальные женские училища времени службы в их послужной срок выслуги на высший оклад жалования // Астраханские епархиальные ведомости. – 1894. – № 7. – С. 97.
48. О правах на прогоны при первоначальном определении на учебную службу воспитанников и воспитанниц учебных заведений и о порядке назначения сих окладов // Астраханские епархиальные ведомости. – 1895. – № 5. – С. 259.
49. О правилах для образцовых школ // Астраханские епархиальные ведомости. – 1886. – № 16. – С. 535–538, 562.
50. О преподавании древних языков и других предметов в духовно-учебных заведениях // Астраханские епархиальные ведомости. – 1906. – № 24. – С. 1088–1092.
51. О разрешении принимать в училище инословных без ограничения 10% // Астраханские епархиальные ведомости. – 1896. – № 16, 23. – С. 661, 956.
52. Об изменении §§ 7,17 и 27 Устава епархиальных женских училищ // Астраханские епархиальные ведомости. – 1882. – №18. – С. 284–285.

53. Об открытии параллельных классов и расширении зданий в мужских и женских духовных училищах // Астраханские епархиальные ведомости. – 1907. – № 13. – С. 606–620.
54. Об установлении льгот для учащихся при проезде по железным дорогам // Астраханские епархиальные ведомости. – 1895. – № 12. – 344.
55. Об утверждении проектов положений о 2-х стипендиях в Астраханском епархиальном женском училище // Астраханские епархиальные ведомости. – 1880. – № 48. – С. 753–755.
56. Положение о VII педагогическом классе // Астраханские епархиальные ведомости. – 1896. – № 9. – С. 393–396.
57. Правила для производства годовых экзаменов в Астраханском епархиальном женском училище // Астраханские епархиальные ведомости. – 1880. – № 40. – С. 627–630.
58. Программа для желающих поступить в Саратовское епархиальное женское училище // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов. – 1880. – № 23. – отд. офиц. – С. 112–114.
59. Программа для поступающих в I класс // Астраханские епархиальные ведомости. – 1896. – № 9. – С. 380–392.
60. Программа чтений по гигиене // Астраханские епархиальные ведомости. – 1896. – № 9. – С. 395–396.
61. Программы учебных предметов в VII педагогическом классе Саратовского Епархиального Иоанникиевского женского училища, применявшаяся в 1903/4 учебном году и предположенная на 1904–1905 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов. – 1905. – № 8. – отд. офиц. – С. 238–248; – № 22. – отд. офиц. – С. 429–434; – № 23. – отд. офиц. – С. 438–443.
62. Проект мер против несвоевременной явки воспитанниц в училище после каникул и безвестного отсутствия их в учебное время // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов. – 1883. – № 1. – отд. офиц. – С. 3–4.

63. Родевич, М. В. Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения / М. В. Родевич. – Санкт–Петербург: Типография д–ра М. А. Хана, 1884. – 238 с.

64. Устав женских учебных заведений Ведомства Императрицы Марии, высочайше утвержденный 30 августа 1855 года. – Санкт–Петербург: Типография К Штремера, 1884. – 346 с.

65. Устав о пенсиях и единовременных пособиях для лиц, служащих при Саратовском епархиальном женском училище и епархиальном детском приюте // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов. – 1900. – № 21. – отд. офиц. – С. 390–395.

66. Учебная программа и условия для поступления в Саратовское епархиальное женское училище // Саратовские епархиальные ведомости. – Саратов. – 1883. – № 25. – отд. офиц. – С. 166–168.

67. Учебная программа и условия для поступления в Саратовское епархиальное женское училище // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов. – 1893. – № 5. – отд. офиц. – С. 115–131; № 6. – отд. офиц. – С. 101–113.

68. Федотов, О. Сборник узаконений и распоряжений о церковных школах Ведомства православного исповедания / О. Федотов. – Санкт–Петербург: Синодальная типография. – 1907. – С. 1–18.

69. Циркулярное отношение Училищного совета при Святейшем Синоде, от 2 апреля 1904 г. №№ 3 и 4, на имя Епархиальных Училищных Советов // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов. – 1904. – № 8. – отд. офиц. – С. 178–183.

б) делопроизводственные акты

70. Ведомость о церковных школах Саратовской епархии за 1915 гражданский год // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов. – 1916. – №16. – отд. неофиц. – С.615–630.

71. Ведомость об успехах воспитанниц Саратовского епархиального женского училища за 1897–98 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов. – 1898. – № 24. – отд. офиц. – С. 565–568.
72. Доклад комиссии, избранной от Съезда о. о. уполномоченных Саратовской епархии 1886 года для ознакомления с положением Саратовского епархиального женского училища // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов. – 1886. – № 24. – отд. офиц. – С. 780–785.
73. Журналы XXXIII Царицынского очередного уездного земского собрания 1898 г. – Царицын, 1899. – С. 291–292.
74. Извлечение из отчёта Астраханского епархиального наблюдателя о состоянии школ церковно-приходских и грамоты в Астраханской епархии за 1899–1900 учебный год / Ф. Архангельский. – Астрахань: [Б. и.], 1901. – 59 с.
75. К Отчёту о состоянии Саратовского епархиального Иоанникиевского женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1903–1904 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов, 1905. – № 7. – отд. офиц. – С. 230–234.
76. Краткие сведения о состоянии Саратовского епархиального женского училища за 1882–1883 учебный // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов, 1883. – № 24. – отд. неофиц. – С. 300–303.
77. Краткие сведения о состоянии Саратовского епархиального женского училища за 1883–1884 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов, 1884. – № 15. – отд. неофиц. – С. 393–398.
78. Краткий отчёт о состоянии Епархиального женского училища за 1890/91 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов, 1891. – № 14. – отд. неофиц. – С. 643–646.
79. Краткий отчёт о состоянии Саратовского женского епархиального училища за 1889–1900 год // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов, 1890. – № 12. – отд. неофиц. – С. 510–517.
80. Кузнецов, А. Епархиальные женские училища / А. Кузнецов // Церковные ведомости. Прибавления. – 1909. – № 3–8. – С. 10–11.

81. Начальные церковные школы в 1916 году // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов. – 1916. – № 15–16. – отд. неофиц. – С. 584–587.
82. О состоянии Астраханского епархиального женского училища // Астраханские епархиальные ведомости. – 1881. – № 8. – С. 115–117; № 9. – С. 134–136; № 11. – С. 162–163.
83. О состоянии Астраханского епархиального женского училища за 1880–1881 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1882. – № 3. – С. 35–42.
84. О состоянии Астраханского епархиального женского училища за 1881–1882 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1883. – № 2. – С. 19–28.
85. Отчёт Астраханского епархиального женского училища за 1887/88 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1889. – № 23. – С. 913–926; № 24. – 947–961.
86. Отчёт Астраханского епархиального женского училища за 1889–1890 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1890. – № 23. – С. 811–815; 1891. – № 2. – С. 27–32; № 3. – 35–56; № 4. – 60–64.
87. Отчёт Астраханского епархиального женского училища за 1890–1891 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1891. – № 23. – С. 293–296; № 24. – С. 308–314.
88. Отчёт Астраханского епархиального женского училища за 1891–1892 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1893. – № 1. – С. 11–14; № 2. – С. 17–30; № 3. – С. 33–43.
89. Отчёт Астраханского епархиального женского училища за 1894–1895 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1896. – № 3. – С. 99–107; № 4. – С. 158–171.
90. Отчёт Астраханского епархиального женского училища за 1895–1896 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1897. – № 1–2. – С. 4–14; № 5. – С. 207–216.

91. Отчёт Астраханского епархиального женского училища за 1904–1905 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1905. – № 23. – С. 1–25.
92. Отчёт Астраханского епархиального женского училища за 1908–1909 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1908. – № 23. – С. 1–21.
93. Отчёт Астраханского епархиального женского училища за 1909–1910 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1910. – № 1. – С. 20.
94. Отчёт Астраханского епархиального женского училища за 1911–1912 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1912. – № 35–36. – С. 1–22.
95. Отчёт Астраханского епархиального женского училища за 1912–1913 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1913. – № 32. – С. 1–22.
96. Отчёт Астраханского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1882–1883 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1884. – № 5. – С. 66–82.
97. Отчёт Астраханского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1883–1884 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1885. – № 11 – С. 188.
98. Отчёт Астраханского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1885–1886 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1887. – № 1. – С. 8–18.
99. Отчёт Астраханского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1886–1887 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1887. – № 24. – С. 993–1008.

100. Отчёт о состоянии 2-го Саратовского Епархиального Женского Училища в г. Вольске в учебно-воспитательном отношении за 1901–1902 учебный год (первый со времени открытия училища) // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов. – 1903. – № 2. – отд. офиц. – С. 41–56.

101. Отчёт о состоянии 2-го Саратовского Епархиального женского училища в г. Вольске в учебно-воспитательном отношении за 1902–1903 учебный год (второй со времени открытия училища) // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов. – 1904. – № 1. – отд. офиц. – С. 9–26.

102. Отчёт о состоянии 2-го Саратовского Епархиального женского училища в г. Вольске в учебно-воспитательном отношении за 1903–1904 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов. – 1905. – № 6. – отд. неофиц. – С. 369–374; № 7. – отд. неофиц. – С. 433–436; № 9. – отд. неофиц. – С. 508–510; № 11. – отд. неофиц. – С. 565–568.

103. Отчёт о состоянии Астраханского епархиального женского училища за 1892–1893 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1894. – № 2. – С. 22–25; № 3. – С. 40–47; № 4. – 58–65; № 5. – С. 73–81.

104. Отчёт о состоянии Астраханского епархиального женского училища за 1893–1894 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1894. – № 24. – С. 362.

105. Отчёт о состоянии Астраханского епархиального женского училища за 1900–1901 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1902. – № 1. – С. 1–24.

106. Отчёт о состоянии Астраханского епархиального женского училища за 1903–1904 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1904. – Неоф. Часть. – № 22. – С. 935–941.

107. Отчёт о состоянии Астраханского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1884–1885 учебный год // Астраханские епархиальные ведомости. – 1886. – № 2. – С. 39–49; № 3; – С. 102–116; № 24. – С. 924–932.

108. Отчёт о состоянии Вольского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1914–1915 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1916. – № 3. – отд. неофиц. – С. 88–97; № 4. – отд. неофиц. – С. 132–141; № 5. – отд. неофиц. – С. 176–177; № 6. – отд. неофиц. – С. 209–210.

109. Отчёт о состоянии одноклассной женской церковно-приходской школы при Саратовском Иоанникиевском епархиальном женском училище за 1911–1912 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1913. – № 1. – отд. офиц. – С. 19–21.

110. Отчёт о состоянии одноклассной церковно-приходской образцовой школы при Саратовском Иоанникиевском епархиальном женском училище за 1914–1915 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1916. – № 14. – отд. неофиц. – С. 538–539; № 14. – отд. неофиц. – С. 538–539.

111. Отчёт о состоянии Саратовского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении // Саратовские епархиальные ведомости. – 1898. – № 1. – отд. офиц. – С. 83–92.

112. Отчёт о состоянии Саратовского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1880–1881 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1881. – № 45. – отд. офиц. – С. 1–8.

113. Отчёт о состоянии Саратовского Епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1884–1885 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов. – 1886. – № 3. – отд. офиц. – С. 87–102; № 4. – отд. офиц. – С. 112–119.

114. Отчёт о состоянии Саратовского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1886–1887 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1888. – № 5. – отд. офиц. – С. 163–184; № 6. – отд. офиц. – С. 218–223.

115. Отчёт о состоянии Саратовского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1887–1888 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов. – 1889. – № 3. – отд. офиц. – С. 73–88; № 4. – отд. офиц. – С. 95–112.

116. Отчёт о состоянии Саратовского Епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1888–1889 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1890. – № 7. – отд. офиц. – С. 117–125; № 8. – отд. офиц. – С. 147–149; № 9. – отд. офиц. – С. 177–190; № 10. – отд. офиц. – С. 207–211.

117. Отчёт о состоянии Саратовского Епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1889 – 1890 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1891. – № 1–2. – отд. офиц. – С. 13–21; № 3. – отд. офиц. – С. 30–47.

118. Отчёт о состоянии саратовского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1890–1891 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1892. – № 2. – отд. офиц. – С. 26–33; № 3. – отд. офиц. – С. 59–69; № 4. – отд. офиц. – С. 91–101.

119. Отчёт о состоянии Саратовского Епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1891–1892 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1893. – № 3. – отд. офиц. – С. 60–72; № 4. – отд. офиц. – С. 80–97.

120. Отчёт о состоянии Саратовского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении // Саратовские епархиальные ведомости. – 1895. – № 4. – отд. офиц. – С. 67–74.

121. Отчёт о состоянии Саратовского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1896–1897 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1898. – № 3. – отд. офиц. – С. 40–49; № 4. – отд. офиц. – С. 57–68.

122. Отчёт о состоянии Саратовского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1897–1898 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1898. – № 24. – отд. офиц. – С. 531–552.

123. Отчёт о состоянии Саратовского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1881–1882 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1883. – № 1. – отд. офиц. – С. 4–9.

124. Отчёт о состоянии Саратовского Епархиального женского училища за 1885–1886 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1887. – № 3. – отд. офиц. – С. 95–100; № 4. – отд. офиц. – С. 117–131.

125. Отчёт о состоянии Саратовского епархиального женского училища за 1882–1883 год в учебно-воспитательном отношении // Саратовские епархиальные ведомости. – 1883. – № 46–47–48. – отд. офиц. – С. 251–265.

126. Отчёт о состоянии Саратовского епархиального женского училища, в учебно-воспитательном отношении за 1892–1893 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1894. – № 3. – отд. неофиц. – С. 128–151.

127. Отчёт о состоянии Саратовского епархиального Иоанникиевского женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1903–1904 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1905. – № 1. – отд. офиц. – С. 14–24; № 5. – отд. офиц. – С. 155–172; № 6. – отд. офиц. – С. 203–219.

128. Отчёт о состоянии Саратовского Иоанникиевского Епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1900–1901 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1902. – № 10. – отд. офиц. – С. 243–252; № 11. – отд. офиц. – С. 270–278; № 12. – отд. офиц. – С. 299–308.

129. Отчёт о состоянии Саратовского Иоанникиевского Епархиального женского училища в учебно-воспитательной отношении за 1901–1902 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1903. – № 10. – отд. офиц. – С. 240–251; № 11. – отд. офиц. – С. 264–277.

130. Отчёт о состоянии Саратовского Иоанникиевского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1911–1912 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов. – 1913. – № 1. – отд. офиц. – С. 9–17.

131. Отчёт о состоянии Саратовского Иоанникиевского епархиального женского училища за 1914–1915 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1916. – № 10. – отд. неофиц. – С. 385–394; № 11–12. – отд. неофиц. – С. 441–448.

132. Отчёт о состоянии Саратовского Иоанникиевского епархиального женского училища // Саратовские епархиальные ведомости. – 1916. – № 13. – отд. неофиц. – С. 487–491.

133. Отчёт о состоянии сумм и деятельности Общества вспомоществования недостаточным воспитанницам 2-го Саратовского епархиального женского училища в г. Вольске на 1903 год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 14. – отд. офиц. – С. 437–448; № 20. – отд. неофиц. – С. 752–756; № 22. – отд. неофиц. – С. 805–808.

134. Отчёт о состоянии церковных школ Астраханской епархии в 1900–1901 учебном году / Ф. Архангельский. – Астрахань: [Б. и.] – 1901. – 48 с.

135. Отчёт о состоянии церковных школ Саратовской епархии за 1914–1915 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1916. – № 19. – отд. неофиц. – С. 724–732; № 20. – отд. неофиц. – С. 770–780; № 21. – отд. неофиц. – С. 819–828; № 22. – отд. неофиц. – С. 854–870; № 23. – отд. неофиц. – С. 905–919; № 24. – отд. неофиц. – С. 955–956; № 25–26. – отд. неофиц. – С. 1001–1003; № 27. – отд. неофиц. – С. 1050–1056; № 28–29. – отд. неофиц. – С. 1098–1108.

136. Отчёт о состоянии церковных школ Саратовской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1913–1914 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов. – 1915. – № 31. – отд. офиц. – С. 1308–1314; – 1915. – № 36. – отд. офиц. – С. 1522–1527; № 22–23. – отд. офиц. – С. 934–936; № 24. – отд. офиц. – С. 990–992; № 25. – отд. офиц. – С. 1057–1059; № 26.

– отд. офиц. – С. 1094–1098; № 27. – отд. офиц. – С. 1135–1138; № 28. – отд. офиц. – С. 1180–1183; № 6. – отд. офиц. – С. 1218–1222; № 30. – отд. офиц. – С. 1265–1269; № 32. – отд. офиц. – С. 1352–1455; № 33. – отд. офиц. – С. 1394–1397; № 34. – отд. офиц. – С. 1436–1439; 1916. – № 8. – отд. неофиц. – С. 304–320; – № 5. – отд. неофиц. – С. 174–175; № 1–2. – отд. офиц. – С. 10–12; № 3. – отд. неофиц. – С. 86–88; № 4. – отд. неофиц. – С. 130–132; 1915. – № 35. – отд. офиц. – С. 1475–1479.

137. Отчёт о состоянии церковных школ Саратовской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1912–1913 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1914. – № 9. – отд. офиц. – С. 10–18; № 10. – отд. офиц. – С. 11–19; № 11. – отд. офиц. – С. 7–14; № 12. – отд. офиц. – С. 6–17; № 13. – отд. офиц. – С. 10–20; № 14. – отд. офиц. – С. 4–11; № 15. – отд. офиц. – С. 13–21; № 16. – отд. офиц. – С. 11–21; – 1915. № 6. – отд. офиц. – С. 226–231; № 7. – отд. офиц. – С. 265–272; № 11. – отд. офиц. – С. 411–414; № 13. – отд. офиц. – С. 517–522; № 14. – отд. офиц. – С. 571–573; № 16. – отд. офиц. – С. 694–697.

138. Отчёт о состоянии церковных школ Саратовской епархии год // Саратовские епархиальные ведомости. Саратов. – 1916. – № 30. – отд. неофиц. – С. 1154–1157.

139. Отчёт Саратовского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1883–1884 учебный год // Саратовские епархиальные ведомости. – 1885. – № 3. – отд. офиц. – С. 72–96.

140. Отчёт Саратовского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты в Саратовской епархии за 1891–92 учебный год. – Саратов: Типография Губернского Земства, –1893. – 67 с.

141. Отчёт Саратовского Иоанникиевского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении // Саратовские епархиальные ведомости. – 1901. – № 1. – отд. офиц. – С. 17–28; № 2. – отд. офиц. – С. 39–54.

142. Отчёты о состоянии Астраханского епархиального женского училища за 1901–1902; 1902–1903 учебные годы // Астраханские епархиальные ведомости. – 1903. – № 1–5. – С. 1–14.

143. Собрание законоучителей средних светских учебных заведений г. Астрахани в 1913 г. – Астрахань: [Б. и.] –1913. – 59 с.

в) статистические материалы и сборники

144. Первая всероссийская перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Санкт-Петербург: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. – 1904. – Тетрадь 2. – 167 с.

145. Первая всероссийская перепись населения Российской империи 1897 г./ под ред. Н.А. Тройницкого. Санкт-Петербург: издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. – 1904. – Тетрадь 23. – 249 с.

146. Преображенский, И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–1841 по 1890–91 гг. / И. Преображенский. – Санкт-Петербург: Типография Э. Арнгольда, 1897. – 236 с.

147. Статистический обзор Саратовской губернии и отчёт Губернского статистического комитета за 1896 г. – Саратов, 1897. – 40 с.

г) источники личного происхождения

148. Бокова, В.М., Сахарова, Л.Г. Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / В.М. Бокова, Л.Г. Сахарова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2008. – 566 с.

149. Италинский, А. Из жизни церковно-приходской школы / А. Италинский. – Москва: Синодальная типография, 1906. – 80 с.

150. Мартынова, Г.Г. Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц / Г.Г. Мартынова. – Москва: Ломоносов, 2013. – 282 с.

151. Мироносицкий, П.П. Дневник учителя церковно-приходской школы / П.П. Мироносицкий. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1896. – 92 с.

152. Попова, О.Д. Епархиалки: воспоминания воспитанниц женских епархиальных училищ / О.Д. Попова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2011. – 298 с.

153. Рязанский, Л. Слово в день освящения храма во имя святой мученицы Царицы Александры при Астраханской Мариинской гимназии / Л. Рязанский. – Астрахань: Паровая губернская типография, 1909. – 8 с.

2. Научная литература

154. Алешина, С. А. Женские епархиальные училища в деле подготовки педагогических кадров для народных школ / С. А. Алешина // Педагогический журнал для Башкортостана. – Уфа, 2019. – № 1. – С. 140–144.

155. Анастасьев, А. И. Народная школа. Руководство для учителей и учительниц начальных народных училищ, настольная справочная книга: в 2 т. / А. И. Анастасьев. – Москва: Издание А. А. Ступина, 1910. – Т. 1. – 468 с.

156. Архангельский, Ф. Педагогические курсы для учителей и учительниц церковно-приходских школ в Казани / Ф. Архангельский // Астраханские епархиальные ведомости. – 1897. – № 17. – С. 657.

157. Белявский, Ф. Н. О реформе Духовных школ: в 2-х ч. Ч. 1: Краткий очерк прошлого средней духовной школы / Ф. Н. Белявский. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1907. – 230 с.

158. Белякова, Е. В. Женщина в православии: церковное право и российская практика / Е. В. Белякова, Н. А. Белякова, Е. Б. Емченко. – Москва: Кучково поле, 2011. – 704 с.

159. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – Москва: Правда, 1989. – 607 с.

160. Благодравов, М. Д. Церковные школы в Астраханской Епархии в XIX веке и состояние учебного дела вообще в XVII и XVIII веках / М. Д. Благодравов. – Астрахань: паровая типография В. Л. Егорова, прот. Окружного Суда, 1906. – 219 с.
161. Васильева, С. П. Епархиальные училища в России конца XIX – начала XX в. Особенности образовательного процесса / С. П. Васильева // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2008. – № 9. – С. 87–90.
162. Вессель, Н. К. Очерки об общем образовании и системе народного образования в России / Н. К. Вессель. – Москва: Учпедгиз, 1959. – 320 с.
163. Вопросы истории школы и педагогики дореволюционной России / под ред. Э. Д. Днепров. – Москва: НИИ общей педагогики АПН СССР, 1978. – 102 с.
164. Гошуляк, Л. Д. Социальный заказ на образование в формировании губернского образовательного комплекса России второй половины XIX – начала XX веков / Л. Д. Гошуляк. – Пенза: Пензенский государственный педагогический университет, 2002. – 77 с.
165. Духовная школа: сборник статей. – Москва: Печатня А. Снегиревой, 1906. – 348 с.
166. Ефремова, У. П. Епархиальное женское училище и подготовка учительских кадров в Екатеринбурге (1880–1920-е гг.) / У. П. Ефремова, М. В. Попов // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 6. – С. 13–19.
167. Зинченко, Н. Е. Женское образование в России / Н. Е. Зинченко. – Санкт–Петербург: Коммерческая скоропечатня, 1901. – 46 с.
168. Иванцов-Платонов, А. М. Об образовании девиц духовного происхождения вообще и применительно к потребностям духовенства Московской епархии в частности / А. М. Иванцов-Платонов // Православное обозрение. – 1871. – № 2. – С. 7–8.

169. Игнатович, В. Женское образование и женские школы в теории и на практике / В. Игнатович. – Санкт-Петербург: тип. Ф.С. Сушинского, 1865. – 76 с.
170. Казанский, Н. Народное образование в Астраханской губернии / Н. Казанский // Русская мысль. – 1898. – Кн. 6. – С. 173–196; Кн. 8. – С. 97–122; Кн. 10. – С. 1–33; Кн. 11. – С. 1–9.
171. Калязин, Г. Об училищах для девиц в уездных городах / Г. Калязин – Москва: Университетская типография, 1859. – 54 с.
172. Катков, М. Н. Наша учебная реформа / М. Н. Катков. – Москва: Издательство С. Н. Фишер, 1890. – 181 с.
173. Катков, М. Н. О женском образовании / М. Н. Катков. – Москва: Печатня А. И. Снегиревой, 1897. – 70 с.
174. Колесникова, В. Л. Женщина духовного сословия в системе народного образования России XIX – начала XX вв. (на примере Тамбовской губернии) / В. Л. Колесникова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2007. – № 1. – С. 67–71.
175. Константинов, Н. А. Очерки истории средней школы (гимназии, реальные училища) с конца XIX в. до Февральской революции 1917 г. / Н. А. Константинов. – Москва: Учпегиз, 1956. – 247 с.
176. Кропоткина, И. Е. Казанский учебный округ в конце XIX – начале XX в. / И. Е. Кропоткина. – Москва: Флинта; Наука, 2011. – 160 с.
177. Крыжановский, Е. Училище для девиц духовного звания при Лебединском женском монастыре / Е. Крыжановский // Руководство для сельских пастырей. – Киев, 1860. – № 1. – С. 16–27.
178. Кузнецов, А. Епархиальные женские училища за 50 лет их существования / А. Кузнецов // Церковные ведомости. – Москва, 1900. – № 3. – С. 120–124; № 4. – С. 178–183; № 5. – С. 229–234; № 6. – С. 283–286.

179. Леонтьев, И. Ф. Об образовании женщин. Второй выпуск Астраханского епархиального женского училища / И. Ф. Леонтьев. – Санкт-Петербург: Типография духовного журнала «Странник», 1872. – 20 с.
180. Летницкий, А. Астраханские епархиальные педагогические курсы для учителей церковно-приходских школ Астраханской епархии в 1907 г. / А. Летницкий // Астраханские епархиальные ведомости. – 1902. – № 15. – С. 630–631.
181. Лихачева, Е. М. Материалы для истории женского образования в России: 1856–1880 / Е. М. Лихачева. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. – 887 с.
182. Малиновский, Н. П. Очерки по истории женского среднего образования в России / Н. П. Малиновский // Русская школа. – Санкт-Петербург, 1914. – № 9–10. – С. 23–28.
183. Маслов, В. По вопросу об училищах для девиц духовного звания / В. Маслов // Дух христианина. – Санкт-Петербург, 1864. – № 11. – С. 46.
184. Меркулов, В. Краткий исторический очерк Саратовской начальной народной школы / В. Меркулов. – Санкт-Петербург: Типография Е. Елионского, 1886. – 15 с.
185. Михайлов, М. Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе / М. Л. Михайлов // Современник. – Санкт-Петербург, 1860. – № 4. – С. 8–11.
186. Михневич, В. О. Русская женщина XVIII столетия / В. О. Михневич. – Москва: Панорама, 1990. – 256 с.
187. Монякова, О. А. Светское и духовное среднее образование в провинции в 1861–1917 гг. / О. А. Монякова // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 1. – С. 63–70.
188. Никитина, Н. И. Женское епархиальное училище: от религиозного воспитания к педагогическому образованию / Н. И. Никитина // Вестник Новгородского государственного университета. – 2011. – № 64. – С. 48–51.

189. Об училищах для девиц духовного звания // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. – Москва: Университетская типография, 1866. – 172 с.
190. Овцын, В. Развитие женского образования: исторический очерк / В. Овцын. – Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1887. – 42 с.
191. Осинин, А. Исторические заметки о положении и образовании женщины / А. Осинин // Женское образование. – 1883. – Кн. 6–8.
192. Острогорский, В. П. Двадцатилетие женских гимназий в России / В. П. Острогорский // Вестник Европы. – Санкт-Петербург, 1889. – № 4. – С. 45–51.
193. Остроухов, П. Краткая записка об учреждении в Тамбове училища девиц духовного звания / П. Остроухов. – Тамбов: Типография Палаты государственных имуществ, 1864. – 15 с.
194. Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894) / под ред. И. В. Пороха. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1995. – Т. 2. Ч. 1, 2. – 316 с.
195. Пленкин, Ф. И. Состояние начального образования в Астраханской губернии за 1912 год / Ф. И. Пленкин. – Астрахань, 1913. – 186 с.
196. Пленкин, Ф.И. Начальное народное образование во внутренней Киргизской Орде (1910–1912 гг.) / Ф. И. Пленкин. – Астрахань: электро-тип. Я. Медковича, 1914. – 151 с.
197. Попова, О. Д. Епархиалки и российское общество рубежа XIX–XX вв. Социальный статус, стремления и возможности / О. Д. Попова. – Санкт-Петербург: Лань, 2019. – 432 с.
198. Преображенский, А. Положение епархиальных женских училищ / А. Преображенский // Народное образование. – Москва, 1899. – № 5. – С. 2.
199. Ромашков, Д. И. О духовном образовании / Д. И. Ромашков // Чтение в Обществе любителей духовного просвещения. – Москва, 1893. – Кн. 10. – С. 89–91.

200. Саввинский, И. И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 год) / И. И. Саввинский – Астрахань: Типография В. Л. Егорова, 1903. – 390 с.
201. Семёнов, Д. Епархиальные женские училища за 50 лет их существования / Д. Семёнов // Русская школа. – Санкт-Петербург, 1893. – № 10–12. – С. 35–45.
202. Смолич, И. К. История русской церкви / И. К. Смолич. – Москва: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996. – 798 с.
203. Тарабановская, Е. А. Становление системы государственного управления образованием в России: XIX – начало XX в. (на примере национального образования в Астраханской губернии) / Е. А. Тарабановская. – Астрахань: Астраханский университет, 2009. – 175 с.
204. Теодорович, Н. И. История Саратовского Мариинского института благородных девиц / Н. И. Теодорович. – Саратов: Типография Губернского Земства, 1916. – 254 с.
205. Титлинов, Б. В. Духовная школа в России XIX века / Б. В. Титлинов – Вильна: Типография «Русский почин», 1908. – 383 с.
206. Тихомиров, Д. И. Общие сведения о сельских школах Саратовской губернии и неотложных нуждах этих школ. Доклад Саратовской губернской земской управы руководителей педагогических курсов в г. Саратове / Д. И. Тихомиров. – Саратов, 1899. – 34 с.
207. Тишкин, Г. А. Женский вопрос в России в 50–60-х гг. XIX в. / Г. А. Тишкин. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1984. – 239 с.
208. Трещев, А. М. История развития образования в Астраханской губернии: XVIII – начало XX вв. / А. М. Трещев, Г. В. Алферова, Е. А. Тарабановская. – Астрахань: Астраханский государственный педагогический университет, 2001. – 118 с.

209. Туровский К. Очерки по истории и географии Царицынского уезда / К. Туровский. – Царицын: Типография товарищества «В. Баландин и бр. А. и В. Лошкаревы», 1911. – 78 с.

210. Фриз, Г. Губительное благочестие. Российская церковь и падение империи: сборник статей / Г. Фриз. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 350 с.

211. Чернышевский, Н. Г. Избранные педагогические высказывания / Н. Г. Чернышевский. – Москва: Учпедгиз, 1936. – 344 с.

212. Числов, П. И. История русского права московского и петербургского периодов / П. И. Числов. – Москва: Типография А. В. Васильева и К°, 1902. – 474 с.

213. Шашков, С. С. Очерк истории русской женщины / С. С. Шашков. – Санкт-Петербург: Книжный магазин «Новое время», 1872. – 352 с.

214. Шперк, Ф. Ф. Краткий исторический очерк народного образования в г. Астрахани // Астраханский листок. – 1893. – № 20. – С. 2–3; № 23. – С. 2–3; № 26. – С. 2–3; № 31. – С. 2; № 36. – С. 2; № 86. – С. 2.

215. Якименко, В. В. Из истории возникновения первых московских епархиальных женских училищ / В. В. Якименко // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 6. – С. 116–126.

216. Ярославское училище девиц духовного звания. – Ярославль: Типография Г. Фалька, 1861. – 51 с.

Диссертации и авторефераты

217. Андреева, Е. А. Возникновение и развитие епархиальных женских училищ в России (середина XIX – начало XX вв.) : специальность 13.00.01 «Общая педагогика»: диссертация на соискание учёной степени кандидата педагогических наук / Андреева Евгения Анатольевна ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2000. – 173 с.

218. Арчебасова, Н. А. Начальное народное образование в Царицынском уезде Саратовской губернии в 1861–1914 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Арчебасова Надежда Анатольевна ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2000. – 259 с.

219. Гусева, О. В. Становление системы народного образования в Саратовской губернии во второй половине XIX в. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Гусева Ольга Васильевна ; Саратовский государственный технический университет. – Саратов, 2004. – 166 с.

220. Козлов, К. В. Политика Русской православной церкви в области образования и ее реализации в деятельности епархий Центрального Черноземья. 1884–1914 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Козлов Константин Викторович ; Белгородский государственный университет. – Белгород, 2004. – 249 с.

221. Крутицкая, Е. В. Церковно-приходские школы России в конце XIX – начале XX вв. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Крутицкая Елена Васильевна ; Московский государственный открытый педагогический университет им. М. А. Шолохова. – Москва, 2004. – 246 с.

222. Лисюнин, В. Ф. Участие тамбовского православного духовенства в общественно-политической жизни в конце XIX – начале XX в. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Лисюнин Виктор Федорович ; Тамбовский государственный университет им. Г. р. Державина. – Тамбов, 2009. – 284 с.

223. Нуриев, Р. Р. Национальные школы Нижнего Поволжья в последней трети XIX – начале XX вв. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук

/ Нуреев Рамис Рафисович ; Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2006. – 168 с.

224. Паршина, В. Н. Становление системы женского образования в России во второй половине XIX – начало XX вв. (на материалах Пензенской губернии) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Паршина Вера Николаевна ; Пензенский государственный педагогический университет им. В. В. Белинского. – Пенза, 2017. – 277 с.

225. Перфильева, Е. И. Становление и развитие женского среднего образования в России XIX в. (40–60-е гг.) : специальность 13.00.01 «Общая педагогика»: диссертация на соискание учёной степени кандидата педагогических наук / Перфильева Евгения Ивановна ; Нижегородский ордена Трудового Красного Знамени Государственный педагогический институт им. М. Горького. – Н. Новгород, 1992. – 189 с.

226. Попова, О. Д. Женское духовное образование и его роль в изменении общественного положения женщины в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Попова Ольга Дмитриевна ; Московский государственный университет имени В.М. Ломоносова. – Москва, 2009. – 652 с.

227. Усачева, Р. Ф. Формирование системы женского среднего образования в России (60-е гг. XVIII – начало XX вв.) : специальность 13.00.01 «Общая педагогика»: диссертация на соискание учёной степени кандидата педагогических наук / Усачева Раиса Федоровна ; Ростовский государственный педагогический университет. – Ростов–на–Дону, 1997. – 293 с.

228. Федина, И. М. Становление и эволюция светского и православного женского образования в Кубано-Черноморье (досоветский период) : спе-

циальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Федина Ирина Михайловна ; Ставропольский государственный университет. – Краснодар, 2008. – 216 с.

229. Фидченко, О. В. Влияние государственно-церковных отношений на развитие народного образования в России в 1880–1905 годов: на материалах Московского учебного округа : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Фидченко Ольга Владимировна ; Московский государственный педагогический университет. – Москва, 2003. – 208 с.

230. Manchester, L. Secular Ascetics: The Mentality of Orthodox Clergymen's Sons in Late Imperial Russia: Ph.D. dissertation / Laurie Manchester. – New York: Columbia University, 1995. – 430 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Схема – Модель аппарата управления духовным образованием в России (последняя треть XIX – начало XX в.)

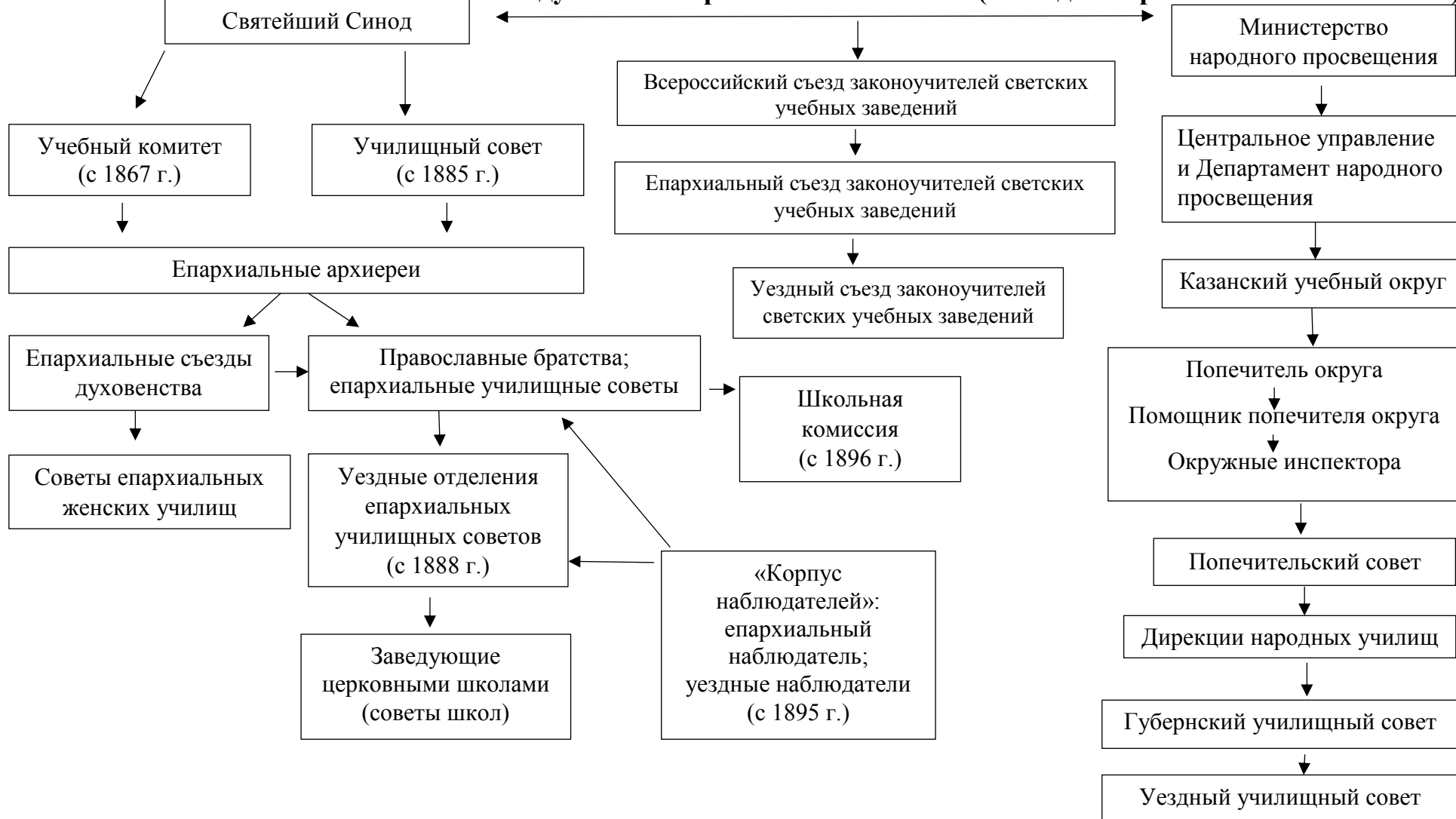

Таблица 1**Статистические данные о церковно-приходских школах в 1841–1893 гг.**

Год	Число школ	Количество мальчиков	Количество девочек	Общее количество учащихся
1870	14,400	284,735	47,610	332,345
1871	10,881	220,127	33,286	253,413
1872	9,650	205,400	32,690	238,090
1873	8,570	183,300	31,950	215,250
1874	7,780	178,290	30,750	209,010
1875	7,530	176,010	30,540	206,550
1876	6,820	170,470	26,760	197,230
1877	6,520	160,300	25,800	186,100
1878	6,170	151,660	25,300	176,960
1879	4,934	106,445	17,700	124,145
1880	4,488	93,500	16,240	119,740
1881	4,440	89,250	17,135	106,385
1882	4,580	101,270	16,200	117,470
1883	5,517	120,909	16,404	137,313
1884	7,770	162,200	22,500	184,700
1885	9,641	220,200	28,900	249,100
1886	12,096	282,200	35,600	317,800
1887	15,471	360,800	47,900	408,700
1888	17,655	421,400	52,800	474,200
1889	19,195	470,000	70,500	540,500

Источник: Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–1841 по 1890–91 г. СПб, 1897. С. 89.

Таблица 2

Число грамотных Астраханской губернии по Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

	В абсолютных числах			В % по мужскому, женскому и обоюго пола населения (старше 10 лет)		
	Мужчин	Женщин	Об. пола	Мужчин	Женщин	Об. пола
По губернии	112,493	37,632	150,125	29,81	10,56	20,46
В уездах	66,716	18,409	85,125	34,54	0,80	22,35
В городах	32,476	16,562	49,038	58,85	32,60	46,27
В степях Калмыцкой и Киргизской орды	13,301	2,661	15,962	10,31	2,25	6,47

Источник: сост. по: Статистический обзор Астраханской губернии за 1897 г. Астрахань, 1899. С. 88–90, 124–125.

Таблица 3.

Статистические сведения об окончивших курс в Астраханском епархиальном женском училище и обучавшихся в них в 1899–1908 гг.

Учебный год	1898–1899	1899–1900	1900–1901	1901–1902	1902–1903	1903–1904	1904–1905	1905–1906	1906–1907	1907–1908
Поступили	53	56	39	40	47	86	72	69	77	66
Обучались:										
дочери духовенства	129	145	150	160	174	210	226	255	255	285
инословные	83	84	76	63	56	58	60	60	57	45
Окончили	37	40	40	38	40	42	54	58	59	41
Поступили учителями в:										
церковно-приходские школы	9	10	13	10	8	11	17	16	13	–
школы МНП	1	3	5	5	4	2	4	6	3	1

Источник: сост. по: РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 443. Л. 26.